

МИХАИЛ ТАРАНАНОВ

Редактор В. М. Парфенов

Тараканов М. П.

Особая зона. Документальная повесть. — Киев; Воениздат, 1991, — 128 с.

Автор — участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС — проникновенно рассказывает о нелегких испытаниях, выпавших на долю воинов, боровшихся с неизбывным горем, постигшим нашу страну. В памяти народной никогда не изгладятся те роковые дни схваток со стихией атома. Солдаты, сержанты и офицеры проявили при этом мужество, отвагу и сердечность. Они шли впереди на самые опасные дела.

Книга рассчитана на массового читателя.

Автобус на большой скорости шел в направлении города Чернобыля. В его салоне — военнослужащие только что созданной оперативной группы Краснознаменного Киевского военного округа по ликвидации последствий аварии на атомной электростанции.

Покачиваясь на мягких сиденьях, каждый думал о предстоящей работе: «Какой она будет? Какой силы удар обрушился на страну? Что на деле будет означать ликвидация последствий аварии, проведение дезактивации?..» Об аварии знали пока лишь в общих чертах из первых скупых радиопередач и рассказа командующего войсками округа генерал-полковника В. В. Осипова, инструктировавшего группу перед выездом в Чернобыль. Знали, что на четвертом энергоблоке произошел взрыв, распространяется радиационная зараженность.

Начальник оперативной группы генерал-майор А. М. Кива — любитель и знаток истории, успевший почитать о Чернобыле справочный материал, завел разговор о его прошлом и настоящем.

— ...Чернобыль,— рассказывал Александр Михайлович,— один из древнейших городов Приднепровья. Первое летописное упоминание о нем относится к 1193 году. В XVI столетии он становится уездным центром, в котором развивались кузнечное, бондарное и другие ремесла. Недалеко от города уже тогда добывали болотную руду, из которой изготовляли железо.

Население Чернобыля участвовало в освободительной войне украинского народа 1648—1654 годов. Здесь неоднократно проходили упорные бои между восставшими и польско-литовскими войсками. Чернобыльцы радостно приветствовали историческое решение Переяславской рады о воссоединении Украины с Россией. Но вскоре город и его окрестности вновь оказались под властью шляхты. Усилился феодальный гнет. Чернобыльцы все чаще поднимались на борьбу против панов, громили их имения. А когда на Правобережной Украине за жглось пламя гайдамацкого движения, они активно поддержали восставших, помогли им расправиться с угнетателями.

Многими яркими событиями насыщена история Чернобыля.

В годы первой мировой войны почти все его мужское население было мобилизовано на фронт. Жизнь рабочих и крестьян еще более ухудшилась. Политическое бесправие и жестокая эксплуатация вызывали народный протест. Чернобыльцы включались в борьбу с царизмом и местными богачами.

С чувством большого удовлетворения они встретили победу Великой Октябрьской социалистической революции, с оружием в руках защищали ее завоевания от иностранных интервентов и белогвардейцев. После революции народное хозяйство города и окрестностей получило дальнейшее развитие. В тридцатые годы на базе ремонтных мастерских в городе создается судоремонтный завод. Начали работать новые предприятия: чугунолитейный, маслобойный, кирпичный заводы, промышленные артели «Победа», «Труд» и другие. Построены больницы, школы, Дворец пионеров, Дом культуры.

В августе 1941 года гитлеровцы оккупировали Чернобыль. Захватчики совершали на Чернобыльщине массовые злодеяния. Но чернобыльцы не покорились врагу, как и все советские люди, поднялись на священную борьбу за честь и свободу своей Родины. В районе действовали партийное подполье и партизанский отряд имени В. И. Чапаева. Подпольщики и партизаны оказали немалую помощь войскам Красной Армии в форсировании Днепра и Припяти, в уничтожении врага.

В послевоенном возрождении промышленности и сельского хозяйства страна оказывала большую помощь трудящимся Чернобыля, Из Москвы, Магнитогорска, Челябинска и других городов прибывали станки, инструменты, строительные материалы. Колхозы ряда областей РСФСР прислали сельскохозяйственные машины, скот, посевные материалы. Экономика района с каждым годом укреплялась. Не только было восстановлено разрушенное войной народное хозяйство, но и построен ряд новых промышленных предприятий.

Особую значимость городу и району придала Чернобыльская АЭС имени В. И. Ленина, расположенная на берегу красавицы реки Припяти. Сооружение ее четвертого энергоблока было закончено в 1982 году...

С приближением к Чернобылю все острее чувствовалась близость АЭС. По широким лесным просекам тянулись мощные линии электропередачи. Ажурные металлические опоры уносили вдаль тяжелые, низко прогнувшиеся провода.

Чернобыль оказался пустым и безжизненным. Население накануне было эвакуировано. Только на центральной площади, заставленной двухэтажными домами, сновали люди, одетые, словно медики, в специальные белые костюмы и шапочки-колпачки. На лицах — маски.

Двери зданий Чернобыльского райкома партии и райисполкома, в которых разместились Правительственная комиссия и головная военная оперативная группа по ликвидации последствий аварии, не закрывались от людского потока. У подъездов непрерывно останавливались машины различных марок — «Волги», уазики, грузовики, бронетранспортеры.

Здание райисполкома, куда мы вошли с начальником ОГ-2 (оперативной группы Киевского военного округа), походило на растревоженный улей, гудело от многоголосого говора. После некоторого ожидания нас пригласили к начальнику оперативной группы. Небольшой, скромно обставленный кабинет с плотно закрытыми окнами. На стене — схема Чернобыльской АЭС и топографическая карта ряда районов со множеством пометок и условных обозначений. Из-за письменного стола, запаленного внушительными аэрофотоснимками, поднялся коренастый, среднего роста мужчина в белой униформе — генерал армии Иван Александрович Герасимов. Всегда стройный и подтянутый, каким мы привыкли видеть его, генерал на этот раз выглядел усталым.

Он пригласил нас сесть, а сам долго рассматривал список нашей оперативной группы.

Подойдя затем к карте, генерал армии обстоятельно, неторопливо, словно перед боем, ввел нас в курс обстановки на станции и в тридцатикилометровой зоне. Чувствовалось, что владел он ею в деталях.

— Главная задача воинских частей вашей оперативной группы — дезактивация. Зона ответственности — вот эта.— Он обвел большой район.— В нее, как видите, входят сама АЭС, города Припять и Чернобыль, населенные пункты, дороги, леса, водоемы...

Генерал армии на время умолк, давая нам возможность кое-что записать.

— Населенных пунктов для проведения дезактивации может добавиться, поскольку разрушенный реактор «дышит», продолжает заражать округу. Кроме того, вашим людям придется и дезактивировать зараженную технику, и проводить санитарную обработку участников ликвидации последствий аварии... Работы — непочатый край. И работа опасная: на каждом шагу люди будут встречаться с радиацией. Об отдыхе пока что придется забыть.

Иван Александрович задумался.

— Не забывайте, что в Чернобыле многое делается впервые. Впервые в стране, а быть может, и в мире. Поэтому при организации дезактивационных работ проявляйте высочайшую продуманность и собранность. Прежде чем начать то или другое дело, хорошенько взвешивайте все за и против, семь раз отмерьте, а потом уж режьте. Ни на миг не ослабляйте внимания к проверке радиационной обстановки. Она должна вестись круглосуточно во всей вашей зоне. Без проведения разведки и уточнения радиационной обстановки ни на одном объекте дезактивации не начинать, иначе можете погубить людей.

Генерал армии строго посмотрел на нас:

— Это - мой приказ!

Отпуская нас, Иван Александрович не только пожелал нам успехов в многотрудной работе, но и попросил почаще заходить к нему, к его заместителям и начальникам служб, не преминул еще раз заметить: «Берегите подчиненных, заботьтесь о них».

В ходе ликвидации последствий аварии мы почти каждый день встречались с генералом армии на атомной станции, в населенных пунктах, в воинских частях, в его кабинете, завидовали его неутомимой энергии, умению владеть собой в самой экстремальной обстановке и находить нужное решение. На первых порах у нас не все ладилось с организацией дезактивационных работ (сказывались и отсутствие опыта, и недостаток нужных материальных средств), но он ни разу не разносил нас. Дать совет, показать, научить, помочь — вот стиль его работы.

Побывали мы и у некоторых членов Правительственной комиссии.

Беседы с руководителями не только нацелили нас на практические дела по проведению дезактивационных работ, но и помогли избавиться от бытовавшей до этого беспечности в оценке аварии. Что греха таить, до приезда в Чернобыль и мы, и подчиненные нам военнослужащие думали: «Ничего, мол, страшного не произошло. Пройдет несколько дней, и разрушенный реактор авиаторы «запакуют». Теперь же мы до глубины души поняли, что авария тяжела и опасна, надвигающаяся беда потребует огромнейших усилий и средств для ее ликвидации. Прочувствовали мы и меру той ответственности, которая легла на плечи воинских частей нашей оперативной группы.

Ее управление первоначально находилось в двухэтажном здании Чернобыльского райвоенкомата, а через несколько дней переместилось в село Терехи, поближе к воинским частям, разместившимся в палаточных городках на полянах и лесных опушках. Там мы облюбовали старенькую восьмилетнюю школу, спрятанную в вековых раскидистых кленах и ивах. Ее классы, коридоры, спортивная площадка, мастерские осиротели после эвакуации детворы, замерли в том состоянии, в каком был закончен последний урок: на столах — стопки не проверенных учителями тетрадей; стены увешаны географическими картами и схемами, портретами классиков отечественной литературы. На коричневых классных досках — недорешенные задачи и примеры, недописанные предложения, недочерченные геометрические фигуры, а на одной из них выведена трогательная надпись: «Любимая школа, но скучай! Мы скоро вернемся!»

Несколько позднее побывавший у нас известный украинский писатель Вадим Шкода в газете «Красная звезда» напишет:

«В старенькой сельской школе состоялась наша первая встреча с воинами, которые наряду с учеными, тружениками многих организаций союзных министерств и ведомств участвуют в работе по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. В учебном классе с портретами корифеев отечественной литературы на стенах, сидели несколько офицеров, о чем свидетельствовали их форменные фуражки, и все они, с обветренными лицами, приметной командирской выправкой, несуетливой озабоченностью, поначалу казались мне похожими друг на друга, как братья... Осматриваюсь, отмечая невольно необычность обстановки. Рядом с грамматическими таблицами висят топографические планы и схемы радиационной обстановки, на коричневой школьной доске выведено мелом: «Форма донесения». Такие слова и понятия, как «доза облучения», «рентген», «уровень радиации», я уверен, ранее никогда не звучали в этом классе.

Беда, случившаяся на берегах Припяти, коснулась болью сердца каждого советского человека, не оставила никого безучастным: мы снова ощутили себя большой единой семьей, сплотившейся еще теснее в час испытаний».

В воинских частях, работающих в районе Чернобыля, находились военнослужащие 67 национальностей: украинцы, русские, белорусы, казахи, узбеки, армяне, грузины, азербайджанцы, литовцы, молдаване, татары... Они трудились рука об руку с гражданскими специалистами, проявляя высочайшую самоотверженность в борьбе со стихией атома, за что многие из них удостоены высоких государственных наград, а начальник химических войск Министерства обороны СССР генерал-полковник В. К. Пикалов и начальник штаба Военно-Воздушных Сил Краснознаменного Киевского военного округа генерал-майор авиации Н. Т. Антошкин стали Героями Советского Союза.

Старенькая школа в селе Терехи, приведенная воинами в обновленное состояние, стала поистине боевым штабом. Здесь разрабатывались планы дезактивационных работ. Отсюда осуществлялся контроль за их выполнением, шли доклады в оперативную группу Министерства обороны СССР о результатах дезактивации объектов, состоянии дисциплины и радиационной облученности личного состава. Управление оперативной группы работало круглосуточно. Больше всех забот было, конечно же, у ее начальника — основного организатора дезактивационных работ, жизни и быта многотысячного коллектива военнослужащих и военнообязанных, призванных для ликвидации последствий аварии.

Начальник оперативной группы еще до рассвета анализировал данные радиационной обстановки, добытые экипажами радиационной разведки за ночь, уточнял в связи с этим задачи подразделениям. Затем с группой специалистов выезжал на объекты дезактивации для контроля за ходом и качеством работ, соблюдением людьми мер противорадиационной безопасности. В 10 часов вечера заслушивал своих заместителей и помощников, командиров частей о проведенной дезактивационной работе за день, ставил задачи на завтра. Позднее вместе с химиками и медработниками садился за анализ радиационной облученности личного состава. И так каждый день.

Под его руководством воинские части и подразделения работали как отлаженный часовой механизм, хотя и не без недостатков. Офицеры и прапорщики, сержанты и солдаты смело и самоотверженно боролись со страшной стихией атома. Ради попавших в беду советских людей и страны они сознательно жертвовали самым дорогим — своим здоровьем.

Об этом и пойдет разговор.

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

И в жизни, и в делах, и в борьбе самые трудные шаги — первые. Самыми трудными они оказались и для воинов-чернобыльцев, как и для других советских людей, участвующих в ликвидации последствий аварии на атомной электростанции. Убедительно об этом рассказал генерал-майор Алексей Федорович Суютинов, руководивший в первые дни после аварии подразделениями Краснознаменного Киевского военного округа, прибывшими в район Чернобыля.

...Сборы военных недолги. В 3 часа 15 минут 26 апреля 1986 года сигнал «Тревога!» прервал крепкий сон воинов. В через несколько часов подразделения уже были в районе аварии. Что мы увидели там? У административного здания АЭС толпилась масса людей, не имеющих средств защиты. Бушевавший ночью пожар героическими усилиями пожарных МВД был потушен, но столб дыма и пара все еще поднимался ввысь. Над развалинами четвертого реактора воздушное пространство розовато светилось. Не нужно было быть большим знатоком природы атома, чтобы понять, что означало это дьявольское свечение: невидимый враг — радиация уже пронизывает беспечно стоящих людей и снующие по дороге на станцию и обратно легковые машины с руководителями различных рангов — районных, городских, областных, республиканских. Попытались найти начальника станции или кого-либо из его заместителей, но их в административном здании не оказалось. Подъехавший на запыленной «Волге» начальник штаба гражданской обороны УССР генерал-лейтенант Николай Степанович Бондарчук, исколесивший с утра десятки километров по району аварии и побывавший на территории станции, обеспокоенно произнес:

— С нетерпением ждали вас! Произошла большая беда! Опасность — очевидная, но ее размеров мы пока не знаем! Нужно срочно организовать радиационную разведку! Без оценки радиационной обстановки нельзя принять необходимого решения! Действуйте как можно скорее!

Зная, что прибывшие подразделения находятся в городе Припяти, срочно направились туда. Город жил обычной жизнью выходного дня, с человеческой суетой и заботами.

В горкоме партии находилось множество людей. Один за другим подъезжали руководители различных организаций области и республики. Судя по лицам, чувствовалась растерянность и незнание обстановки на станции и в городе. Велась громкие споры, высказывались разного рода предложения по поводу того, что необходимо предпринимать. Но все они были пока далеки от реальности. Разговор велся о частичном разрушении реактора и машинного здания, без акцента на огромную опасность радиационного заражения. Это и понятно, так как тех, кто наверняка знал и обязан был сказать об особой опасности аварии, руководителей атомной станции, в горкоме пока не было. Как стало потом известно, некоторые из них ретировались «с поля боя», проявив безответственность.

Следовало в срочном порядке получить данные о радиационной обстановке на станции, в городе Припяти и близлежащих населенных пунктах. До этого, конечно же, разведкой радиационной обстановки пока никто заниматься не мог: не было ни сил, ни средств. Органы гражданской обороны в этом плане оказались безоружными.

Пришлось, что называется, начинать с нуля.

С полковником В. В. Гребенюком — командиром части, первой прибывшей в город Припять, мы спешно определили по топографической карте и схеме АЭС маршруты движения развод дозоров, назначили командиром каждого экипажа опытного офицера, тщательно проинструктировали людей. Полагая, что разведчикам придется действовать в зонах с высокими уровнями радиации, потребовали от них строгого соблюдения мер безопасности, работы с закрытыми люками бронированных машин.

От здания горкома партии один за другим уходили бронетранспортеры на маршруты. Началась трудная и опасная работа по проведению радиационной разведки.

В очерке о начальнике химических войск Министерства обороны СССР генерал-полковнике В. К. Пикалове «Зона ответственности», опубликованном в газете «Правда» 25 декабря 1986 года, говорилось: *«...подразделения химзащиты еще разворачивались в назначенных районах, а взводы старших лейтенантов В. Блохина и А. Топоркова уже отправились на радиационную разведку... К исходу дня 26 апреля генерал Пикалов уже имел свой «угол» в здании Припятского райкома партии... От дозоров радиационной разведки начала поступать информация...»*

Бесспорно, и генерал В. К. Пикалов, и указанные в очерке офицеры проявили подлинное мужество в проведении радиационной разведки, но справедливости ради следует сказать, что все-таки первыми радиационную разведку начали осуществлять военнослужащие Краснознаменного Киевского военного округа. Уже в 11 часов дня 26 апреля разведывательные дозоры под командованием полковника В. В. Гребенюка бороздили территорию и окрестности атомной станции, определяя и нанося на схемы уровни радиационной зараженности. В 12 часов этого же дня над разрушенным реактором и близлежащими населенными пунктами пролетел вертолет, ведомый экипажем во главе с капитаном С. И. Володиным, который первым определил уровни радиации в воздухе. Хочется сразу же сказать и об экипаже БРДМ (боевой разведывательной машины) в составе старшего лейтенанта Александра Логачева, сержанта Гаюра Исламова и рядового Ирлана Тимергалиева. Этот экипаж тоже первым прошел на бронированной машине вблизи разрушенного реактора, первым собрал данные о радиационной обстановке на территории и вокруг атомной станции. Вот как это происходило.

...Старший лейтенант Логачев положил на лобовую броню бронетранспортера набросанную цветным карандашом схему разведки со множеством кружков, рассказал членам экипажа о полученной задаче:

— Нам надлежит проехать вот по этому маршруту, замерить уровни радиации и заполнить показателями вот эти кружки. Вы, товарищ сержант, будете следить за основными приборами, я — за дублирующими. Остановка бронетранспортера во время радиационной разведки по понятным вам причинам недопустима. Поэтому на вас, товарищ Тимергалиев, возлагается особая ответственность, Прошу приложить все свое умение и старание. Не сбейтесь с маршрута...

Как видите, задача, поставленная нам, исключительно трудная и ответственная, какой никто ранее не выполнял. Нам предстоит первыми провести не учебную, а реальную разведку радиационной обстановки и, вероятнее всего, встретиться с высокими уровнями радиации. А это небезопасно...

Старший лейтенант ни на миг не сомневался в подчиненных, но сейчас смотрел на каждого из них с высоты экстремальности условий, сродни боевым, и думал: «Не сдрейфят ли в случае непредвиденных обстоятельств? Достаточно ли у них физическая и особенно психологическая закалка?»

Еще раз проверив наличие у экипажа средств защиты, работоспособность приборов радиационной разведки, чистоту смотровых стекол и герметичность закрытия люков, старший лейтенант приказал подчиненным занять свои места в бронетранспортере. Через несколько минут машина уже катилась по лесной дороге, оставив позади парковую зону. Стрелка дозиметрического прибора быстро побежала вправо — 2, 3, 4, 5, 6, 7, потом резко метнулась назад... Старший лейтенант сделал на ходу несколько промежуточных кружков на схеме, записал в них отсчет приборов.

На развилке дорог Чернобыль — Припять — АЭС увидели милиционера с жезлом регулировщика. Старший лейтенант приказал водителю до предела сбавить ход машины. Приоткрыв люк, крикнул: «Вам отсюда следует уходить! И как можно быстрее! Здесь высокий уровень радиации! Опасно!»

Милиционер-регулировщик молча развел руками: «Не имею права — на посту».

Свернув на дорогу к атомной станции, рядовой Тимергалиев мастерски объезжал многочисленные выбоины и рытвины. Вскоре лес кончился, дорога зазмеилась вдоль обводного канала, заполненного водой. На противоположном берегу высились бетонные громады недостроенных пятого и шестого реакторов, вдали виднелись административное здание станции и машинный зал, из-за которого на небе огромными кубами вырисовывались крыши энергоблоков и конусообразные полосатые трубы. У входа в административное здание толпились люди...

Бронетранспортер, послушно повинувшись водителю, юрко огибал станционные здания и сооружения. Обследованы противоположная от взрыва сторона, часть берега Припяти, территория порта... Всюду уровни радиации довольно высокие. На схеме заполнены десятки кружков. Оставалось разведать самый короткий, но и самый опасный участок недалеко от места взрыва. «Что ожидает нас на этом участке? Сумеем ли проскочить вблизи четвертого? Переоблучения экипажа допустить нельзя», — думал старший лейтенант. В мгновение он подсчитал, при каких уровнях радиации, сколько можно находиться на зараженном участке с учетом коэффициента ее ослабления бронетранспортером. Старший лейтенант напомнил членам экипажа, что теперь счет

пойдет не на минуты, а на секунды, что потребует особой собранности и четкости в работе.

И вот бронированная машина устремилась к месту аварии. В смотровые щели все четче и четче проглядывались зловеще ощерившиеся дымящиеся развалины...

— Правее, еще правее! — командовал старший лейтенант.— Так, хорошо! Прибавить скорость!

Уровень радиации нарастал.

— Зашкалило прибор! — что есть мочи крикнул сержант.

Оценивая сложившуюся ситуацию, старший лейтенант осмотрелся: нагромождения развалин совсем близко. «Что делать? Повернуть назад? Уйти в сторону? Но тогда не будет определен истинный уровень радиационного заражения...»

— Ирлан, предельную скорость!

Бронетранспортер запрыгал на комьях бетона, разбросанных взрывом. «Только бы не остановился! Только бы не заглох двигатель!» Как специалист, старший лейтенант мысленно представлял, как от разрушенного реактора идет радиационный прострел, невидимые смертоносные лучи пронизывают бронированный бок машины, проникают внутрь.

Сержант доложил:

— Уровень радиационного заражения уменьшается.

— Значит, проскочили! — воскликнул старший лейтенант. — Молодцы, ребята! Теперь мы определили уровень радиационного заражения и на этом участке! Это очень важно.

У здания горкома партии воины экипажа выстроились у машины. Старший лейтенант А. Логачев обнял каждого из них, поблагодарил за службу и быстро скрылся за входной дверью, унося схему разведки.

Схема тут же пошла по рукам находящихся в кабинете секретаря горкома партии.

— Требуется принимать срочные меры!

— Неминуема эвакуация населения! — слышались голоса.

— Предварительные данные о радиационной обстановке надо еще и еще раз проверить. А вдруг — неточность,— заметил кто-то.

И снова разведка, теперь уже по проторенному маршруту. Снова десятки замеров уровней радиационного заражения, только большим числом приборов. Ранее полученные данные полностью подтверждены.

Неутешительные результаты радиационной обстановки привезли и другие разведывательные дозоры.

Уже к вечеру 26 апреля 1986 года топографическая карта покрылась сотнями значков с указателями радиационной зараженности местности. Конечно, эти данные были еще далеко не полными. Затем они значительно пополнялись результатами продолжающейся разведки, проводимой прибывшим отрядом химиков-разведчиков и лично начальником химических войск Министерства обороны СССР генерал-полковником В. К. Пикаловым, проявившим высокое мужество и самоотверженность.

Вечером 26 апреля начальник химических войск в сопровождении офицера, вооруженного прибором радиационной разведки, выехал на АЭС. По дороге несколько раз, остановив машину, генерал сам измерял уровни радиации. Сопровождающий офицер тут же наносил показатели на схему. Проехали вокруг станции... На второй день

еще до восхода солнца генерал-полковник вновь направился к месту аварии. Сам сел за руль БРДМ и вдоль машинного зала поехал на техническую территорию.

— А надо ли было вам самому ехать к развалинам?— поинтересовался один из офицеров.

В. К. Пикалов широкой ладонью смахнул с высокого лба капли пота, после короткого раздумья тихо проговорил;

— Надо, очень надо. Без знания обстановки, без личной разведки нельзя начинать дело. Мне еще много-много раз придется бывать там.

В это же время экипажи радиационной разведки продолжали метр за метром обследовать территорию АЭС, дороги и населенные пункты, набережную Припяти... Вертолетчики определяли обстановку в воздухе на различных высотах. Добытые данные в срочном порядке передавались в Правительственную комиссию.

Фронт радиационной разведки все время расширялся. На катерах и вертолетах воины переправились на противоположный берег Припяти и приступили к его обследованию. Разведка не прекращалась ни на один час. Все: и военнослужащие, и гражданские специалисты — трудились, как говорится, не покладая рук.

ГОРЯЧЕЕ НЕБО

Первыми после пожарных вступили в бой с разбушевавшейся стихией военные авиаторы. Авария на Чернобыльской АЭС — событие необычное, сверхэкстремальное, не терпящее отлагательств. Авиаторов в этом убеждать не требовалось. Они были готовы к любым неожиданностям.

Сотни летчиков и штурманов, бортмехаников и связистов, локаторщиков и других специалистов действовали как хорошо отлаженный механизм. Пришлось винтокрылые машины перебазировать на работу в ночное время. Разрывая темноту светом фар и прожекторов, вертолеты один за другим уходили в непроглядную мглу в направлении Чернобыля и садились на необорудованные полевые аэродромы. Вот где пригодились высокая полевая выучка авиаторов и боевой опыт многих из них, приобретенный при выполнении интернационального долга в Афганистане. Авиационную группу возглавил начальник штаба ВВС округа генерал-майор авиации Николай Тимофеевич Антошкин, удостоенный, как уже говорилось, за мужество и самоотверженность звания Героя Советского Союза...

...Глубокой ночью генерал Антошкин прибыл в город Припять. Доложил председателю Правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии, заместителю Председателя Совета Министров СССР Борису Евдокимовичу Щербине. Поздоровавшись, председатель сразу же повел разговор о деле: «Обстановка сложная. На вас, на ваших вертолетчиков сейчас вся надежда. Кратер надо «запечатать» песком наглухо сверху. Ниоткуда к реактору больше не приступиться. Только сверху. Только ваши вертолетчики. Начинать прямо с рассветом... Предстоит забросить в кратер пять-семь тысяч тонн песка и других материалов, «запечатать» его». Генерал Н. Т. Антошкин вспоминает: «Как человек военный, я сразу почувствовал масштабы опасности. Это и определило в моем представлении образ действий по выполнению поставленной задачи. Первоначально калейдоскоп мыслей выстроился в четкую линию дел и поступков: мешки с песком — вертолеты; сбрасывание мешков — расстояние от взлетной площадки; взлетная площадка — место дислокации; реактор — радиация...

Сразу же встали десятки неотложных и самых необычных вопросов: откуда брать мешки? Ведь их нужно тысячи. Где брать песок? Найдём ли в районах имеющегося песка площадки для посадки и загрузки вертолётов? Кто будет затаривать мешки и грузить их в машины. Как подойти вертолетам к аварийному реактору? Каким образом сбрасывать груз, ведь вертолет для этого неприспособлен? Какое время может расходовать экипаж на зависание над разрушенным реактором в условиях высокого уровня радиационной зараженности? Откуда и как руководить полетами вертолетов и «запаковкой»?»

Предстоящая работа осложнялась тем, что все приходилось делать впервые.

К подготовке столь сложной операции подключились многие офицеры управления ВВС округа и политического отдела. Совместными усилиями выработали план действий, определили примерную методику забрасывания. И с рассветом — в «бой».

Общеизвестно, что любой бой начинается с разведки. С разведки начали его авиаторы и здесь. Первым к разрушенному реактору повел свой вертолет экипаж, которым командовал капитан Сергей Иванович Володин.

26 апреля в 10 часов утра экипаж получил задачу на проведение визуальной и радиационной разведки в районе аварии на Чернобыльской АЭС. Вот что рассказал об этом необычном рейсе командир экипажа:

«До Чернобыля полчаса лету. Летели уверенно, хотя ранее в тех местах нам бывать не приходилось. Днепр — хороший ориентир. Двигатель работал безукоризненно. Попутный ветер убыстрял наш ход. С полукилометровой высоты сразу же за Чернобылем увидели вдали облако темно-белого дыма. Насторожились, хотя еще не представляли всей сложности и опасности нашего разведывательного полета. Вскоре на фоне задымленного неба увидели атомную электростанцию, раскинувшуюся на берегу реки Припяти. Снижаемся к самым верхушкам конусообразных полосатых труб. В развале реактора зияла черная дыра со свечением и бело-огненным отливом по краям. Вокруг дыбились глыбы искореженного бетона и металла. Стрелка прибора радиационной разведки вздрогнула и быстро поползла, показывая десятки, а затем сотни рентген. Для радиации вертолетная обшивка не преграда. Как специалисты, мы понимали, что разрушенный реактор безжалостно «обстреливает» нас, чувствовали для себя определенную опасность, но не отвернули в сторону, сделали один за другим три пролета над станцией и разрушенным реактором. И, только собрав необходимые данные о радиационной обстановке, приземлились в городе Припяти прямо на центральной площади».

Получив дополнительную задачу, экипаж повел винтокрылую машину в сторону железнодорожной станции Толстый Лес, куда дул порывистый ветер и тянулся дымный шлейф.

«Мы летели по кромке темноватого шлейфа, — продолжал рассказ капитан С.И. Володин, — временами входя в него. Уровни радиации были высокими, особенно вблизи атомной электростанции. Когда пересекали шлейф, иллюминаторы вертолета покрывались желтоватой и изморосью. Подумали, что за бортом накрапывает дождь, но, посмотрев на небо, поняли — нет. Светило яркое солнце. Несомненно, это были аэрозольные капли, нашпигованные радиационными частицами. Для экипажа небезопасно, но мы даже не допускали мысли отвернуть в сторону, продолжали выполнять поставленную задачу.

В стороне от нашего маршрута виднелось село, недалеко от которого из шлейфа оседала пыль. Решаем на обратном пути обследовать его. Так и поступили. Снижаю вертолет до шестидесяти метров. Слышу обеспокоенный голос бортмеханика: «О боже, посмотрите, что делается!» Напрягаю зрение и вижу: на огородах и полях трудятся люди, на улице детвора гоняет мяч, за околицей пасется стадо коров. Люди работали, как в обычные дни, а приборы показывали тревожные цифры радиационной зараженности. Значит, жители села о случившейся беде не знают. Срочно докладываю в Припять».

Подняв столб пыли, вертолет коснулся земли. Капитан выпрыгнул на травяное поле, держа в руках карту. К нему подбежали товарищи по эскадрилье. Посыпались десятки вопросов.

Капитан отвечал не спеша, стараясь как можно подробнее поведать друзьям-вертолетчикам о своем полете, зная, что им придется не раз работать в районе Чернобыля.

Вслед за экипажем капитана Володина в проведение радиационной разведки включились первоклассные летчики Б. А. Нестеров, А. И. Серебряков и другие.

«Вместе с полковником А. И. Серебряковым, — рассказывал полковник Борис Александрович Нестеров, — в разведывательных целях пришлось несколько раз пролететь над местом аварии. Это вызывалось не только необходимостью определения уровней радиации на различных высотах, но и выработкой методики сбрасывания груза на разрушенный реактор, поскольку к этому времени было принято решение «запаковать» его. Что мы увидели «под крылом?» То, что в зияющей «дыре», словно в доменной печи, клокотала и бурлила огненная масса, покрытая серым налетом. Над местом аварии парила белесая дымка. Куски бетона виднелись на крыше машинного зала. От высокого уровня радиации стрелка дозиметрического прибора металась из стороны в сторону. На разных высотах уровень радиационного заражения был неодинаков».

Б. А. Нестеров и А. И. Серебряков вдоль и поперек избороздили воздушное пространство над атомной станцией и округой, определили маршруты подхода к месту аварии, возможную высоту подлета, отработали порядок зависания вертолета над разрушенным реактором, а затем и сбрасывания груза. Их опыт затем широко использовали вертолетные экипажи, участвующие в ликвидации последствий аварии,

В дальнейшем практически каждый рабочий день начинался с проведения вертолетчиками радиационной разведки. Летчик первого класса майор Ю. Н. Новиков в один из первых майских дней сделал двадцать разведывательных полетов. Неоднократно на разведку вылетал и сам руководитель авиационной группы генерал Н.Т. Антошкин.

...Началась наиболее емкая и опасная работа — засыпка аварийного реактора. Подготовка к этой операции проводилась исключительно тщательно, как к боевой. Скрупулезно проверялась техника, ее готовность к действиям в экстремальных условиях. На инструкторско-методических и тренировочных занятиях экипажи отработали все до мелочей.

«Запечатывание» реактора песком, особенно в первый день, оказалось неимоверно сложным делом. Вокруг города Припяти масса песка, есть настоящие пустынные барханы, но подступиться к ним оказалось непросто: нет пригодных площадок для посадки вертолетов. Генерал-майор Н. Т. Антошкин и полковник Б. А. Нестеров на первых порах приняли решение сажать вертолеты на «главную клумбу»

города — центральную площадь. Первые мешки загружали прямо из цветников, используя картонные ящики, ведра и куски фанеры. Людей для этого пока не было. Но летчики, штурманы и техники — народ особый, в сложной обстановке привычки не теряться. И здесь, отбросив условности, офицеры и прапорщики сами затаривали мешки и носили их в вертолеты. В это же время первые экипажи до деталей изучали полетные маршруты, до секунд рассчитывали время на подлет к цели, зависание, сбрасывание мешков, уход из опасной зоны, посадку. Подсчитывались специалистами-химиками примерные дозы облучения, которые неминуемо получит каждый вертолетчик при «запаковке» разрушенного реактора. Пока подсчитывались по теоретическим расчетам. А как получится на практике — никто сказать не мог: радиационная обстановка в воздухе оставалась неустойчивой.

Каждый из авиаторов хорошо знал, что вертолет от радиации беззащитен. Знали об этом и организаторы предстоящей операции. Но ждать, когда будут надежные средства защиты экипажей, времени не было. Огнедышащий реактор его не давал. Начинать «запаковку» следовало незамедлительно. Да и где было взять надежные средства защиты? Пришлось пока довольствоваться тем, что было.

Первые полеты на «запаковку» реактора опять-таки поручены самым опытным и подготовленным летчикам, получившим «крещение» действиями в экстремальных условиях при проведении разведки радиационной обстановки, полковникам Нестерову и Серебрякову.

Нестеровский экипаж в составе подполковника Ю.Н. Яковлева и старшего прапорщика А. Д. Вышковского вылетел на станцию с рассветом. Утро выдалось ясное, на небе — ни единого облачка. Сделан один, потом другой «прицельные» круги. Порывистый ветер сносил вертолет в сторону от кратера. Только с третьего захода удалось удержать машину в зависании над разрушенным реактором. Генерал-майор авиации Н. Т. Антошкин, руководивший полетом с крыши гостиницы, стоящей на окраине города Припяти, подал команду на сброс груза, визуально наблюдая за действиями экипажа. Прапорщик открыл люк вертолета. По телу хлестнула упругая воздушная струя. Чувствовалось, что вертолет с трудом удерживается в зависании.

— Быстрее! — послышался командирский голос. — Может снести в сторону!

Целясь на глазок, подполковник и прапорщик, упершись в борт машины, чтобы не вывалиться, вытолкнули один за другим с десятков мешков. По радио послышался довольный голос руководителя полета: «Молодцы! Возвращайтесь на площадку».

В этот день экипажи Б. А. Нестерова и А. И. Серебрякова сделали по несколько вылетов. Со сбрасыванием груза на реактор не все получилось, как хотелось. Хорошая половина мешков разлетелась в стороны от цели. С трехсотметровой высоты не так просто попасть в «дыру». Но пока их главная задача состояла не столько в том, чтобы как можно точнее поразить цель, а в том, чтобы определить минимальное время нахождения летательных аппаратов в опасной зоне, выработать методику сбрасывания груза с зависания и вооружить ею вертолетчиков, которым предстояло участвовать в массовой заброске груза на реактор. С этой задачей они справились успешно, хотя немалой ценой для здоровья.

После полетов полковники Нестеров и Серебряков совместно с генералом Антошкиным засели за разработку «Методики забрасывания реактора песком с зависания вертолета». Тут же делались расчеты и схемы. Поздно вечером разработанные документы изучались с вертолетными экипажами, которым предстояло участвовать в массовой заброске песка и других материалов на разрушенный реактор.

Б. А. Нестеров и А. И. Серебряков поделились с ними своим опытом полетов «для поражения цели».

На второй день десятки вертолетов пошли в бой с разбушевавшейся стихией. Были разысканы и в кратчайший срок оборудованы площадки для посадки и загрузки вертолетов на набережной Припяти, вблизи населенных пунктов Лелево и Чистогаловка, в районе Чернобыля. На помощь вертолетчикам для затаривания мешков и их загрузки в крылатые машины пришли военнослужащие, прибывшие в Чернобыль для проведения дезактивационных работ, а также гражданское население из еще не эвакуированных сел. Вертолеты один за другим поднимались в воздух, сбрасывали груз на разрушенный реактор. Не у всех экипажей получалось это с первого захода. Приходилось повторять полет. Но по мере накопления опыта прицельность попадания улучшилась. Несколько сот мешков, сброшенных на реактор, оказались не более чем дробинка для слона. Требовалось во много раз увеличить сброс груза, иначе «бочку» не «запаковать». Но как? Больше загружать в вертолет мешков? Это не выход. Увеличится время на их сбрасывание, а значит, возрастет радиационная облученность экипажа, допустить этого нельзя. Задействовать большее число вертолетов? Не позволяла воздушная емкость. А выход надо искать.

Вот тут-то и заработала во всю ширь рационализаторская мысль летчиков, инженеров, техников, офицеров штабов. Кто-то предложил паковать мешки в связки и подвешивать к вертолетам: «И точность попадания возрастет, и вес груза увеличится». Попробовали. Получилось неплохо. Теперь один вертолет доставлял груз в три раза больше. Но и этого оказалось недостаточно: реактор прожорлив. И опять головоломки. Генерал Н. Т. Антошкин предложил применить тормозные и десантные парашюты, загружая их напрямую, без мешков. Применили. Количество сбрасываемого груза еще более возросло.

Первые три дня «запаковки» прошли с невероятным напряжением. Вертолетчики работали все светлое время без отдыха, на пределе сил. На крышу гостиницы поднимались то генерал Н. Т. Антошкин, то полковник Б. А. Нестеров, попеременно руководя полетами по заброске реактора. С наступлением темноты все включались в подготовку техники к следующему дню. Спать вертолетчикам приходилось урывками. За несколько дней работы большинство из них похудели на пять-семь килограммов. Усталость валила с ног, но об отдыхе думать было некогда. Председатель Правительственной комиссии торопил: «Надо прибавить еще».

И вновь генерал Н. Т. Антошкин с группой офицеров берутся за расчеты, советуются с экипажами: «Как увеличить сброс в реактор груза?» Подъемная сила вертолетов исчерпана. Казалось, нет никакого выхода. И тут вспомнили фронтовой опыт дважды Героя Советского Союза известного аса Ивана Семеновича Полбина, который в целях большего сброса бомб на позиции противника разработал и внедрил в практику групповой удар с замкнутого круга. Один за другим на минимальных дистанциях в круг входили бомбардировщики и, пикируя на цель, сбрасывали смертоносный груз. В подобный круг решили выстраиваться и вертолеты. Но это потребовало в два раза ускорить загрузку машин. А каким образом? И тут нашли выход. Груз стали подвешивать без посадки вертолетов — на зависании, а чтобы люди меньше облучались от поднимающейся с земли винтами пыли и повышенного радиационного облучения самих вертолетов, возвращающихся от реактора, создали несколько смен «грузчиков», которые работали строго установленное время.

С этого времени вертолеты летали гуськом, друг за другом. Только успевал один из них выйти из зависания над кратером, как его место занимал другой... Такой «конвейер» позволил резко увеличить сброс груза: с сотен до тысяч тонн в день. Работники тыловых подразделений еле успевали подвозить горючее. Генерал Н. Т. Антошкин доложил на заседании Правительственной комиссии об увеличении сброса груза. Его спросили: «Не ошибся ли в цифрах?» Но ошибки не было. И тогда Борис Евдокимович Щербина довольно пожал генералу руку, попросил его передать благодарность всем вертолетчикам и тем, кто обеспечивал их боевую работу.

Высочайшим трудолюбием, смелостью действий и точностью попадания груза в цель в эти дни особенно отличались экипажи летчиков первого класса офицеров Г. И. Сальникова, С. А. Кузнецова, О. В. Веруши. 29-30 апреля они сделали по 20 вылетов на реактор, не допустив ни одного промаха при сбрасывании груза. Через день их «рекорды» перекрыли экипажи офицеров А. И. Балагана и Ю. Н. Яковлева, сделавшие каждый по 32 вылета и сбросившие более чем по сто тонн груза.

Хорошую выучку и смелость проявляли и бортовые техники — лейтенант С. А. Телегин, старший прапорщик А. Д. Вышковский, прапорщики А. А. Конончук, В. В. Иванов и многие другие, с трехсотметровой высоты в открытый люк вертолета страшновато смотреть на дымящийся огненный реактор, а они не просто смотрели, но и своими руками сбросили сотни тонн груза. А сколько это мешков? Даже представить трудно — тысячи! И все это без каких-либо приспособлений, в условиях опасных уровней радиации.

«В авиации я не новичок, бывал и ранее в сложных ситуациях, — сказал в беседе со мной старший прапорщик А. Д. Вышковский, — но работа в Чернобыле явилась самой опасной и ответственной. Смотришь из зависшего вертолета в чрево разрушенного реактора — мурашки по телу бегут, волосы шевелятся. Мешок не перышко, взял - выбросил. В нем килограммов семьдесят-восемьдесят. Толкаешь — кости трещат, в глазах мутнеет. Да и рука одна: другой надо держаться за борт. Когда приспособили подвеску, мы вздохнули: и опасность стала меньшей, и физически полегчало. В закрытый вертолет и радиации попадает несколько меньше».

С каждым вылетом радиационная облученность авиаторов росла. Часть из них, получив установленные предельные дозы облучения (а кое-кто, к сожалению, и сверхустановленные), отправлялись в медицинские учреждения на обследование и лечение. Отправлялись не без командирского нажима. Это объяснялось тем, что большинство вертолетчиков, глубоко осознавая необходимость своей работы для ликвидации последствий аварии, просили, даже требовали оставить их для продолжения работы в Чернобыле. «Оставьте меня здесь, пока не заглушим разрушенный реактор!» «Зачем же мне уезжать из Чернобыля, если приобрел опыт заброски груза в реактор!», «Я здоров и прошу разрешить дальнейшие полеты к реактору!», «Настаиваю на своем оставлении здесь!» — писали авиаторы в рапортах. В этом с особой силой проявились их замечательные человеческие и воинские качества, их патриотизм. Но приказ «на профилактику» был строг и неукоснительно выполнялся.

Вновь прибывающие экипажи готовили к вводу в «строй», как говорится, по ускоренной программе. В течение нескольких часов рассказывали о радиационной обстановке и мерах безопасности при работе в экстремальных условиях, затем они в деталях изучали методическую схему выполнения полета на доставку груза и сброса его на цель по команде руководителя полетов.

Летчики, ранее выполнявшие полеты на реактор, передавали своим сменщикам накопленный опыт. Каждый из прибывающих экипажей перед началом самостоятельных полетов на реактор по два-три раза летал в качестве «пассажиров» для приобретения необходимого навыка. И только после того, как руководитель полетов убеждался, что экипаж полностью освоил методику полета на «запаковку» «бочки», его допускали к выполнению поставленной задачи.

Авиаторами приобретался опыт и по устранению беззащитности от радиационного облучения. Кабины летчиков и их сиденья стали обкладывать свинцовыми листами. Члены экипажа надевали специальные фартуки и сдвоенные противорадиационные маски... Это позволило последующим экипажам более продолжительное время работать в зонах радиационного заражения.

В Чернобыле вертолетчики сделали невозможное. Неимоверными усилиями они «запаквали» разрушенный реактор и обеспечили первую, важнейшую, победу на тяжелом пути ликвидации последствий аварии. В протоколе от 2 мая 1986 года Правительственная комиссия записала: «Отметить высокую организацию работ, проведенную авиационными частями ВВС в период с 27 апреля по 2 мая 1986 года по выполнению заданий, связанных с ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской атомной станции, самоотверженность, проявленную личным составом, высокие личные качества и инициативу генерал-майора авиации Н. Т. Антошкина». Высокая, но заслуженная оценка. Отважные вертолетчики совершили сотни вылетов в сложной радиационной обстановке, сбросили тысячи тонн различных грузов на разрушенный реактор. Ради блага других они жертвовали своим здоровьем. И если бы не авиаторы, последствия аварии могли бы быть более тяжелыми для страны.

В дальнейшем главным в работе авиаторов стало участие в дезактивации территории атомной станции и прилегающей к ней местности. Разбрасывая из подвешенных емкостей специальный пленкообразующий раствор, они покрывали им строения, участки земли и леса, тем самым задерживая разнос ветром радиационной пыли. Продолжались каждодневная разведка радиационной обстановки на различных высотах, забор проб воздуха, перевозка многочисленных грузов и «пассажиров»... В целях изучения «поведения» объекта вертолетчики летали с председателем и членами Правительственной комиссии, учеными и специалистами над разрушенным реактором и тридцатикилометровой зоной. За май 1986 года только с академиком Евгением Павловичем Велиховым сделано свыше сорока облетов атомной станции. И каждый — вблизи аварии. Над местом аварии десятки раз пролетали академик Валерий Александрович Легасов, генерал-полковник Владимир Карпович Пикалов. Вертолетчики участвовали в установке в зоне разрушения различных измерительных приборов, научного оборудования и роботов.

В одной из сводок Совета Министров СССР сообщалось, что в течение 10 мая 1986 года продолжались работы на Чернобыльской АЭС по ликвидации последствий аварии. В результате принятых мер существенно снизилась температура внутри реактора. Прочитав это сообщение, видимо, далеко не каждый человек задумывался над тем, а каким же образом удалось замерить температуру? И эту задачу выполняли авиаторы совместно с учеными.

За несколько дней до указанного сообщения председатель Правительственной комиссии поставил задачу генералу Н. Т. Антошкину «опустить в разрушенный реактор термопару».

Выбор для выполнения этой сложной и опасной задачи пал на летчика-снайпера полковника Николая Андреевича Волкозуба, за плечами которого тридцатилетний стаж авиационной службы. Его летное мастерство отмечено орденом «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени. Не только опытом и мастерством отличался Николай Андреевич, но большим самообладанием, выдержкой, умением находить выход из самых критических ситуаций. Он собран, решителен и смел. Выполнение предстоящей задачи требовало от пилота не только высочайшего мастерства, но и мужества, готовности пойти на риск.

Николай Андреевич шел на задание с четким сознанием сложности предстоящей работы, степени риска. А риск был немалый. Подстерегала не только опасность радиационного облучения, но и то, что обстановка вынуждала к работе в критическом режиме. Вертолет до предела отяжелен свинцовой защитой. Если во время сбрасывания груза на разрушенный реактор вертолеты его товарищей зависали на одну-две минуты над местом аварии, то на опускание термопары требовалось не менее шести минут. За это время летчик мог получить высокий уровень радиационного заражения. Поэтому на первый план выдвигалась проблема как можно больше снизить уровень радиационного воздействия путем усиления средств защиты. Было сделано все возможное для безопасности летчика.

До деталей продуман и выверен план полета. Наиболее опытные инженеры и техники прощупали каждый агрегат, каждый болтик машины, обеспечивая надежность ее работы. Руководитель полета сам пролетел по предстоящему маршруту, вводил вертолет в зависание над реактором.

Н.А. Волкозуб часами изучал аэрофотоснимки разрушений и схему АЭС, мысленно прорабатывал план своих действий, сделал несколько тренировочных заходов на реактор, внимательно всматриваясь в его чрево, сравнивал увиденное с аэрофотоснимком, который детальным оттиском стоял в памяти. Для него аварийный реактор чем-то напоминал разбомбленный в период Великой Отечественной войны завод, какой не раз приходилось видеть в кино. С высоты птичьего полета он смотрел на обвалы стен и крыши реакторного и машинного зданий, темные железобетонные нагромождения, искореженное сплетение арматуры и труб.

Одновременно с тренировками готовился и «снаряд» — более чем трехсотметровый стальной трос с прикрепленными к нему металлическими чушками для увеличения веса, чтобы трос был более прицельным, не поддавался ветровому воздействию. Главные его строители — саперы и авиаторы. Когда «снаряд» был готов, начались изнурительные тренировки по его подвешиванию, подъему и попаданию в цель. Для этого невдалеке от вертолетной площадки на травяном поле описали известью круг величиной с разрушенный реактор. Полковник Н. А. Волкозуб сделал над ним несколько пролетов, зависаний вертолета и опусканий «снаряда» в круг. И только после этого ему был разрешен полет к реактору.

Вертолет набрал необходимую высоту и пошел над лесом. Тяжелый «снаряд», как и свинцовая обкладка, тянули винтокрылую машину к земле, с крыши гостиницы почти непрерывно слышались команды руководителя полетом.

Натренированный летчик уверенно вел свой вертолет, держа его на одной высоте. Позади остались железнодорожное полотно, прямые полосы лесных просек, автострада, пристанционные водоемы... И вот он — разрушенный реактор. Полковник Н. А. Волкозуб погасил скорость, стал «подползать» к цели, строго следя за показаниями приборов.

— Цель! — послышалась команда в наушниках. — Зависание!

Летчик теперь не видел разрушенного реактора: он остался под днищем. Вся надежда на точность команд с крыши гостиницы, где был установлен артиллерийский дальномер и руководитель отчетливо видел и вертолет, и находившуюся под ним местность, и «бочку» разрушенного реактора. Зависание получилось с первого захода, но ввести «снаряд» в жерло реактора удалось не сразу. Несмотря на большую тяжесть, «гирлянда» слегка раскачивалась ветром, ходила из стороны в сторону, словно часовой маятник. Вертолет медленно проседал... «Удержать! Во что бы то ни стало удержать машину в зависании и опустить термопару в реактор!» — сверлила мысль. На это теперь были направлены все помыслы Николая Андреевича, вся его сила и воля. От напряжения в висках учащенно пульсировала кровь. Глаза заливал пот. Злило то, что не мог видеть ни «снаряда», ни реактора. По команде руководителя пришлось маневрировать вертолетом, который, казалось, от перегрузок вот-вот пойдет вниз. Время тянулось невероятно долго. По крайней мере так думалось летчику. Наконец-то послышалась команда: «Спуск!»

Семь минут беспримерного труда и мужества — и «снаряд» оказался в реакторе. Всего семь минут! Но какими долгими они показались и полковнику Н. А. Волкозубу, и руководителю полетом, и членам Правительственной комиссии, и ученым, и военным специалистам, следившим с «командного пункта» за проведением этой операции.

Вертолет еще не приземлился, а авиаторы, перегоняя друг друга, спешили к нему. И стоило Николаю Андреевичу устало ступить на травяной ковер, как его подхватили десятки рук и начали подбрасывать в воздух, как это делали авиаторы в годы войны после успешного выполнения их коллегами боевых задач.

Не менее сложной оказалась и другая задача, поставленная перед вертолетчиками, — опустить робот-манипулятор на крышу одного из станционных зданий для сбора разбросанных взрывом радиационных осколков. Ее выполнение было поручено экипажу в составе летчика первого класса подполковника Сергея Савченко, старших лейтенантов Игоря Вовка и Сергея Романюка.

Машина-робот — емкий и тяжелый груз. Проблем с ее доставкой на крышу оказалось не менее, чем с опусканием в реактор термопары. Требовалось решить, каким образом подвесить робот к вертолету, как опустить его на пяточок крыши, сколько времени можно затратить на эту работу, чтобы не допустить радиационного переоблучения экипажа.

В предельно сжатые сроки на одном из киевских заводов была изготовлена специальная подвеска для крепления и переноски робота вертолетом. Подвеска получилась на славу: прочной и надежной, выдержала все тренировочные испытания. Но вот беда: не было смонтировано приспособление для отсоединения робота от подвески после доставки его на крышу. А человека туда не пошлешь — радиация сотни рентген. И вновь заработала мысль рационализаторов. Кто-то из вертолетчиков предложил закрепить на конце троса обычный бомбодержатель, подвести к нему из кабины вертолета электропровод, для надежности обмотав вокруг троса, и путем подачи по нему электроимпульса отцепить робот. Генерал Н. Т. Антошкин поддержал это предложение. Тренировки дали положительный результат. Теперь экипажу оставалось сделать несколько «холостых» вылетов к крыше реакторного здания, в деталях проработать схему полета. Специалисты-химики и атомники до секунд рассчитали возможное время зависания вертолета над крышей — немногим более

четырёх минут. Для выполнения столь сложной задачи это время предельно мало. Радиационный прострел был не только от разрушенного реактора, но и от осколков твелоов, разбросанных на крыше.

В который уже раз проверено техническое состояние вертолета и крепление робота. Экипаж неторопливо занял свои места и, получив разрешение с командного пункта на взлет, поднял вертолет в воздух. Прошло чуть больше четырех минут после зависания, и робот-манипулятор коснулся крыши, замер на ней.

Бывая в кабинетах членов Правительственной комиссии, военных специалистов, работников различных министерств и ведомств, нельзя было не заметить величественных фотосхем. На них можно было видеть не только каждый населенный пункт зоны бедствия, но и каждый дом, а на атомной станции — каждое ее строение, каждый уголок. Без таких фотоснимков члены Правительственной комиссии, ученые и специалисты были бы безоружными в принятии решений по ликвидации последствий аварии, поскольку они давали важнейшую информацию об обстановке. Без таких аэрофотоснимков невозможно было бы руководить и дезактивационными работами. И аэрофотоснимки — дело рук и мастерства авиаторов.

Десятки вылетов для аэрофотосъемок совершил, например, экипаж самолета в составе командира капитана С. Кузнецова-Ростислаева, помощника командира корабля старшего лейтенанта А. Мораря, штурмана капитана О. Кудрявцева, бортового техника-оператора капитана П. Полукарова, бортового техника старшего лейтенанта К. Федюкина, воздушного радиста прапорщика В. Ротовского и бортового механика прапорщика Г. Лесива.

Множество уникальных аэрофотоснимков делали авиаторы по заказу ученых и специалистов, строителей и монтажников: для академика Евгения Павловича Велихова — снимок разрушенного реактора и реакторного здания; для руководителей дезактивационными работами — «рыжий» лес и объекты дезактивации; для энергетиков и строителей — место для возведения «саркофага»...

Все задания по съемке местности и объектов дезактивации авиаторы, занятые фотографированием, выполняли в строго установленное время и с высоким качеством. «Их работа, — отмечал Е. П. Велихов, — выше всяких похвал. Снимки прекрасны».

Экипажи вертолетов не раз поднимали в воздух кинооператоров и журналистов.

...На протяжении всего времени авиаторы поистине находились в строю правофланговых, участвующих в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

За проявленные при этом отвагу и мужество многие из них стали кавалерами боевых орденов и медалей. Чернобыльское небо для военных авиаторов было всегда горячим.

ЭВАКУАЦИЯ

В Энциклопедическом словаре сказано: «Эвакуация... — вывоз населения, имущества и т. п. из районов, которым угрожает противник или стихийное бедствие».

В районе Чернобыля не было ни того, ни другого, но большая беда, порожденная человеческой беспечностью и безответственностью, потребовала эвакуации населения нескольких районов, вывоза большого количества скота, причем в предельно сжатые сроки. Впоследствии пойдут всякого рода слухи и пересуды об эвакуации, главный

смысл которых — запоздалое принятие решения об эвакуации города Припяти и близлежащих сел, нераспорядительность на этот счет местных и центральных властей, в силу чего люди длительное время находились в условиях радиационного заражения.

С подобными утверждениями можно согласиться лишь частично. И вот почему.

Чернобыльская эвакуация, конечно же, не может идти ни в какое сравнение, скажем, с эвакуацией начального периода Великой Отечественной войны, когда из опасных районов вывозились миллионы людей, тысячи промышленных предприятий, колхозов и совхозов. Но по своим размерам она все-таки оказалась масштабной и сложной операцией. Только из города энергетиков — Припяти предстояло эвакуировать около пятидесяти тысяч человек, а всего — больше сотни тысяч. Это только на первых порах. Для каждого надо было найти место жительства и работу. Каждого обеспечить пищей и водой. Детей устроить в школы. Кроме того, на новых местах требовалось разместить сотни тысяч голов скота и птицы. Принять решение на проведение такой эвакуации, как говорится, скоропалительно было нельзя. Нужны были научно обоснованные рекомендации ученых и специалистов о радиационной обстановке, ее опасности. А все это удалось добыть лишь к утру 27 апреля 1986 года.

Нельзя не учитывать и того факта, что на первых порах уровни радиации в городе Припяти были сравнительно невысокими. Если в это время и был промах руководителей, так только в том, что люди вовремя не покинули улиц, не использованы для этого радио и милицейские машины с громкоговорителями. Но и в этом, пожалуй, проявилась не столько нераспорядительность, сколько наша всеобщая расхлябанность и беспечность, с которыми мы за последние годы сроднились, пренебрежительное отношение к мерам безопасности. Даже те, кто постоянно работал на Чернобыльской АЭС, к действиям в экстремальных условиях готовились по принципу «Ничего не случится!». В городе и ближайших населенных пунктах просветительская работа по разъяснению людям природы атомной энергии сводилась к эпизодическим беседам. Атомная малограмотность, а вернее атомное невежество, обернулась большой болью. По этой причине люди не спешили укрыться от радиационного заражения, а из любопытства лезли на крыши домов, выходили на горбатый мост через железнодорожное полотно, чтобы посмотреть развалины после взрыва.

Что греха таить, даже мы — люди военные, постоянно изучающие вопросы ядерной физики, мало что знали о возможной опасности атомных станций в случае аварии. Слишком все мы были уверены в надежности этих объектов.

...Как часто бывает, наши люди медленно раскачиваются, а потом работают в сложных ситуациях с самоотверженностью, доходящей до самопожертвования. Так было и в Чернобыле. Как только приняли решение, скажем, об эвакуации, она началась и была проведена с высочайшей организованностью.

«К середине дня 27 апреля,— вспоминает генерал-лейтенант Анатолий Дмитриевич Фомин, являвшийся тогда одним из руководителей ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, — стали прибывать колонны автобусов. Они шли сплошным потоком, словно сцепки железнодорожных вагонов, заполняя площади и улицы города, затем под командой работников МВД стали расползаться к домам, останавливаясь у каждого подъезда. Казалось, что люди еще не верили в случившееся. Большинство выходили к автобусам налегке, с чемоданчиками и саквояжами. Ни паники, ни женского плача, ни проклятий в адрес виновников аварии. Слышались спокойно-уверенные голоса: «Ничего страшного не произошло. Через день-два вернемся». Даже раздавались шутки и смех. Было видно, что люди не хотели

верить, что невидимый страшный враг — радиация окутывает все больше и больше их любимый город, пронизывает смертоносными лучами их самих. Потребовалось всего несколько часов для полной эвакуации столь крупного города.

Город замер в безжизненной тиши. Только стаи собак, носившихся по улицам в поисках своих хозяев, отчаянным лаем нарушали ее. Магазинные витрины оставались заполненными товарами. Из столовых и кафе распространился аппетитный запах свежесваренной пищи...»

Жители города Чернобыля и сел района об эвакуации города Припяти узнали в тот же день, но рассчитывали, что их вряд ли потревожат, будут эвакуировать. Здесь жизнь пока шла своим чередом: на предприятиях и в учреждениях продолжалась обычная работа; в школах и на улицах озорно резвилась детвора; на скамеечках у ворот старики и старушки коротали свое время; в клубах и домах культуры демонстрировались кинофильмы; на колхозных и совхозных полях тракторы таскали сцепки культиваторов и сеялок; крестьяне заботливо удобряли и опрыскивали сады, возились около ульев...

На первый взгляд, среди сельских жителей царило деловое спокойствие. Но это только казалось. На самом деле люди тревожились случившимся на атомной станции. Да иначе и быть не могло, так как слухи об аварии распространялись самые невероятные. И стоило недалеке от села Лелево остановиться колонне военных машин, как к ним заспешили крестьяне, работающие на животноводческой ферме.

— Для ликвидации аварии на станции прибулы? — одернув подогнутую за пояс широкую юбку, спросила краснощекая женщина, доверчиво улыбаясь.

— Да, для этого, — ответил политработник полковник Мефодий Дмитриевич Денисенко, встретивший колонну машин и рассказывающий собравшимся офицерам об обстановке на атомной станции и в ее округе, а также о предстоящей работе.

Беседу прервал неведомая откуда взявшийся ураганный ветер. По полю покатились несколько военных фуражек и гражданских кепок. В лица людей ударила поднятая пыль. С деревьев посыпались ветки и листья. Крестьяне поспешили укрыться на ферме.

— Не было лиха! — прикрывая лицо рукавом цветастой кофты, недовольно выпалила розовощекая молодуха.

— Такой ветер сейчас ни к чему, да еще в юго-западном направлении! — с беспокойством проговорил Мефодий Дмитриевич. — Может далеко разнести радиационную зараженность.

А ветер все крепчал и крепчал. Его буйство усиливалось с каждой минутой. Он хватал с полей и дорог песок и пыль, закручивая в клубы, бросал их высоко в воздух.

«Вот уж воистину беда в одиночку не ходит, — подумал полковник Денисенко. — С аварией как следует еще не разобрались, а тут этот ураган — ни дна ему, ни крыши. И радиационную обстановку может ухудшить, и работу воинских подразделений усложнит».

Ураган продолжался почти двое суток, резко ухудшив радиационную обстановку. И если до этого вопрос об эвакуации ряда сел оставался спорным или не стоял вообще, то теперь он выдвинулся в ряд безотлагательных. На этом этапе к эвакуации населенных пунктов были подключены воинские части, прибывшие для ликвидации последствий аварии. Военнослужащие оказывали помощь населению во всем.

Эвакуация сельчан оказалась куда более сложной, чем горожан. Вполне осознавая, что она стала необходимостью, большинство жителей не спешили с отъездом из родных мест. Они очень тяжело расставались с отчими домами, со всем, что связывало их с ухоженной земной, что создано и нажито их трудом. Даже нас, военных людей, готовящих себя к самым трудным житейским поворотам и в мирное, и в военное время, зачастую пробивала слеза при виде трогательного прощания людей с родным домом, селом.

Помнится небольшое, затерявшееся в густых полесских лесах село в сотню дворов. На его единственную улицу выкатило десятка два автобусов и грузовиков. Из них вышла группа военнослужащих и работников милиции. Словно по команде от домов потянулись сельчане. Вид их был суров и молчалив.

— Не сокрушайтесь, — успокаивал командир. — Мы очистим от радиации ваше сказочное село, и вы вернетесь.

Разговор прервал работник районного комитета партии, ответственный за эвакуацию села.

— Время, бригадир, не терпит, — сказал он высокорослому мужчине. — Начнем. Объявите, чтобы люди взяли все необходимое и сели в автобусы. Военные помогут погрузить вещи, а потом будут дезактивировать наше село.

— Пока не решим с вывозом скота, никуда не поедем, — спокойно ответил бригадир.

Сельчане заторопились, но ни в свои дома и хаты, а на стоящий за околицей скотный двор. Напоили коров и телят, натаскали в кормушки слежавшегося прошлогоднего сена, вручную подоили буренок. И только после того, как убедились, что началась погрузка скота в машины, крестьяне занялись подготовкой к эвакуации. Они сновали от домов к машинам и обратно, с помощью солдат грузили туго набитые чемоданы и узлы.

Жители села, конечно же, знали, что государство в беде их не оставит, что советские люди придут к ним на помощь, но покидали родные места с тяжелой сердечной болью. Это и понятно. Ведь каждый из них оставлял самое дорогое и близкое — дом, в котором родился, рос и мужал, познал первые радости и горести, произнес первые слова...

Спазмы хватили за горло при виде, как сухонькая, согбенная старушка, закрыв на замок щелястую дверь вросшей в землю беленькой хаты, держа в руках иконку, перекрестила подслеповатые окна. Потом подошла к стройной березе, посаженной сразу же после войны в память о погибшем сыне, обняла ее и запричитала...

Бледнолицая, морщинистая бабка Галя, не по годам торопливая, привела в автобус козу. Видя, что «упрямого» водителя упрямить невозможно, чтобы взял ее вместе с животным, сердито бурча, отошла от машины, привязала козочку длинной веревкой к колу, поставила перед ней банку с водой и, вытерев концами платка слезящиеся глаза, подошла к солдатам.

— Ви побережить ий, синки! — со вздохом попросила она.

Дольше всех возился со сборами колхозный механизатор дядя Грицко, недавно отметивший свое шестидесятилетие. Даже его жена недовольно упрашивала: «Пидемо. Сельчани чекають. Чуешь, машини гудуть — нас кличуть!» Не поднимая головы, хозяин подровнял дровяную поленницу, выложенную вдоль стены сарая, проверил, прочно ли стоят ульи, закрыл на окнах ставни, выпустил на огород кур, поправил покосившийся забор. И только потом неторопливо пошел к автобусу.

Во время эвакуации, пожалуй, наиболее тяжело расставались с людьми их четвероногие друзья — собаки, словно чувствуя свою неминуемую гибель. В селе их оказалось несколько десятков; овчарки, бульдоги, дворняги... Жалобно скуля и повизгивая, они буквально на брюхе ползли за хозяевами вплоть до автобусов, а затем плотной стаей бежали далеко за село и отстали от автобусов только тогда, когда выбились из сил. Люди со слезами смотрели на них.

...Уезжая, эвакуированные трогательно прощались с воинами.

— Ви скоріше, хлопці, проводьте цю саму дезактивацію і повертайте нас до дому. Як кажуть, в гостях — добре, а дома — краще. Ближче рідної землі, рідного дому для нас нічого немає.

Жители села подолгу жали воинам руки, обнимали как самых близких людей. Село осталось без своих жителей, но военнослужащие еще несколько дней эвакуировали скот и только потом приступили к дезактивации.

Примерно так было в каждом селе.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

В результате аварии под разрушенным реактором скопились тысячи кубометров воды, применяемой для его охлаждения. Теперь она представляла собой величайшую опасность. И не только тем, что являлась радиационно зараженной, а главным образом тем, что над ней «висел» раскаленный реактор. «Булькни» он в бассейн, и могла бы случиться еще более страшная беда. Пар грозил разнести все здание и разметать из разрушенного реактора остатки ядерного топлива. Требовалось незамедлительно откачать воду из-под реактора и предотвратить надвигающуюся беду.

В книге «Репортаж из Чернобыля» А. В. Иллеш и А. Е. Пральников так описали это событие: «Решили начать откачку воды пожарными насосами. Первыми заводить рукава в бассейн пошли пожарные В. Л. Бовт, И. П. Войцеховский и М. А. Дьяченко... Потом больше суток экипажи добровольцев, сменяя друг друга, откачивали из-под реактора зараженную воду».

Дальше авторами воздана хвала пожарным за успешное выполнение задания. Слов нет, и здесь пожарные совершили подвиг. Но не они одни, а вместе с военными, которые, кстати, в этой операции были первыми. Забывать об этом нельзя. Да и сама операция с откачкой воды была куда сложнее.

Прежде чем нашли приемлемое решение по откачке воды из-под реактора, членами Правительственной комиссии, учеными и военными специалистами прорабатывалось несколько вариантов, суть которых на первых порах сводилась к тому, чтобы пробить в стене реакторного здания отверстие, протянуть через него трубопровод и по нему откачать воду. Пробить отверстие? Но каким образом? У разрушенного реактора опасные уровни радиации — не подойти. Возникла идея пробить отверстие пушечным выстрелом, применив бетонобойный снаряд. Артиллеристы подготовили орудие, произвели необходимые расчеты, но вскоре от этого варианта пришлось отказаться, хотя в меткости стрельбы артиллеристов сомнений не было. Опасение вызывало «поведение» разрушенного реактора после мощного пушечного удара: вдруг рухнет. Нашли другое решение: целенаправленный взрыв.

Подобрали опытных исполнителей: командира инженерно-саперного батальона Краснознаменного Киевского военного округа подполковника Олега Ивановича Галюса, командира роты капитана Виктора Робертовича Ганзе и командира взвода старшего лейтенанта Александра Витальевича Стефанова.

На бронетранспортере в сопровождении работника станции они подошли к месту предполагаемого взрыва, но вынуждены были возвратиться: слишком высокий уровень радиации. Решили взрывать стену изнутри здания, подойдя к ней по станционным переходам.

Главный инженер атомной станции Николай Александрович Штенберг, вездесущий бородач, провел офицеров по станционным зданиям, рассказал об особенностях и толщине бетонных стен, где целесообразнее всего ставить заряды. Каждому офицеру подобрали в помощь опытных подрывников добровольцев сержантов Юрия Тимофеева и Юрия Костылева, рядового Дмитрия Мельничука. На недостроенном пятом энергоблоке провели тренировочные занятия. О готовности к взрывам было доложено по команде, и вскоре отверстия проббили, но подобраться к воде не удалось.

Оставался единственный выход — послать для проделывания отверстия теперь в другом месте бетонной стены вторую группу военнослужащих. И тут выбор пал на воинов-киевлян.

...Алексей Федорович Сяйтинов неторопливо подошел к воинскому строю.

— Знаю, — начал он, — что вы порядком устали, участвуя в ликвидации последствий аварии. За прошедшие дни вами сделано неимоверно много. О мужестве вашем, думается мне, будут писать в газетах и книгах, говорить в радиопередачах. Вам бы сейчас малость отдохнуть, но он, — Алексей Федорович взмахом руки показал в сторону разрушенного реактора, — не позволяет, может принести еще большую беду, если не принять экстренных мер. Требуется срочно подобраться к нему, проделать отверстие в бетонной стене, протянуть трубопровод и откачать из-под реактора воду.

Генерал плотно сжал обветренные губы. Подчиненным он не сказал, что руководством по ликвидации последствий аварии и учеными обсуждалось несколько вариантов подхода к воде, но все они, в конечном счете, оказались непригодными. Сошлись на последнем — послать добровольцев и вручную проделать отверстие. Опасно, очень опасно, но другого выхода нет.

Воины внимательно вслушивались в каждое слово генерала. Несмотря на то, что усталость валила с ног, каждый из них был готов к выполнению любого задания ради оказания помощи попавшим в беду людям.

После непродолжительной паузы Алексей Федорович продолжил:

— Не скрою, работать придется в условиях высокого радиационного заражения. Но я уверен, что каждый из вас готов к выполнению этой задачи. Уверены в этом и Правительственная комиссия, и наше командование. Однако решили послать только добровольцев. Нужно всего четыре-пять человек...

Строй на несколько секунд замер. Потом послышались два гулких удара ног. Все многонациональное подразделение шагнуло на два шага вперед — русские, украинцы, узбеки, казахи, татары, осетины...

Генерал откашлялся.

— Спасибо. Иного я и не ожидал. Вы, товарищ капитан, — кивнул он в сторону Петра Павловича Зборовского, — назначаетесь старшим группы. Выполнение особого задания вверяется вам. Помощников выбирайте сами.

Капитан тут же назвал сержанта Павла Авдеева, младшего сержанта Ивана Максимчука, ефрейтора Александра Коршунова и ефрейтора Игоря Молодцова: двух основных и двух дублирующих в созданной им группе.

Непродолжительное время на подготовку — и операция началась. В защитной одежде с противорадиационными масками на лицах капитан Зборовский, сержант Авдеев и ефрейтор Коршунов через узкие щели-оконца бронетранспортера всматривались в бетонные громады с станционных зданий, не без волнения поглядывали на показатели приборов радиационной разведки.

Зборовский то и дело спрашивал:

«Сколько?» — «Ясно!» — «А здесь?» — «Понял!»

Чем дальше бронетранспортер удалялся вглубь станционного двора и меньшим оставалось расстояние до разрушенного реактора, тем выше становился уровень радиации. Капитан постоянно помнил требование генерала, если уровень радиации на месте работ будет повышаться, немедленно возвращаться назад.

Последний поворот. Перед машиной выросла бетонная стена. Бронетранспортер клюнул передком и замер. Открылся боковой люк. Капитан, а вслед за ним сержант и ефрейтор вывалились из машины, шурша защитной одеждой, неторопливо направились к стене, в которой еле заметно выделялся замурованный дверной проем. Зборовский взглянул на шкалу дозиметрического прибора, распорядился:

— Работаем по две минуты — и мигом за бронетранспортер: там спокойнее, нет прямого радиационного прострела. Повторяю, по две минуты. И ни секунды больше. Поняли? Первым бьет сержант Авдеев, потом я, потом ефрейтор Коршунов.

Капитан и ефрейтор отошли за бронетранспортер.

Сержант Павел Авдеев, коренастый донбасец с крепкими руками, замахнулся кувалдой и что есть силы ударил по стене. Издав стонущий звук, она лишь слегка содрогнулась, Павел, кряхтя, ударил второй, третий, четвертый, пятый раз, словно кузнец по наковальне, но стена не поддавалась. Через две минуты сержанта сменил капитан, его — ефрейтор. Оба — не слабаки физически. Они молотили по стене, обливаясь потом, но пока безуспешно.

— Словно замороженная! — сердито бросил ефрейтор.

— Делали-то на века! — вставил сержант, принимая из его рук кувалду. Чего-чего, а бетонные громады у нас делать умеют.

— Ничего, други мои, пробьем, — тяжело дыша от усталости, проговорил капитан. Он вытащил из бронетранспортера металлический шкворень, вставил его заостренным концом в образовавшуюся в бетоне выемку, а сержант Авдеев тяжелым ударом кувалды вогнал его в стену. Вогнал сантиметров на пять-шесть. От последующих ударов посыпались осколки бетона и кирпича, а вскоре внутрь здания с грохотом полетели увесистые комья.

Забыв об опасности, теперь они работали все трое вместе. Иначе было нельзя.

Наконец-то в стене обозначилось небольшое отверстие. Это придало силы. И невероятно трудная работа продолжалась. Группа торопилась расширить пролом. Теперь каждому приходилось браться за кувалду все чаще и чаще. Их тела взмокли от пота. Под масками не хватало кислорода для дыхания, а тут еще палило не по-майски жаркое солнце.

Пожалуй, не бывает более приятного состояния, чем состояние исполненного долга. С особой силой это прочувствовали герои нашего рассказа, когда пробили в стене «лаз». Каждый из них готов был прыгать от радости.

Капитан медленно, соблюдая осторожность, полез в проем. Защитный костюм со множеством застежек и лямок цеплялся за острые выступы сколов бетона. Авдеев и Коршунов страховали его с помощью обвязанной вокруг туловища веревки, будто космонавта при выходе в открытый космос, поскольку капитан тоже шел в неизведанное.

Секунды пребывания капитана в «утробе» здания тянулись невероятно долго. По крайней мере, так показалось сержанту и ефрейтору, которым теперь некогда было уходить за бронетранспортер, чтобы хоть на короткое время «спрятаться» от радиации. Они все время находились у проема, откуда доносился глухой звук шагов Петра Зборовского.

Передвигаясь с предельной осторожностью, он определил расстояние от проема до воды, казавшейся загустевшей, похожей на мокрый ночной асфальт, вымерил изгибы стен.

Выбравшись наружу, раза два молча взглянул в проем и только потом заговорил!

— Вода почти рядом, метрах в шести, но ее не достать, Не подтянуть трубопровод: слишком крутые изгибы стен.

— Значит, пот зря проливали? — недовольно высказался ефрейтор Коршунов,

— Не зря, — спокойно ответил капитан. — Наша с вами работа бесполезна. Мы узнали: в этом месте подхода к воде нет — не достать ее. Будем искать другой. Не исключено, что придется пробивать не одно такое отверстие.

— Сколько нужно, столько и пробьем! — поддержали капитана подчиненные. — Вода же должна быть откачана.

О невозможности подвода трубопровода к воде через пробитое с таким трудом отверстие капитан немедленно доложил председателю Правительственной комиссии и старшему военному руководителю. И снова — изучение схемы атомной станции и аэрофотоснимков. Новая разведка подходов к разрушенному реактору, теперь уже с более опасной стороны.

С двумя военнослужащими и работником станции капитан Зборовский идет к предполагаемому пока месту откачки воды. Пробирались по многочисленным коридорам и лестничным переходам, освещая путь электрическим фонариком. То и дело останавливались, для того чтобы сделать на стенах меловые крестики для ориентирования на обратном пути. И снова погружение в непроглядную мглу, замер углов и изгибов. Как выяснилось, и сюда трубопровод не подвести. Что же делать? Как подобраться к воде? Должен же быть найден выход.

Время с откачкой воды не терпело. Обстановка требовала идти на риск. И вот только теперь возникла идея применить обычные пожарные шланги, нарастить их, вывести в водозаборник, смонтировать в одном из станционных помещений водонасосную станцию и через эту систему попытаться откачать воду из-под реактора. Небезопасно для людей, но другого выхода не было.

В проведение этой операции включились не только военнослужащие, но и пожарные, работники станции, водители, химики. На помощь капитану Зборовскому пришли старший лейтенант Николай Акимов, лейтенант Вадим Злобин, сержант Бесик Нанава, младшие сержанты Александр Олейник и Олег Дворякин, ефрейтор Игорь

Молодцов, рядовой Акрон Ахмеров... Сержанту Авдееву и ефрейтору Коршунову, несмотря на их настоятельную просьбу, участвовать в этой работе не пришлось, так как они уже получили предельные дозы облучения.

Обстановка требовала работать с предельной четкостью и максимальной осторожностью, поскольку уровень радиационного заражения на месте откачки воды оставался высоким. Время пребывания людей в этой зоне было рассчитано до секунд.

Пожарные машины подходили к месту откачки воды на больших скоростях, сбрасывали шланги и моментально уходили назад. Не допускалась ни малейшая их задержка. Навстречу им спешили другие машины. Пожарные подхватывали концы шлангов, за считанные секунды соединяли их, вытягивая в единую нить, и убегали в укрытие. В это же время подчиненные капитана Зборовского с бойцами пожарного отделения монтировали водонасосную станцию. Люди работали с перекрытием обычных нормативов в три-четыре раза, осознавая, что чем быстрее откачают воду, тем скорее будет ликвидирована надвигающаяся опасность от возможного провала разрушенного реактора. Торопила и усложняющаяся радиационная обстановка.

В короткое время насосы были смонтированы. Нажаты тумблеры. Расправились шланги, вода с шипением устремилась по ним. Капитан Зборовский и его товарищи облегченно вздохнули. Воины и пожарные радостно замахали руками. Но их радость оказалась недолгой. Помещение быстро наполнилось выхлопными газами. «От угарного газа можно погибнуть. Людей здесь оставлять нельзя!» — подумал капитан. Он не успел отдать распоряжение, как случилось непредвиденное: движки один за другим остановились. «Не хватает кислорода. Надо открыть наружную дверь. Опасно, но другого выхода нет».

— Всем перейти в соседнее помещение! — приказал он. — Всем!

Как только люди ушли, капитан, не медля ни секунды, подбежал к дверям, сбил задвижку и с силой толкнул тяжелые металлические створы. Свежий весенний воздух прямо ударил в лицо. Загазованность помещения постепенно стала уменьшаться. Откашлявшись от едкого дыма и сплюнув набившуюся в горло гарь, Зборовский включил двигатели. В глубине забулькала вода. Вновь раздулись шланги.

— Движки работают нормально, — устало проговорил капитан, войдя в помещение, где находились военнослужащие и пожарные, укрывшиеся от радиационного прострела. — Но они требуют постоянного контроля. Так как здесь тоже находится небезопасно, будем дежурить по два человека не более получаса. Маршрут движения сюда и обратно тот же — с меловыми пометками на стенах.

Капитан и командир пожарного отделения распределили подчиненных по сменам, каждой определили время нахождения у рабочих двигателей, напомнили о необходимости строжайшего соблюдения мер безопасности и только тогда убыли в бункер, чтобы малость перевести дух, сбросить моральную и физическую усталость.

Девятнадцать непрерывных часов длилось это опасное и изнуряющее дежурство. Капитан Зборовский через каждый час возвращался для проверки работы насосной станции и дозаправки движков.

Вода из-под реактора убывала. Зборовский многократно докладывал в Правительственную комиссию и своему начальнику: «Все идет хорошо. Уровень воды понизился на столько-то сантиметров». И вдруг...

В непроглядной ночной мгле один из бронетранспортеров, проводивший радиационную разведку, переехал пожарные рукава и порвал их. Хлынувшие из порыва фонтаны воды стали заливать пристанционную территорию. Потребовалось срочно

ликвидировать повреждение. Капитан Зборовский немедленно направил на место аварии знающих пожарное дело воинов — рядовых Амаяка Маргаряна, Юсуфа Гаджевского, Марата Галифуллина во главе с лейтенантом Вадимом Злобиным. Заменить порванные шланги оказалось делом нелегким: ноги тонули в раскисшей земле, мощные струи воды валили с ног, хлестали в лицо... Конечно, устранять повреждение было бы куда легче, если выключить насосы, но тогда на какое-то время приостановилась бы откачка воды, замедлилось выполнение главной задачи. Допустить этого было нельзя. Военнослужащим и пожарным пришлось пренебречь своей безопасностью. Каким же надо обладать мужеством и чувством долга, чтобы в непосредственной близости от разрушенного реактора, в сложнейших условиях устранить повреждение шлангов и тем самым обеспечить выполнение задания по откачке воды!

Ранним утром капитан Зборовский доложил председателю Правительственной комиссии и генералу армии И. А. Герасимову: «Вода откачана».

За мужество и самоотверженность, проявленные при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, капитан Петр Павлович Зборовский и многие из его товарищей удостоены государственных наград. «Ему предпочтение из всех! — сказал после выполнения задания по откачке воды из-под разрушенного реактора майор внутренней службы Г. В. Нагаевский. — Огромного личного мужества офицер, замечательной силы воли и человеческой доброты. По кабельным тоннелям он нас вел. На всех сложных этапах был с нами. Не будь его в критические минуты, мог быть совсем иной исход». «Мы благодарны ему, — подчеркнул пожарный, работавший тогда рядом с капитаном Зборовским, — за пример смелости, самоотверженности и блестящего воинского мастерства».

Сам же капитан Петр Павлович Зборовский о своей работе в эти полные драматизма апрельские и майские дни 1986 года рассказывать не любит: «Просто выполнял свой офицерский и гражданский долг». А вот о действиях своих подчиненных, товарищей по работе и пожарных, участвовавших в откачке воды из барбатера, рассказывал мне часа полтора. Рассказывал с теплотой и восхищением.

БАТАЛЬОН ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

На первый взгляд, он не отличался ничем от других подразделений — батальон как батальон: есть командование, штаб, роты и взводы, есть офицеры и прапорщики, сержанты и солдаты, есть партийная и комсомольская организации... И все-таки это был необычный батальон. От начальника оперативной группы до солдата его называли батальоном особого назначения, как в войну.

А почему «особого назначения»? Да потому, что выполнял он задачи особой важности, каких не выполняли другие подразделения. Фронтовики помнят, что для решения наиболее ответственных задач в боевой обстановке формировались особые воинские отряды и части, в ряды которых подбирались самые смелые, самые храбрые воины. Им поручались задачи, от выполнения которых порой зависела судьба боя и даже сражения. В годы Великой Отечественной войны существовали гвардейские части и части особого назначения. То же можно сказать и о чернобыльском батальоне

особого назначения, который работал на одном из ответственных и решающих участков ликвидации последствий аварии — подготовке площадки для сооружения ныне всем известного «саркофага», надежно укрывшего разрушенный реактор.

Средства массовой информации множество раз рассказывали об этом «чудо-сооружении» — порождении человеческого разума, современных научно-технических возможностей и самоотверженности советских людей: ученых, строителей, специалистов министерств и ведомств, Сделано практически невозможное. И за столь короткое время — менее полугода. Вся страна с вниманием и надеждой следила за возведением «саркофага», зная, что от этого зависит успех дальнейших работ ПО ликвидации последствий аварии. Многие и у нас а стране, и за рубежом, видимо, задавались вопросами: а кто же готовил место для возведения «саркофага»? кто расчистил площадку, заваленную осколками ядерного топлива, разрушенного взрывом бетона, искореженной арматурой, под его основание? кто закладывал «первые кирпичики» в возведение бетонной громады? Все это делали воины батальона особого назначения, именуемого по официальным документам батальоном специальных работ. Не рассказать об этом уникальном подразделении, которому выпалё столь нелегкая задача при ликвидации последствий аварии, о его людях, полных мужества и самоотверженности, нельзя.

Общеизвестно, что в строительном деле подготовка площадок для возведения объектов строительства дело не ахти какой сложности, тем более в наш технический век: выровнял бульдозером грунт, отрыл и забетонировал траншеи и готово. Но это в обычных условиях. При подготовке площадки под «саркофаг» такая классическая схема не подходила. Батальону предстояло работать в исключительно трудных условиях, небезопасных для здоровья и жизни людей. Разрушенный реактор продолжал «дышать». Уровни радиации на местах работ оставались очень высокими. Воинам подразделения предстояло первыми шагнуть в неизведанное, в само «адово логово».

...Получив задачу от председателя Правительственной комиссии и старшего военачальника, командир батальона Александр Александрович Третина, опытный военный инженер, за плечами которого более двух десятков лет службы в инженерно-саперных войсках, вместе с подполковником Степаном Федоровичем Матвиенко и своими заместителями побывал на местах предстоящих работ, лично изучил и оценил сложившуюся обстановку. Командира беспокоили многие вопросы, которые предстояло решить в сжатые сроки, но особенно отсутствие необходимого количества специалистов, владеющих вновь поступающей техникой, приспособленной для работы в условиях высоких уровней радиации. И об этом он решил поговорить с офицерами и прапорщиками.

Сообщение командира о полученной задаче, месте и объеме работ было встречено присутствующими настороженно. Никто не мог предполагать, что работать придется в самой зоне разрушений. Как показало время, трусов среди них не было, но каждый из них, естественно, думал о предстоящей опасности. И только услышав от командира, что трудиться придется не в скудной защитной одежде, какая имела у каждого военнослужащего, а с помощью новой мощной инженерной техники, в сотни раз ослабляющей уровни радиации, вооруженной телеаппаратурой, манипуляторами, современными средствами наблюдения, успокоились.

— На таких машинах можно работать в самой сложной радиационной обстановке! Надо только хорошо подготовиться, — слышались голоса.

В тот же день в батальоне начались занятия и тренировки, продолжавшиеся по 12—15 часов в сутки. Люди изнемогали от усталости, но никто на это не сетовал. Каждый понимал: от умения владеть сложнейшей техникой зависят не только быстрота, качество и успех выполнения поставленной задачи, но и собственная безопасность. Для оказания помощи в проведении занятий с личным составом прибыли специалисты предприятия, поставившего эту технику, ученые одного из научно-исследовательских центров,

Одновременно инженерно-технический состав проверял исправность и работоспособность машин и системы управления. Для работы в зоне аварии техника готовилась, пожалуй, с не меньшей тщательностью, чем самолеты перед вылетом в рейс. Иначе и быть не могло, в столь сложных, экстремальных условиях поломка и остановка машин недопустима, могла обернуться бедой, хотя и были предусмотрены средства их эвакуации.

Техника техникой, но работать на ней предстояло людям. На первых порах у некоторых воинов чувствовалась боязнь идти в зону реактора. И осуждать за это никого нельзя. Им предстояла работа в самом пекле, где опасность подстерегала не только на каждом шагу, но и на каждом сантиметре. Были и отдельные паникеры.

«Пусть кто угробил станцию, тот и работает! Пропадем здесь, без потомства останемся!» — говорили они, оглядываясь. Но подавляющее большинство воинов были настоящими мужчинами. Они по-солдатски смело делали свое дело. В формировании высоких моральных качеств людей, готовности работать в экстремальных условиях важную роль играла политическая работа, проводимая с личным составом батальона. Не лозунги, собрания и призывы, а индивидуальная работа с военнослужащими занимала центральное место в деятельности командиров и политработников. Они нашли время поговорить с каждым из них. Отдельных, «дряблых душой и телом», пришлось заменить.

Подготовка к наступлению на развалины четвертого реактора велась, как к настоящему штурму вражеских позиций времен военных лет. Как перед настоящим боем разрабатывались план операции и тактика действий, суть которых заключалась в том, чтобы начиная с дальних подступов, постепенно приближаться к разрушенному реактору, собирая на пути все, что осталось от взрыва и пожара. Территория «четвертого» была разделена на южный, северный и западный секторы, во главе которых командир поставил своих заместителей — майоров Владимира Васильевича Лысого, Виталия Петровича Парфенова, Владимира Николаевича Холодылу, выделив в их подчинение необходимое количество военнослужащих и техники.

На земле «четвертого» оказалось большое количество различных машин, оставшихся после тушения пожара на атомной станции. Одни из них находились в самой близости от разрушений, другие — поодаль. На этой технике герои-пожарные погасили возникший в результате взрыва бушующий пожар. Сослужив добрую службу, теперь машины стояли грудой облученного металла. Они стали не только препятствием на пути к реактору, но и источником радиационного облучения. Необходимо было срочно их эвакуировать и захоронить.

За это нелегкое и опасное дело одним из первых взялся капитан Владимир Вербицкий. Под его командой кажущийся неуклюжим ИМР (инженерная машина разграждения) по-черепашьи пополз к почерневшим от копоти машинам, подхватывал краном и волок их за собой. И так одну за другой. Вскоре на помощь капитану Вербицкому пришли другие экипажи.

Условия работы были до предела сложными: за бортом ИМРов — сотни рентген радиации; машины закупорены — пылинки не проскочит; видимость ограничена посеревшими от пыли смотровыми приборами. Но люди трудились уверенно. Трехдневная тренировка не осталась бесследной, дала нужные навыки. Машинный «островок» с каждым часом таял. Случались в ходе работы и непредвиденные обстоятельства. Например, при буксировке одной из пожарных машин оборвался зацеп. В обычных условиях это мелочь, на ликвидацию которой нужны всего минуты: выпрыгнул из ИМРа, зацепил трос за буфер или раму и готово, тяни машину вновь. Но в данной обстановке из машины не выпрыгнешь — пронзит радиация. Пришлось искать другой выход, толкать «пожарку» двумя ИМРами.

Эвакуация пожарных машин оказалась лишь небольшой «разминкой» по сравнению с тем, что предстояло сделать. Теперь батальон подключался широким фронтом к сбору и захоронению всего, что мешало началу возведения «саркофага»: бетонных глыб, искореженной арматуры, графита и осколков ядерного топлива... В составе первых экипажей были только добровольцы — капитаны Владимир Вербицкий и Владимир Давий, старшие лейтенанты Олег Воронин и Дмитрий Деригин, старший сержант Владимир Кочерга, сержант Владимир Ковальчук...

День работы в Чернобыле засчитывался за три: как в боевой обстановке. Безошибочно можно сказать, что час работы на земле «четвертого» по очистке площадки для «саркофага» стоит многих дней. «Динозавры» — современные инженерно-разградительные машины, подготовленные для работы в условиях высоких уровней радиации, способные выполнять множество операций: расчищать завалы, снимать верхний слой зараженного грунта, перевозить с одного места на другое грузы, собирать осколки разрушений, — почти полностью защищают экипажи от радиационного облучения. Несмотря на это, работать на них было нелегко и физически, и особенно морально. Находясь в бронированной «скорлупе», невозможно было не думать, что за бортом смертельные дозы радиации, рядом — разрушенный реактор. Вот что на этот счет рассказал капитан Вербицкий:

«Вместе с механиком-водителем заняли рабочие места в «Динозавре». Наглухо закрыв люки, мы оказались словно в подводной лодке на большой глубине. В темноте лишь мигают светящиеся кнопки пульта управления. Включаю телеаппаратуру. Нахожу ручку перископа. Докладываю по радио на КП о готовности к работе. Получив разрешение, подаю механику-водителю команду: «Вперед!». Тяжелая машина поползла в глубину станционной территории, которую мы до каждого метра изучили по аэрофотоснимкам и фотографиям, сделанным с вертолетов. Прикладываюсь глазом к окуляру перископа. Мощная оптика приблизила и высветила до мельчайших деталей разрушенное реакторное здание: развороченные стены, обнаженные выступы и лестничные сплетения, искореженные металлические балки и перебитую арматуру, похожую на огромного спрута... Казалось, протяни руку и достанешь железобетонные развалины, на которых виден каждый осколок. На израненном станционном дворе хаотически валялись обломки различной величины. Перевожу прибор в ближнее положение. Как на ладони вижу лежащие на земле серые, пепельно-дымные и сизо-черные глыбы, куски, кусочки. Понял, что это осколки бетона, графита и ядерного топлива. Хотя я был готов к такой встрече, но как-то стало не по себе: по телу побежали мурашки, лоб покрылся испариной, кисти рук увлажнились, учащенно забило сердце. Одно дело — все это видеть на снимках, другое — наяву, собственными глазами, вооруженными современной оптикой.

Рыская манипулятором, нацеливаюсь на первый попавшийся осколок. Захватить его не удалось. Недоставало натренированности, да и руки дрожали. Осколок, словно живой, отскакивал от зацепа. Прицеливаюсь второй, третий раз — то же самое. Наконец приловчился. Осколок захвачен. Радостно вскрикнул: «Есть!». Нажимаю одну за другой кнопки пульта управления и подвожу крановую стрелу к поставленному рядом свинцовому контейнеру, сбрасываю в него груз. Радостное ощущение первой победы прибавило силы и уверенности. Маневрируя корпусом машины, механик-водитель по моей команде помогал направить стрелу с манипулятором в нужное место. Подхватывая осколки, я неторопливо препровождал их в контейнер. Прошло менее часа, а я взмок от пота. От невероятного напряжения немели руки. Слезились глаза. Сухость сжимала горло. Страшно хотелось отбросить люк и глотнуть свежего воздуха. Вместе с тем появился какой-то спортивный азарт. Работать хотелось быстрее и быстрее, тем более что контейнер наполнялся медленно. Когда первый ящик был заполнен до краев, охватила радость...»

За первый день «динозавровцам» удалось заполнить и вывести лишь несколько контейнеров с опаснейшим грузом, но и это явилось значительной победой. Экипажи втянулись в дело, приобрели уверенность в работе, избавились от боязни. В последующие дни работа спорилась лучше. В нее включились новые люди. Смело и самоотверженно вместе с офицерами и прапорщиками трудились операторы младший сержант Владимир Сергиенко, ефрейторы Олег Остапенко и Виктор Кременчук, механики-водители старший сержант Владимир Кочерга и сержант Владимир Ковальчук... Военнослужащие метр за метром очищали станционный двор, все ближе и ближе подбираясь к реакторному зданию. Вслед за ИМРами-«сборщиками» шли машины с бульдозерным оборудованием, снимая зараженный слой грунта и скучивая его для последующего вывоза и захоронения. ИМР с телескопической стрелой захватывал контейнеры с опасным грузом и отвозил их к разрушенному реактору, складывая друг на друга, тем самым создавая защитную стену от радиации, которую впоследствии замуруют в «саркофаг». Очищенная земля тут же покрывалась бетонными плитами. Радиационная обстановка вокруг «четвертого» постепенно улучшалась.

Для батальона особо сложными оказались расчистка и восстановление железнодорожного пути, проходящего по станционной территории вплоть до четвертого реактора. В свое время эта железнодорожная ветка использовалась для подвоза строительных материалов и других грузов при сооружении атомной станции и в процессе ее практической эксплуатации. Теперь же, заваленная обломками, она бездействовала. Рельсы покраснели от ржавчины, местами были повреждены и искорежены. А обстановка потребовала привести ветку в рабочее состояние, чтобы затем использовать для подачи железнодорожных платформ с металлической опалубкой под основание «саркофага». Работу возглавлял лично командир батальона полковник Третина. Под его руководством экипажи ИМРов освободили железнодорожную ветку из-под завала, помогли железнодорожникам ликвидировать повреждения. Но на пути движения платформ оказалось новое препятствие — мешала лежащая у стены здания железобетонная плита, оставшаяся со времен сооружения станции как свидетель бесхозяйственности и безответственности строителей.

Возникли вопросы: что делать? как убрать многотонную плиту? Попытались столкнуть в сторону двумя ИМРами — не получилось: слишком велика и тяжела глыба. А убрать ее требовалось в срочном порядке. Оставался один выход: разбивать на куски.

Командование батальона подобрало группу добровольцев, в числе которых в основном оказались военнослужащие — бывшие шахтеры Донбасса. Доставили на место работ необходимый инструмент и механизмы. Приняли меры к усилению противорадиационной защиты людей. Продолжительность работы «на плите» была установлена не более двух минут: больше не позволяла радиационная обстановка. Создали несколько сменных бригад, с первыми из которых на объект пошел командир, с другими работали его заместители и командиры подразделений, секретари партийной и комсомольской организаций.

Дружно ударили отбойные молотки. Но... монолитная плита из высококачественного бетона не поддавалась. Командир сменял одну бригаду за другой, сам оставаясь на объекте, хотя было и небезопасно. Стук молотков больно ударял в перепонки, все больше и больше усиливался, но от плиты по-прежнему летели лишь огненные искры. И только после неоднократных заходов удалось отбить несколько кусков бетона.

Напряжение в работе нарастало. Были задействованы новые бригады людей. В ход пущены кувалды, ломы, автогенные аппараты.

Хотя и медленно, но плита уменьшалась. Отбивались бетонные куски, обрезалась оголенная арматура. И так минута за минутой, час за часом, день за днем, пока от трехсоттонного монолита не осталось и следа. Встала на очередь задача поставить на нужное место под основание «саркофага» опалубку и подготовить ее к заполнению бетоном.

Далеко от Чернобыля сваривались детали огромных металлических коробок, которые затем собирались на железнодорожные платформы и тралеры, ИМРаами заталкивались на нужное место. Эти сложнейшие работы в основном выполняли гражданские специалисты. Но свой весомый вклад внес и личный состав батальона особого назначения. Он принимал непосредственное участие в монтаже опалубки, заталкивании платформ и тралеров к основанию «саркофага». Особенно при этом отличились механики-водители инженерных машин Владимир Алексеев, прапорщики Николай Докторов и Владимир Данилов, проводившие работу с ювелирной точностью.

Наступил наконец момент, которого с нетерпением ожидали все. Началось замуровывание разрушенного реактора. Одна из групп воинов под командованием заместителя командира роты по политической части старшего лейтенанта Казиса Казевича Сидобраса помогала специалистам Роберта Семеновича Тилиса в обеспечении непрерывной работы транспортера, подающего бетон в остов «саркофага». В ее задачу входила доставка на бронированных машинах из бункера к пульту управления транспортера и обратно дежурных смен. Сам старший лейтенант Сидобрас, кроме того, руководил вывозом и сопровождением бетоновозов из зоны, где они укрывались от радиации. Казис Казевич успешно справился с возложенными на него обязанностями. Он и подчиненные ему военнослужащие проявили невиданное мужество при внезапной остановке транспортера. Вот что рассказал старший лейтенант Сидобрас: «Стояла тихая темная ночь. Лишь у транспортера мелькало несколько электрических лампочек, да время от времени прожектора фар бронетранспортеров и бетоновозов разрезали густую темноту. Глаза слипались от долгой бессонницы. Вдруг слышу по радио тревожный голос:

— На транспортере авария! Нужна срочная помощь! Повторяю, нужна срочная помощь!

Я сразу же направился к месту аварии.

Вижу; часть рампы и ленты завалена бетоном. По небрежности кто-то из водителей высыпал смесь мимо бетоноприемника. Прикинул: бетона тонн семь-восемь. Потребуется человек пятнадцать, чтобы быстро разбросать его. Где взять людей в такое позднее время? Дорога была каждая минута. Докладываю о случившемся дежурному офицеру, находившемуся в бункере. По тревоге подняли людей. Заскрежетали лезвия лопат. Комья бетона полетели в стороны. Я работал вместе с солдатами. Торопиться заставлял не столько застывающий бетон, сколько близость разрушенного реактора. Допусти промедление всего на несколько минут — и люди могут переоблучиться.

Мне казалось, что время летит очень быстро, а бетона на ленте все еще много.

Через пять минут с начала работы бетона не стало. Лента транспортера освобождена. Торопливо отправляю людей на бронетранспортерах для санитарной обработки, а сам еду за АРСом, чтобы смыть с транспортной ленты остатки бетона. А вскоре она вновь зашуршала по роликам, неся бетонную смесь в основание «саркофага».

Воинами батальона особого назначения сделано невероятно много для ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Ими совершены не десятки, а сотни добрых дел, хотя сами они об этом стараются не говорить. Своей самоотверженной работой, смелостью и бесстрашием они приумножили славные традиции своей части.

КОМАНДИР «ЗОНЫ МУЖЕСТВА»

Особая зона! Она появилась на плане дезактивационных работ в самом начале мая 1986 года. В газетных статьях и очерках, теле- и радиопередачах ее часто называли «зоной мужества». И это справедливо. Здесь работали смелые, сильные духом, мужественные и отважные люди.

Территория особой зоны атомной электростанции включала четыре ранее действующих и два недостроенных энергоблока, почти километровый машинный зал, десятки других зданий и сооружений, хозяйственный двор, устремленные ввысь полосатые трубы, бетонный забор, подъездные железнодорожные и шоссейные пути, водоемы и каналы...

На первых порах особая зона входила в состав нашей оперативной группы, и автору этих строк приходилось ежедневно, а то и по нескольку раз в день бывать на атомной станции, организовывать политическую работу с военнослужащими, видеть их самоотверженный труд при проведении дезактивации. По воздействию на людей, по сложности и опасности решаемых задач особую зону можно безошибочно сравнить с полем боя. Здесь велся настоящий бой с радиацией. Все работали на совесть, зная, что от их труда зависит не только будущее станции, но и безопасность населения.

И в военное, и в мирное время успех воинских частей и подразделений в выполнении поставленных задач в определяющей степени зависит от их сплоченности, единства действий, сознательности и дисциплинированности военнослужащих. Эти качества формируются командирами совместно с политработниками и активом. Так было и в Чернобыле.

Первым командиром «зоны мужества» был генерал-майор Виталий Аркадьевич Гольдин, обаятельный человек богатырского телосложения. В Чернобыле он помнился ранним майским утром. Генерала я знал по совместной службе как человека исключительной добросовестности и работоспособности, требовательного и заботливого командира. Его собранность, подтянутость и пунктуальная исполнительность, уравновешенность и доскональное знание дела служили примером для подчиненных.

Виталий Аркадьевич сразу же, как говорится, с головой окунулся в дела, стал истинным чернобыльцем. Он вплотную, по заданию начальника оперативной группы, включился в обустройство лагерных городков, наведение в них уставного порядка, организацию охраны техники, комендантской и патрульной служб, во все, без чего не могут обойтись воинские части. Практически генерал круглосуточно находился там, где жили и работали люди. Командование оперативной группы сразу ощутило его настойчивость в достижении поставленной цели. И внутренняя жизнь в воинских коллективах стала заметно улучшаться. Но через несколько дней обстановка потребовала перенацелить его на другой, более ответственный участок работы.

— Вам, Виталий Аркадьевич, приказано возглавить особую зону, то есть дезактивацию объектов непосредственно на атомной станции! — сообщил начальник оперативной группы.

Через час он уже был на атомной станции.

«Гольдинский штаб» разместился в бункере под административным зданием станции. Угрюмые помещения с низкими потолками, на которых остались следы дощатой опалубки, железобетонные стены многометровой толщины. Здесь нашли «приют» военнослужащие и гражданские специалисты, участвующие в ликвидации последствий аварии. Поскольку в бункерное подземелье радиация проникала лишь в минимальных дозах, люди после напряженной работы могли освободиться от защитной одежды и противорадиационных масок, прилечь на солдатские койки, расслабиться от физического и морального напряжения. В углах бункерных помещений громоздились штабеля ящиков с минеральной водой: водопроводной воды не было, да ее и нельзя было употреблять. Стол генерала Гольдина стоял у самого входа в небольшой комнате, рядом со столом вновь назначенного главного инженера станции. Напротив — крохотная комнатка начальника атомной станции.

Комната генерала походила на фронтовой КП. На столах карты, схемы, аэрофотоснимки, графики работ по дезактивации станции. Склонясь над ними, трудились офицеры. И среди них выделялась крупная фигура Виталия Аркадьевича. Непрерывным потоком сюда заходили озабоченные специалисты министерств и ведомств, командиры частей и подразделений — руководители дезактивационных работ на определенных им объектах. Одним требовались люди, другим — техника и механизмы, третьим — просто совет... И по каждой просьбе генерал оперативно принимал решение. Никаких проволочек, никакого бюрократизма.

Бункер, разумеется, был не единственным местом работы командира «зоны мужества». Помещения и территорию станции он множество раз не только объехал на бронетранспортере, но и измерил шагами, бывал всюду, где трудились подчиненные. Его часто можно было видеть на объектах дезактивации то с начальником станции, то с кем-то из членов Правительственной комиссии, то с приезжающими на станцию руководителями, то с учеными, а чаще всего с главным инженером станции Николаем Александровичем Штенбергом, с которым трудились рука об руку. Да иначе и быть не

могло. Для продуманной организации дезактивационных работ требовалось в деталях знать обстановку не только на станции, но и на каждом объекте.

Виталия Аркадьевича отличали высокие организаторские способности, трудолюбие. Он лично организовывал работу по очистке территории в непосредственной близости от разрушенного реактора, по вывозке и захоронению контейнеров с зараженной землей и остатками взрыва, бетонированию станционного двора... Когда шахтерам, пробивающим штольню под реактор для укрепления бетоном его основания, потребовалась помощь военнослужащих, генерал сам направился туда с группой воинов. Возник пожар в одном из кабельных колодцев недалеко от «четвертого», он вместе с главным инженером станции возглавил его тушение. Под непосредственным руководством Виталия Аркадьевича воинские подразделения включились в работу по дезактивации первого и второго реакторов, машинного зала, бетонного завода и других объектов. Под стать командиру своему были и его помощники — офицеры Анатолий Антонович Вовк, Леонид Зосимович Пасека, Валерий Григорьевич Токарев и другие.

На первых порах казалось, что Виталий Аркадьевич без особой надобности, как говорится, лез в самое пекло, забывая об опасности радиационного облучения. Приходилось даже упрекать его за это, но потом убедились, что по-иному ему работать нельзя,

В выполнении поставленных задач командир «зоны мужества» проявлял жестокую требовательность к себе и подчиненным. Военнослужащие знали: коли генерал дал задание, обязательно проверит его выполнение. Непримиимо он относился и к нарушителям порядка и дисциплины, особенно к тем, кто пренебрегал мерами безопасности при работе в экстремальных условиях. Приходилось быть свидетелем, когда генерал сердито отчитывал военнослужащих за снятие противорадиационных масок, даже наказывал виновников.

Как-то генерал при посещении одного из объектов дезактивации отругал начальника работ за то, что тот допустил где-то на минуту сверх установленного времени пребывание людей на месте снятия верхнего слоя грунта и его загрузки в контейнеры.

Экстремальность обстановки, которая тогда часто менялась не в лучшую сторону, обязывала всех участников дезактивационных работ строжайше соблюдать меры противорадиационной защиты. На этот счет была издана и выдана каждому военнослужащему «Памятка о мерах безопасности при проведении дезактивационных работ». В ней, в частности, говорилось: «Военнослужащий, участвующий в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, обязан строго соблюдать меры безопасности. При работе на объектах дезактивации постоянно находиться в спецодежде и противорадиационной маске. В лагерные городки после работы убывать только в составе подразделений, обязательно пройдя специальную обработку...» В «Памятке» рассказывалось о порядке действий военнослужащих в различных условиях: в военном палаточном городке, при следовании на машинах, при проведении радиационной разведки, при нахождении на различных объектах работ. Запрещалось заходить в лес, купаться в водоемах, садиться на землю, разводить костры... Перед каждым выходом на выполнение заданий военнослужащим напоминались меры безопасности, а перед офицерами ставилась задача строго контролировать и обеспечивать их выполнение.

Ужесточать требовательность к нарушителям мер противорадиационной защиты заставляли и участившиеся случаи беспечности. Нельзя было не заметить, что чем дольше люди находились в зонах с повышенными уровнями радиации, тем пренебрежительнее относились к средствам защиты. Генерала Гольдина, как и командование оперативной группы, такое положение не могло не беспокоить. На борьбу с опасным явлением пришлось поднимать не только офицеров и прапорщиков, но и актив. С беспечностью в значительной степени удалось покончить.

О своей безопасности Виталию Аркадьевичу порой заботиться не позволяла рабочая обстановка. Интересы дела заставляли быть там, где требовались его распорядительность, настойчивость и неукротимая энергия.

А тут зачастили на станцию руководители различных рангов — военные и гражданские. Зачастили не без надобности, но ведь каждого из них требовалось сопровождать на объекты работ. Для них опасность невелика: побыл час-другой, проанализировал состояние дел с ходом ликвидации последствий аварии, решил возникшие проблемы или дал совет, что и как делать, и уехал. А Виталию Аркадьевичу и другим сопровождающим — радиационная добавка.

Однажды по праву старшего политработника я заметил ему:

— Не слишком ли вы часто бываете на объектах дезактивации? Нельзя же так рисковать своим здоровьем. Да и необходимости в этом, как мне кажется, особой нет.

Виталий Аркадьевич широченной ладонью смахнул с бритой головы пот, добродушно улыбнулся:

— Необходимости, говорите, нет? А все же она есть! И очень большая! На глазок, по схемам да планам работу людей не организуешь. Обстановка на станции архисложная. С дезактивацией в особой зоне надо торопиться. Военнослужащих для этого задействуется все больше и больше. А поэтому я еще чаще обязан бывать и на станции, и на окружающей ее территории, и даже в воздухе.

О ходе дезактивации мне приходится регулярно докладывать на заседаниях Правительственной комиссии. А там не скажешь «около» или «примерно». Там выкладки должны быть предельно точными и объективными, лично проверенными.— Виталий Аркадьевич на время задумался.

— Хотелось бы подольше поработать здесь, побольше сделать для ликвидации последствий аварии, но обстановка требует бывать на объектах дезактивации еще чаще.

По-иному Виталий Аркадьевич, как и большинство других командиров и политработников, поступить не мог. Мы понимали, что его рабочее место должно быть прежде всего там, где трудятся военнослужащие, но страстно желали, чтобы он подольше оставался командиром «зоны мужества».

И Виталию Аркадьевичу, и работникам головной и нашей оперативных групп частенько приходилось встречать и сопровождать на объекты дезактивации и в палаточные городки работников ЦК КПСС и ЦК Компартии Украины, ЦК ВЛКСМ и ЦК ЛКСМУ, Министерства обороны и Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, писателей, художников, журналистов... Мы не могли не видеть, что каждый из них, несмотря на экстремальность обстановки и риск для здоровья, старался оказать нам, чернобыльцам, помощь в организации дезактивационных работ, жизни и быта личного состава, в пропаганде мужественных и самоотверженных поступков воинов, в их воспитании.

Воинские части и подразделения неоднократно посещали министр обороны СССР, его заместители, начальник Главного политуправления армии и флота и его

заместители, другие военные руководители, которые непосредственно на местах принимали решительные меры для повышения действенности работы военнослужащих по ликвидации последствий аварии.

На протяжении длительного времени пришлось видеть работу в воинских частях и на объектах дезактивации первого заместителя начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерала армии Валентина Ивановича Варенникова. В воинских частях и на объектах дезактивационных работ всякое было — и хорошее, и плохое, допускались промахи в деятельности отдельных командиров и политработников, нашей оперативной группы, но Валентин Иванович никогда не позволял себе повысить голос, бросить в адрес виновников недозволенное слово.

Непрерывно работали в воинских частях, участвующих в ликвидации последствий аварии, генералы и офицеры Краснознаменного Киевского военного округа, в том числе командующий войсками округа генерал-полковник Владимир Васильевич Осипов, член Военного совета — начальник политического управления округа генерал-лейтенант Виталий Федорович Арапов,

Особо хотелось бы сказать о заместителе командующего войсками округа по строительству и расквартированию войск генерал-майоре Стельмаре Сергеевиче Болбасе, опытном инженере-строителе. Он принимал непосредственное участие в обустройстве полевых военных городков, организации подвоза необходимых материалов и строительстве объектов солдатского быта. Не было случая, чтобы он не откликнулся на наши просьбы. Вместе с ним напряженно трудились специалисты квартирно-эксплуатационной службы округа во главе с полковником Д. В. Хмурой. Много сделал для оказания помощи чернобыльцам заместитель командующего округом по вооружению генерал-майор Владимир Васильевич Осокин, который с подчиненными начальниками служб каждодневно занимался техническим обеспечением воинских частей, участвующих в ликвидации последствий аварии.

Генерал Гольдин был совершенно прав, говоря, что старшие руководители приезжали в Чернобыль «не ради голого любопытства, не на экскурсию, а по делу». Без их постоянного внимания и помощи мы бы не сумели провести такой громадный объем дезактивационных работ, добиться сравнительно небольшой облученности личного состава, работающего в тридцатикилометровой зоне.

Удивляло, как Виталий Аркадьевич выдерживает столь большие физические и моральные нагрузки, работая в особой зоне по 18—20 часов в сутки. На место отдыха приезжал далеко за полночь, а иногда не приезжал вообще, засыпая на час-другой в бункере. Один случай, о котором нельзя не вспомнить, убедительно свидетельствует о его усталости.

Часов около двух ночи Виталий Аркадьевич зашел ко мне в автобус для отдыха, чтобы согласовать какой-то вопрос, тяжело опустился на табурет.

— Ужинал? — спрашиваю.

— И пообедать не пришлось. Сумасшедший денек был.

Пока я открывал консервы и наливал из термоса горячий душистый чай, он мертвецки заснул и свалился ил пол. Попытки разбудить его не увенчались успехом. Мы с водителем положили его на постель. Намеревался не будить его часов до семи, но в пять Виталий Аркадьевич был уже на ногах, торопливо привел себя в порядок, перекусил и уехал на станцию.

Даже измотанный работой и бессонницей, командир «зоны мужества» никогда не падал духом, не терял работоспособности, чувства юмора, В самые трудные дни он умел быть спокойным и собранным, хотя причин для раздражения было предостаточно.

Виталий Аркадьевич легко и быстро сходился с людьми. Им поддерживались тесные деловые связи с учеными и специалистами, руководителями станции, строителями, шахтерами, водителями, всеми, кто был причастен к работе по проведению дезактивации. Особо тесные взаимоотношения у него сложились с главным инженером АЭС Николаем Александровичем Штенбергом. Часто приходилось видеть их вместе, лично проводящих радиационную разведку, организующих дезактивацию того или другого объекта, проверяющих качество дезактивации, сидящих за составлением справок-докладов председателю Правительственной комиссии.

В таких же теплых отношениях Виталий Аркадьевич находился и с вновь назначенным начальником атомной станции Эриком Николаевичем Поздышевым, с которым вместе не раз бывал на объектах дезактивации, беседовал с работающими там военнослужащими.

Генерал-майор Виталий Аркадьевич Гольдин внес большой личный вклад в ликвидацию последствий аварии на Чернобыльской АЭС, проявив при этом личное мужество и самоотверженность. Эти обязанности после него исполняли смелые и знающие дело генералы и офицеры — Николай Афанасьевич Земляков, Александр Сергеевич Королев, Петр Иванович Кузовков, Иван Макарович Лимаренко... Работали они также с исключительной напряженностью, не только не жалея сил, но и рискуя здоровьем. Каждый из них внес свою лепту в обуздание стихии атома. Но все-таки первым был В. А. Гольдин. А первому всегда сложнее. Именно он вместе со своими подчиненными командирами — полковниками Геннадием Александровичем Улуповым, Александром Александровичем Третиной, подполковниками Михаилом Ивановичем Беловым, Николаем Васильевичем Булавиным, Владимиром Владимировичем Муравским и другими делал первые шаги в неизведанное, начинал работы на многих объектах дезактивации.

НА РЕЧНЫХ БЕРЕГАХ

Исторически сложилось так, что берега красавицы Припяти в районе города Чернобыля не были соединены мостом. Чтобы переправиться через довольно широкую водную преграду, местные жители обходились лодками да стареньким, выдавшим виды паромом. Особенно трудно приходилось в пору сенокоса и жатвы. Со строительством атомной электростанции и города Припяти поток грузов с левобережья потребовал строительства моста. На этот счет разрабатывались необходимые решения, но до их практического осуществления дело не дошло.

Авария на Чернобыльской АЭС потребовала срочной эвакуации населения и скота, подвоза тысяч тонн различных грузов для ликвидации ее последствий. Существующая железная и шоссейные дороги на правобережье с такой объемной задачей справиться не могли. Срочно необходимо было навести понтонный мост. Поручили это понтонерам Краснознаменного Киевского военного округа.

...Звонок командующего войсками округа застал командира понтонной части на рабочем месте, но все равно был неожиданным.

— Товарищ Язовских! Приказываю понтонный батальон поднять по тревоге, совершить марш в район города Чернобыля и к семи часам утра навести мост через реку Припять! Задача для вас исключительной важности. Каждый военнослужащий обязан иметь индивидуальные средства защиты.

В обученности своих подчиненных командир части подполковник И. Е. Язовских был уверен, знал, на что способна каждая рота, каждый взвод, не сомневался, что понтонеры всесторонне владеют своей специальностью, имеют немалый опыт наведения мостов. На учениях и маневрах приходилось соединять берега Десны и Днепра, других крупных водных преград, даже крутонравой Амударьи, за что часть удостоена Вымпела Министра обороны СССР за мужество и воинскую доблесть. Приходилось наводить мосты и днем и ночью, зимой и летом, в зной и непогоду. И всегда понтонеры с успехом выполняли поставленные задачи. «Судя по справочной литературе, — думал командир, — навести мост через Припять не должно составить большого труда: река не ахти какой ширины, течение спокойное, берега пологие. А вот весенняя распутица может помешать. Подходы к реке, конечно же, раскисли, прочность береговой линии ослабла, уровень воды наверняка еще высок. Это осложнит работу. Да еще радиация. Неизвестно, как поведут себя люди в этих экстремальных условиях».

Чернобыль встретил понтонеров неласково. Дул порывистый ветер. Вода в реке клубилась и пенилась, рваными волнами хлестала по берегам, обваливая раскисшую землю. С шумом крутились водовороты, хватая и унося в глубину все, что плыло по поверхности.

Командир с беспокойством смотрел на бушующую реку. «С наведением моста нелегко придется. Но, как говорится, не так страшен черт, как его малюют».

Понтонеры уже сосредоточились на пристани. В плотных колоннах стояла техника. Люди были одеты в защитные плащи. На лицах — респираторы. Водолазам осталось облачиться в гидрорубашки. Заместитель командира по политической части подполковник И. С. Майзлин успел побывать во всех подразделениях, побеседовать с воинами о предстоящей работе. Секретари партийной и комсомольской организаций проинструктировали актив, обратив их внимание на личный пример при выполнении поставленной задачи. Солдаты, сержанты и офицеры не без волнения всматривались в кипящую реку и поднимающееся над атомной станцией дымное облако.

Время бежало невероятно быстро. Солнце спряталось за горизонт. Пойма реки и лес одевались темным бархатным покрывалом ночи. Река становилась свинцовой. Требовалось поторапливаться с наводкой моста. Дальнейшее промедление грозило опозданием выполнения поставленной задачи.

Понтоны придется сбрасывать с высокой бетонной стены по одному и сразу же тащить по течению в ленту моста. Это потребует от водителей и особенно катеристов исключительно четких действий. Малейшее промедление — и понтон унесет, как щепку. Доверять это пока придется самым опытным, самым надежным.

Доложив генералу о своем решении на наведение моста и организовав спасательно-эвакуационную службу, командир подал сигнал приступить к работе.

Зажглись направленные на реку фары машин. Звездное небо еще больше потемнело. В плотной ночной туманности еле заметной полосой вырисовывался противоположный берег. Река теперь казалась значительно шире, чем днем, но менее грозной своим весенним буйством.

Пожалуй, самая ответственная работа выпала на долю командира батальона подполковника В. А. Юрченко, являющегося в части одним из опытных

мостостроителей. Он заранее поручил сбросить первые понтоны в реку прапорщику Борилову. Ведомая им машина задним ходом покатила к берегу. Столпившиеся рядом водители замерли: «Как бы не свалился! Там же пропасть!» Высунувшись по пояс из кабины, прапорщик внимательно следил за сигналами командира батальона. И вот задние колеса замерли у самого уреза стенки. Понтон завис над водой. Уверенно работая рычагами, прапорщик опустил понтон в реку. Вслед за прапорщиком Бориловым также мастерски подал машину к берегу прапорщик Дышкант. Попеременно они опустили на воду несколько понтонов. Вслед за ними пошли к воде и другие водители, хотя не каждому из них удалось сбросить понтон с первого захода.

Еще большее напряжение выпало катеристам. На бурлящей воде подхватывать и буксировать понтоны, да тем более против течения, удавалось не каждому. Лишь наиболее подготовленные справлялись со столь сложным заданием. Особенно отличился своим мастерством катерист заместитель командира взвода старший сержант Виктор Гуров. Волны бросали его катер из стороны в сторону, переплескивались через борт, обдавая холодной водой. Временами казалось, что с течением не справиться, оно унесет понтон вместе с катером. Но умело маневрируя, Виктор умудрялся уходить от опасных течений, вовремя увернулся он и от плывущего дерева. Один за другим он вплетал понтоны в ленту моста. Бессменно, в течение всего времени наведения моста, Виктор с группой понтонеров не сходил с катера. Здесь уместно сказать, что и после наведения моста старший сержант Гуров длительное время оставался в Чернобыле, выполняя различные задачи, связанные с ликвидацией последствий аварии. За проявленное мужество он был удостоен медали «За отличие в воинской службе» II степени.

Все военнослужащие — от командира до рядового, от офицера штаба до ремонтника — работали по-боевому. В сложной обстановке с особой силой проявились такие качества воинов, как чувство войскового товарищества, коллективизма, взаимопомощь и взаимовыручка, высокая ответственность за порученное дело.

Для начальника химической службы части Льва Бинциановича Свечкова участие в наведении моста дело необязательное. Никто его к этому не привлекал. Но он не мог стоять в стороне: не позволял ни воинский, ни человеческий, ни партийный долг. Не ослабляя выполнения своих обязанностей по организации и проведению радиационной разведки, обеспечению строгого соблюдения военнослужащими мер противорадиационной защиты, он находил время для оказания помощи понтонерам в креплении мостовых секций.

Капитан Борис Алексеевич Шулыгин, командир одной из рот, умело руководя работой подчиненных, не раз сам подменял выбившихся из сил понтонеров. Он появлялся то на сцепке понтонов, то на катерах, то на месте оборудования подъездного пути.

Заместитель командира по политической части подполковник Игорь Серафимович Майзлин наряду с выполнением своих прямых обязанностей по организации политической работы с людьми лично участвовал в наведении моста, не гнушаясь ни кувалды, ни лома. Под стать ему трудились и другие политработники, находясь на тех участках, где наиболее трудно, где был нужен их личный пример.

Самая тяжелая ноша, пожалуй, в эту ночь легла на командира части подполковника Ивана Евдокимовича Язовских. Ему не только отдохнуть, даже присесть не удалось. В нужное время он появлялся там, где требовались его решение, его подсказка.

Понтонеры расчетливо вплетали в мостовое полотно одну понтонную секцию за другой. Каждый работал на пределе сил. Еще до рассвета берега Припяти были соединены мостовой лентой.

К утру на мосту зажглись световые фонари, была организована комендантская служба, выставлены спасательные средства. Переправа полностью подготовилась к эксплуатации. Военнослужащие части собрались на берегу. Несмотря на невероятную усталость, их лица светились радостью. А вскоре появились и колонны машин с эвакуированным населением. Пошли и встречные грузы на атомную станцию.

В первый день понтонеры пропустили через мост около тысячи машин. В последующем эта цифра возросла до двух с половиной тысяч. Шли по мосту и пешеходы, и даже стада скота.

Работа понтонеров в Чернобыле не ограничивалась наведением моста через Припять. Они участвовали в обваловке водоемов, навели мост через канал на территории атомной станции, строили и ремонтировали дороги... Многие воины проявили подлинное мужество и героизм.

По причине неисправности радиоуправляемый трактор затонул в водоеме. Для его извлечения потребовался водолаз. Добровольно вызвался пойти под воду старший прапорщик Сергей Васильевич Пешко, опытный специалист водолазного дела. Ему рассказали, что машина находится на многометровой глубине, вода радиационно заражена. Будучи человеком смелым и решительным, Сергей Васильевич не спасовал перед опасностью. Он понимал, что без радиоуправляемого трактора на одном из участков затормозилась ликвидация последствий аварии. Надев водолазные доспехи, Сергей смело погрузился в водоем, страхуемый командиром. Машину отыскал сразу, но с подцепкой буксирного троса пришлось повозиться минут двадцать, так как буксирный крюк трактора оказался под толстым слоем ила. Наконец прапорщик вышел из воды, а вскоре вытащили и трактор, который через несколько дней был отремонтирован и снова включен в работу.

Отвагу и смелость проявил катерист младший сержант Василий Юрченко, отличник боевой и политической подготовки, комсомольский активист. Многие дни на своем быстроходном катере он перевозил по реке, каналам и пристанционным водоемам членов Правительственной комиссии, ученых, гражданских и военных специалистов. Сотни километров водной глади Василий избородил вместе с разведчиками-дозиметристами, работниками водного транспорта и научных институтов Украины, медиками и саперами. Где только с его катера не брали пробы воды и ила: и на быстрине течения, и у берегов, и у крохотных островков, и в заливах. Нередко младший сержант целыми днями не поднимался из-за руля катера, разве что для его заправки. В первые дни даже выдававшиеся короткие часы сна приходилось проводить на борту. Нужно было не только водить, но и вовремя справляться с обслуживанием машины.

...Одним из самых ответственных направлений в апрельские и майские дни 1986 года была защита водных источников от радиационного загрязнения, прежде всего Припяти и Днепра. Их состояние вызывало беспокойство советских людей, так как в Днепровском бассейне, занимающем площадь более полумиллиона квадратных километров, проживают десятки миллионов человек, расположены крупнейшие города и экономические центры Украины — Киев, Черкассы, Кременчуг, Днепропетровск, Запорожье и многие другие. Крупнейшая в Европе после Волги и Дуная река несет свои воды в Днепровский лиман Черного моря, является не только главным водным

путем Украины, но и источником водоснабжения и энергии Приднепровского промышленного района. Не защити Припять и Днепр от радиационной зараженности — последствия могли быть непредсказуемыми.

В борьбу за спасение водоемов включились виднейшие ученые, научно-исследовательские институты, специалисты водного хозяйства, многие организации страны. Для защиты водоемов использовались многочисленные способы и средства, среди которых сооружение земляных дамб и одетых полиэтиленовой пленкой каналов для сдерживания сточных поверхностных вод. Погодные условия торопили с их возведением: прогноз предвещал сильные весенние дожди, которые могли смыть в реки радиационные нуклиды.

Прибывшие в Чернобыль инженерно-саперные подразделения округа, ряды которых впоследствии пополнились собратьями из других военных округов, к землеройным работам были привычны. Возведение защитных сооружений для них не представляло большой сложности. Механики-водители землеройных машин, бульдозеристы, экскаваторщики и другие специалисты уверенно владели техникой, офицеры хорошо знали инженерно-саперное дело. Хотя их работа осложнялась и близостью разрушенного реактора, еще не «запакованного» авиаторами, и тяжестью и неудобством защитной одежды, саперы уверенно выполняли возложенные на них обязанности. В ходе ликвидации последствий аварии возведены десятки километров водозащитных сооружений, дамб. Работа велась практически круглосуточно. Задействованы были сотни инженерных машин. Без отдыха люди работали по пять-шесть часов, потом убывали на пункты специальной обработки. Их заменяли другие. А командовавшему инженерно-саперными подразделениями полковнику В. М. Жданову пришлось почти двое суток находиться на месте работ. Да и в последующие дни он трудился часов по десять. За несколько дней осунулся и почернел. Казалось, вот-вот свалится с ног, а он, словно двужильный, прикорнув часок в бульдозере, с неослабевающим напряжением продолжал выполнять поставленную ему задачу. Часто рядом с ним находился офицер-политработник полковник М. Д. Денисенко, организуя политическую работу с людьми.

На сухих берегах работа проходила ускоренными темпами, со значительным перекрытием существующих нормативов. Мощный вал все дальше и дальше уходил от атомной электростанции вдоль Припяти. Сложнее было на болотистых местах и не полностью освободившихся от талых вод низинах. Техника буксовала, застревала в грязи, ломалась от перегрузок, а дело двигалось медленно. Ждать же, когда подсохнет, обстановка не позволяла. В любой момент могло установиться ненастье, пойти дожди, и тогда не миновать большой беды. Кто-то из офицеров предложил находить на берегу сухие бугры и высоты и оттуда, сталкивая землю, наступать на топкие места. Так и поступили. Залепленные грязью бульдозеры в нескольких местах сразу «погнажи» землю. Промоины и балки приходилось засыпать привозной землей, гравием и битым кирпичом, укреплять бетонными блоками и деревянными сваями, чтобы остановить грязевые течения.

По возведенной бульдозерами насыпи, утрамбованной гусеницами, шли экскаваторы. Рядом с валом они рыли вместительные траншеи и котлованы, которые саперы и прибывшие к ним на помощь мотострелки тут же обкладывали многослойной полиэтиленовой пленкой, а затем направляли в них остатки талой воды с полей. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы талые воды прорвались в реку, соединились с грунтовыми. Труд этих людей был неимоверно тяжелым и опасным.

«На сооружении траншей,— рассказал рядовой Дмитрий Потаперко, — работать приходилось в сложнейших условиях, порой по пояс в грязи, падать в холодную воду, таскать на плечах многопудовые рулоны пленки, вступать в единоборство с плавунами, чтобы не дать им прорваться к реке, Мы старались как можно плотнее одеть траншеи, чтобы сделать их водонепроницаемыми. Было небезопасно, но об этом приходилось забывать. Рядом с солдатами работали командиры и политработники. Они, что называется, показывали нам личный пример».

Воины — понтонеры и саперы внесли достойный вклад в дело ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Их труд и мужество по достоинству оценены. Многие удостоены наград и поощрений. Но главная радость, пожалуй, для них не в этом, а в сознании того, что они участвовали в спасении красавицы Припяти и древнего Славутича.

У ОПАСНОЙ ЧЕРТЫ

Новое поручение для подполковника Виктора Ивановича Шевченко явилось полной неожиданностью. В Чернобыль он прибыл в первый день после аварии и занимался решением различных задач: организацией радио- и телефонной связи, размещением воинских подразделений, контролем за проведением дезактивационных работ... Пришлось бывать и на территории атомной станции, и в городе Припяти, и на пунктах специальной обработки техники. Словом, трудился там, где приказывали старшие руководители. Его радиационная облученность росла, и через день-другой должна была прибыть замена. И вдруг вызов к начальнику оперативной группы.

— Первые шаги по ликвидации аварии уже сделаны, но впереди множество сложных и ответственных задач, — начал генерал. — Одну из них решить поручено вам.

Правительственной комиссией принято решение охладить разрушенный реактор и отвести новую беду: не дать ему возможность прожечь бетон и плюхнуться в находившийся под ним бассейн с огромным количеством воды. Реактор раскален до тысяч градусов. — Генерал взял со стола карандаш, показал на карте. — Вот сюда авиаторами доставлены насосы и оборудование к ним для перекачки азота. Их требуется перевезти на атомную станцию, помочь специалистам смонтировать и запустить в работу. Этим вам и придется заняться. Все работы должны быть выполнены к исходу сегодняшнего дня.

Подполковник немедленно выехал на место нахождения груза. Вскоре прибыли туда и машины, и люди. Дав команду старшему лейтенанту Валерию Федоровичу Братусю на загрузку машин, Виктор Иванович лично занялся рекогносцировкой маршрута. Надо было выбрать самый безопасный путь.

Часов в семнадцать колонна грузовиков двинулась на станцию. Солнце припекало по-летнему жарко. На размякшем асфальте оставались глубокие следы колес. В пыленепроницаемой одежде водители быстро вспотели. Давало о себе знать и волнение, поскольку до места аварии оставалось все меньше и меньше километров. Не было ни одной вынужденной остановки. Опасные зоны, где уровни радиации были высокими, колонна проходила на большой скорости.

Из рассказа подполковника Шевченко:

«Через час остановились на площадке у административного здания АЭС, где нас встретил представитель Минэнерго, чтобы сопроводить к месту работы. Наскоро собираю приехавших военнослужащих, чтобы на месте уточнить поставленную задачу, еще раз проверить средства противорадиационной защиты, акклиматизироваться в станционной обстановке.

Определив очередность подхода машин к месту разгрузки, веду подъемный кран и два грузовых автомобиля с оборудованием и людьми в глубину станционного двора. Распахиваем тяжелые металлические двери в одно из станционных помещений, в котором предстоит монтаж насосов. Разведчик докладывает радиационную обстановку. Цифры тревожные. В помещении уровень радиации значительно ниже, но работать пока надо на открытом воздухе, под обстрелом разрушенного реактора. Поторапливаю ребят. Включаюсь в работу и сам. На помощь товарищам пришли водители. Груз оказался тяжелым: каждый из насосов весит более двух тонн, да еще масса оборудования к ним. Для автокрана такой груз под силу. Через несколько минут он был на земле. Теперь насосы следовало переместить в помещение для их установки, переместить вручную. С первым агрегатом провозились минут десять, хотя солдаты трудились с исключительной самоотверженностью. Вижу: осталось всего несколько минут до нашей смены. Больше пребывать не позволяла радиационная обстановка. Неимоверно обрадовался, когда в помещении появилась группа военнослужащих во главе с капитаном П. Г. Никитой. Она прибыла для участия в монтаже насосов и оборудования. Общими усилиями навалились на агрегаты. Через несколько минут они стояли на месте.

Все воины работали с большим старанием. Но хотелось бы особо выделить сержантов Владимира Гузунова, Виталия Левицкого, ефрейтора Михаила Ковалива, рядовых Эдуарда Богдановича, Валерия Емельяненко, Ивана Ковалева, Владимира Метута, проявивших исключительную смелость и отвагу».

О себе Виктор Иванович Шевченко умолчал. Боевой орденом Красной Звезды, врученный ему за проявленное мужество при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, — убедительная и заслуженная оценка его дел в Чернобыле.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

«С прибытием в Чернобыль, — рассказал заместитель командующего войсками Краснознаменного Киевского военного округа генерал-лейтенант В. И. Литвинов, — перед нами встало множество труднейших проблем: где развернуть палаточные городки для воинских частей? как организовать питание военнослужащих и гражданских специалистов, медицинское обслуживание военнослужащих и местного населения? где брать питьевую воду? откуда и как организовать подвоз материально-технических средств?.. Не было ясности в решении многих задач. Но уже к исходу 28 апреля на все вопросы мы получили обстоятельные ответы от заместителя министра обороны СССР по тылу — начальника тыла Вооруженных Сил СССР Маршала Советского Союза С. К. Куркоткина. Он дал предельно четкие указания «материальными средствами обеспечивать не только военные, но и гражданские организации, работающие в Чернобыле». Из центра сразу же стали поступать продовольствие, обмундирование, горючее... С удовлетворением отмечу: личный состав подразделений

и учреждений тыла работал исключительно старательно и самоотверженно. В тыловом обеспечении чернобыльцев существенных сбоев не было. За нелегкий труд и проявленное мужество многие воины, рабочие и служащие тыла удостоены государственных наград».

Сложности с тыловым обеспечением встречались, как говорится, на каждом шагу. Часто внезапно возникали вопросы, не поддающиеся предвидению и ранее не встречавшиеся в тыловой практике. Не успели, скажем, развернуть и обустроить военные лагерные городки, как пришлось снимать их и перемещать на новые места, так как ухудшилась радиационная обстановка. Некоторые городки перемещали не по одному разу. Или: завезли на базу сотни тонн продовольствия, но вскоре и саму базу пришлось перевозить за пределы тридцатикилометровой зоны. И опять по причине возрастания радиационной зараженности.

Командование тыла округа, особенно в первые дни после аварии, работало круглосуточно. Генерал-лейтенант Литвинов, человек беспокойный, везде успевал: то руководил организацией питания работающих на АЭС людей, то проверял готовность пунктов заправки техники горючим, то встречал и размещал прибывающие новые воинские подразделения, то отыскивал помещения для пищеблоков, медицинских учреждений и предприятий торговли. Он часто выезжал на железнодорожные станции, чтобы ускорить погрузку прибывающих со всей страны материальных средств для Чернобыля. В штаб тыла Владислав Иванович приезжал лишь поздно ночью, чтобы заслушать начальников служб и отдать необходимые распоряжения на следующий день. Владислава Ивановича отличала не только неумная работоспособность, но и личное мужество, о чем мы еще расскажем. Под стать ему трудились и его заместители, коллеги по работе.

В экстремальной обстановке продуманно организовал политическую работу с личным составом начальник политического отдела тыла полковник Александр Иосифович Пошаталов. Он большую часть времени находился в подразделениях, беседовал с людьми, инструктировал партийный и комсомольский актив. Его часто можно было видеть в палаточных городках, на объектах дезактивации, в медицинских учреждениях и столовых. Ему до всего было дело: и как трудятся работники тыла; и как организован быт и отдых людей; и вовремя ли доставляются необходимые материалы на места проведения дезактивационных работ; и какое настроение военнослужащих, рабочих и служащих, что их волнует и тревожит... Туда, где создавалась напряженная и критическая обстановка, незамедлительно выезжал начальник политотдела и всегда добивался устранения недостатков.

Однажды, например, на пункт санитарной обработки личного состава несвоевременно доставили сменное белье и спецодежду, что вызвало правомерное недовольство людей. Александр Иосифович, находившийся на станции, срочно принял меры, и проблема была решена.

Высочайшей работоспособностью и самоотверженностью в выполнении поставленных задач отличался начальник штаба тыла округа полковник Вячеслав Федорович Богачев. Под его руководством проводилась радиационная разведка в районе расположения частей и объектов тыла, обследование водоемов и продовольствия. Всего с двумя офицерами штаба он успевал планировать работу частей и органов тыла и осуществлять контроль за выполнением проводимых мероприятий.

Наиболее сложной, особенно на первых порах, оказалась проблема организации питания. Эта сложность вызывалась не только экстремальностью условий,

но и отсутствием нужной материальной базы. В связи с радиационной зараженностью в тридцатикилометровой зоне закрылись все стационарные столовые и кафе, были вывезены или уничтожены запасы продуктов. Не стало газа и электрической энергии. Нельзя было использовать облученные дрова и уголь. Непригодной оказалась вода, даже в деревенских колодцах. Куда ни сунешься — почти везде высокие уровни радиации. Приходилось в организации питания людей в экстремальных условиях все начинать с нуля.

Создавали подвижные пункты питания. В глубоком тылу в полевых солдатских кухнях готовилась пища, а затем доставлялась на места работ чернобыльцев. Пищу принимали в приспособленных помещениях, в которых уровни радиационного заражения были минимальными. Случалось кормить людей и под открытым небом, но это делалось лишь в исключительных случаях, когда не находили другого выхода.

Нельзя не сказать и о том, что оперативно развернули свои пищеблоки и органы военной торговли. В первые дни их столовые организовывались в солдатских палатках, одна из которых находилась на улице города Припяти. С осложнением радиационной обстановки полевые столовые пришлось перебазировать в город Чернобыль, в пустующие помещения городского общепита, проведя их дезактивацию.

В наскоро развернутых военоторговских столовых питались от солдата до генерала, от рабочего до министра. И ни одного нарекания на плохое приготовление пищи. Несмотря на экстремальность обстановки, специалисты военной торговли проявили исключительное старание и самоотверженность. «В первые дни после аварии находились мы в пяти километрах от разрушенного реактора, — вспоминает заместитель начальника общепита Киевского военторга С. Шехтман. — Начинать приходилось нелегко. У обслуживающего персонала на первых порах даже не было респираторов, не говоря уже о спецодежде. Каждую мелочь для организации питания приходилось привозить из Киева. Люди работали круглосуточно, так как установить распорядок приема пищи было невозможно. А сколько представителей общепита проявляли изобретательности, чтобы вкуснее накормить чернобыльцев! Например, 1 мая 1986 года решили встретить их по-праздничному. Всю ночь Таня Князева и Таня Кирик, молодые специалисты, со своими подругами готовили кулинарные и кондитерские изделия. Посетители были довольны. В этот день в Книге отзывов появились первые благодарственные записи о хорошем приготовлении пищи, хотя, пожалуй, мало кто из авторов знал, что далось это большим трудом. Продукты приходилось обрабатывать только вручную, воду таскать ведрами. Но люди не жаловались на тяготы, трудились с невероятным напряжением. И среди них Е. Плотникова, А. Герасименко, Н. Черненко, Н. Егорова, З. Груша, М. Воробьева, Л. Зарицкая, А. Петренко. Они встречали посетителей доброй улыбкой. Казалось, их нежные женские руки не знали усталости».

Работникам тыла округа пришлось организовывать питание и для части местного населения. Пункты хозяйственного довольствия выезжали на потоки движения людей в ходе эвакуации и кормили их горячей пищей, а если не представлялось такой возможности, выдавали солдатский сухой паек.

Сложнее всего было накормить военнослужащих и специалистов, работающих непосредственно на атомной станции. Походные кухни непосредственно на станции не развернешь — небезопасно. Пришлось пищу доставлять бронетранспортерами в термосах. В тесный «салон» броневика надо было затолкать десяток увесистых термосов с горячей пищей, ящики с хлебом, посудой, Поездки совершались минимум

три раза в день. Главным организатором этого нелегкого дела был офицер продслужбы округа капитан Н. В. Коробков. Дни и ночи он занимался подвозом продуктов и воды, организацией питания людей на станции. Кормил прямо в бункере. Пища готовилась из самых добротных продуктов. Для чернобыльцев страна не жалела ничего, а сколько добрых слов в адрес организаторов питания говорили чернобыльцы!

Непредвиденно опасной и напряженной оказалась работа военнослужащих службы горючего. Для них чернобыльские условия были крайне тяжелыми. Большинство техники, находящейся на ликвидации последствий аварии, работало в зонах с повышенными уровнями радиации, и заправлять ее приходилось непосредственно на местах работ.

Как-то я спросил подполковника П. М. Бежнара, возглавлявшего в этот день колонну топливозаправщиков, направляющихся на станцию:

— Часто приходится заправлять машины в экстремальных условиях?

Офицер удивленно посмотрел на меня:

— Заправлять технику на местах работ — наша главная задача. Выскакивали в опасные зоны на большой скорости, в считанные минуты заливали горючее и назад. Заправляли технику на обваловке водоемов, на снятии во дворе станции зараженного грунта, на десятках других объектов. ИМРы мы заправляли не на местах работ (из-за высокой радиации подъехать к ним было невозможно), а метрах в пятистах.

— А какая из ситуаций оказалась наиболее сложной?

Петр Максимович задумался, видимо, перебирая в памяти все то множество опасных моментов, с которыми ему пришлось почти ежедневно встречаться в Чернобыле, потом ответил:

— Когда откачивали из барбатера воду. Операция эта была сложнейшей не только для ее непосредственных исполнителей, но и для нас. Горючего в пожарных движках, работающих в автоматическом режиме, хватало на несколько часов. Приходилось подъезжать для их заправки в непосредственную близость к реактору, по несколько минут находиться вне машин.

По-настоящему умело действовали специалисты службы горюче-смазочных материалов, водители топливозаправщиков. Особо много сделал в этом важном деле Н. А. Мельников. Он был душой организации работы службы ГСМ в особой зоне. А с какой самоотверженностью действовали лейтенант А. Н. Шпак, младший сержант С. И. Селиван, ефрейтор И. И. Иваницкий. Они множество раз заправляли машины в самых опасных точках.

Службам тыла приходилось заниматься и не присущими им делами. Как уже указывалось, обстановка потребовала срочного охлаждения разрушенного реактора. В этих целях необходимо было подвезти азот. Пришлось срочно формировать специальное подразделение азотовозов.

Генерал В. И. Литвинов, несмотря на то, что к этому времени уже получил предельную дозу радиационного облучения и имел полное право не ехать к реактору, сам возглавил первую колонну азотовозов.

Накануне совместно с заместителем главного инженера АЭС и командиром автобатальона генерал побывал на месте, где специалисты заканчивали прокладку азотопровода к барбатеру реактора, лично проверил маршрут подхода машин к азотоприемнику, до секунд рассчитал время их движения, чтобы не допустить переоблучения водителей.

Как только забрезжил рассвет, генерал Литвинов и полковник Пошаталов собрали участников предстоящей операции, еще и еще раз напомнили им о сложности и ответственности поставленной задачи, вдохновили людей на работу исключительно трудную, требующую высоких моральных и психологических качеств, высочайшего профессионального мастерства водителей азотовозов. Командир батальона подполковник Сергей Дмитриевич Попов и его заместитель по политической части майор Григорий Иванович Польшуй доложили генералу, что подразделение готово к выполнению задания Правительственной комиссии, что в первом рейсе будут участвовать пятнадцать добровольцев.

После часа движения колонна остановилась за административным зданием станции. Отправив водителей в укрытие, Владислав Иванович повел три азотовоза к месту, где все было подготовлено для перекачивания азота. В этот день он еще несколько раз побывал здесь, проверяя, все ли делается как нужно. Водитель азотовоза старший сержант запаса Леонид Никитин рассказывает:

— Доставка азота к реактору оказалась непростым делом. Ехали-то в самое пекло. О радиационной обстановке на станции мы знали. Со стороны командования принимались все меры для нашей безопасности. Но все равно на душе было неспокойно. Не покидало волнение...

В критические моменты генерал В. И. Литвинов и другие работники тыла оказались на высоте положения. При их активном участии реактор был охлажден. Еще один важный шаг сделан для ликвидации последствий аварии.

Особая ответственность в первые после аварии дни легла на плечи военных медиков, возглавляемых начальником медслужбы округа генерал-майором медицинской службы В. Н. Фадеевым. На обстоятельную подготовку для работы медиков в экстремальных условиях времени не было. Медицинские подразделения развертывались «с колес». И сразу брались за дело.

Группа радиологов совместно с военными химиками сразу же приступила к оценке радиологической обстановки. Уже 27—28 апреля они обследовали территорию атомной станции, город Припять и близлежащие села, провели пробу воздуха, грунта и воды. Добытые данные главный радиолог округа полковник медслужбы В. П. Дулич немедленно передавал в вышестоящие инстанции для принятия необходимых решений.

По согласованию с Минздравом Украины военные медики включились в медобслуживание эвакуированного населения как на потоках движения, так и в населенных пунктах. Медицинские подразделения под командой полковника медслужбы Г. В. Цыганка разместились в населенных пунктах Бородянка, Загальцы, Лубянка, Новая Гребля, Андреевка, Тетерев и других, заняв под медицинские пункты клубы, читальные залы библиотек, школы, круглосуточно проводили медицинское обследование прибывающего населения. Более чем у 35 тысяч человек военные медики взяли на анализ кровь. Вместе с гражданскими медиками они обходили подворья, разъясняли людям природу радиации, с тем, чтобы исключить панические настроения. Среди населения быстро расползались различного рода слухи об ужасах последствий радиационного облучения. Медикам приходилось выступать на сельских сходах, на местах работ, отвечать на сотни вопросов жителей.

Нельзя сказать, что удалось полностью развеять у людей страх в связи с полученной радиационной облученностью, но массовых панических настроений не было.

И в этом большая заслуга врачей, проводивших разъяснительную работу среди населения, говоривших правду о радиации, не скрывая опасности для здоровья.

Одновременно медицинские подразделения участвовали в обеспечении эвакуированного населения йодистыми препаратами, что способствовало не только сохранению здоровья, но и повышению морального состояния людей.

В начале мая воинские подразделения медицинской службы перебазировались в тридцатикилометровую зону и в полной мере переключились на обслуживание военнослужащих и гражданских специалистов, задействованных на ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Кроме повседневных забот о здоровье людей, которыми они занимались и до выезда в Чернобыль, возникло множество новых, до этого не встречавшихся в медицинской практике. Главная из них — выработка рекомендаций для командиров частей и организаторов дезактивационных работ по сохранению здоровья людей, определение совместно с химиками получаемых личным составом доз радиационной облученности.

«В этих целях, — рассказал генерал-майор медслужбы В. И. Фадеев, — использовали прежде всего физические средства, то есть учет показателей индивидуальных дозиметров, выдаваемых личному составу, а также коллективные замеры и подсчеты облученности подразделений, получаемой ими на местах работ и проживания. Использовались и сложные системы определения радиационной зараженности людей с применением современного медицинского оборудования и препаратов. Лабораторно-профилактическая и исследовательская работа особенно усилилась с приездом в Чернобыль начальника Центрального военно-медицинского управления Вооруженных Сил СССР генерал-полковника медицинской службы академика Федора Ивановича Комарова.

По его распоряжению военно-медицинские подразделения округа были укреплены высококвалифицированными специалистами из Ленинградской военно-медицинской академии, госпиталей военных округов, поликлиник Московского и ряда других гарнизонов, развернулись специализированные лаборатории. Военно-медицинские подразделения походили на полевые госпитали военных лет: просторные палатки, необходимые лечебные отделения, пункты санитарной обработки, лаборатории, пищеблоки, стоянки санитарных машин... Только медицинский персонал вместо белоснежных халатов одет в сероватые костюмы и противорадиационные маски. В этих подразделениях работа не прекращалась ни на один час.

Бригады врачей-специалистов, в составе которых были и именитые ученые, с прибытием военнослужащих из частей незамедлительно приступали к их обследованию. Одних направляли на лечение, другим оказывали разовую помощь. Особо тщательно обследовались те, кто получил предельные дозы радиационного облучения. Как правило, всех их затем направляли на стационарное профилактическое лечение. Кстати, не всегда это проходило гладко. Отдельные товарищи отказывались от поездки в госпитали, требовали снова направить их в свои части для продолжения работ по ликвидации последствий аварии. Требовали упорно и настойчиво.

«Зачем нас направлять в госпиталь? Чего нас профилактить? Мы здоровы, у нас же опыт! Ничего с нами не случится! Закончим дезактивацию станционного двора, тогда отправляйте!» — настоятельно просила группа военнослужащих. Но врачи были неумолимы. Они свой долг выполняли как надо.

Не только медики, но и командование оперативной группы настоятельно убеждало таких воинов, что их просьбу выполнить невозможно, что научно

обоснованные пределы радиационной облученности — строжайший приказ, подлежащий неукоснительному выполнению, что они и так уже внесли неоценимый вклад в ликвидацию последствий аварии.

С подобными благородными порывами людей, которые трогали до глубины души, приходилось часто встречаться и в воинских частях. Сердцем воины осознавали, что украинский, белорусский и русский народы, страну нашу постигла большая беда, которая не идет ни в какое сравнение с известными до сих пор катастрофами на Земле. Пренебрегая опасностью, воины стремились отдавать все силы ликвидации последствий аварии, нередко просили оставить в Чернобыле на второй срок. Знаю, что так же поступали и гражданские специалисты. Среди них были и мужественные женщины. Надежда Семеновна Куевда — одна из них. В первые дни после аварии она сутками не покидала своей лаборатории, обследуя пациентов, работала самоотверженно, на пределе сил. А через некоторое время добилась вторичного направления в Чернобыль,

К сожалению, в Чернобыле имели место факты и негативного поведения военнослужащих и военнообязанных запаса. Встречались случаи трусости, уклонения от работы в опасных зонах, приписки облученности.

Об одном из таких случаев не могу не поведать.

В один из майских дней вместе с начальником оперативной группы выехали в медицинское подразделение, чтобы проверить состояние их жизни и быта, поговорить с личным составом об их делах и наболевших вопросах. Мы увидели, что в лечебных кабинетах и палатах — стерильная чистота, не хуже, чем в стационарных условиях медучреждений. Со стороны медперсонала и больных — ни одной жалобы. И вдруг недовольный выкрик одного из трех сидящих на койке больных, вид которых ничем не напоминал об их нездоровом состоянии: не тронутые загаром лица, глаза без тени усталости, но сверкают злобой, руки не натружены.

— Когда нас отправят домой? Не желаем свое здоровье гробить! И так наглotalись по горло.

Мы насторожились.

— Что случилось? Почему надо отправлять вас домой? — спросил генерал А. М. Кива.

Трое нехотя поднялись, развалисто переминаясь с ноги на ногу.

— Нахватали под завязку! — буркнул все тот же парень в помятой одежде. — Теперь неизвестно, что будет с нами, а тут еще добавляем...

Об этом же наперебой заговорили и двое других.

По их нервным и отчаявшимся разговорам нам показалось, что случилась беда, а медицинские работники не оказывают им нужного внимания, что с нашей стороны требуется срочное вмешательство.

— Что означает «нахватали»? — спокойно спросил начальник оперативной группы.

Командир подразделения, не ожидая их ответа, доложил:

— Товарищи поступили к нам только вчера. По их заявлению и показаниям индивидуальных дозиметров, получили высокие уровни радиационного облучения.

— Какие высокие?

— 108, 98 и 87 рентген.

Мы начали тщательное медико-химическое обследование. Подключили ученых академии. Пока ничего определенного сказать не можем, но...

— Почему до сих пор не доложили мне? — возмутился генерал А. М. Кива, — Это же — происшествие, — Александр Михайлович внимательным взглядом окинул стоящих военнослужащих. — Где же вы столько «нахватали»?

— На ПУСО (Пункте специальной обработки техники), — с явным раздражением выпалил один из них.

— И долго там работали?

— Дней пять.

— А еще где?

— На дезактивации села.

— А на станции не работали?

Стоявшие промолчали.

До командования оперативной группы доходили слухи о том, что отдельные хитрецы искусственно приловчились поднимать показатели дозиметрических приборов до уровней, позволяющих уехать досрочно из Чернобыля. Положат, скажем, дозиметр на сильно излучающий металл, например, на лопату бульдозера, работавшего в зоне с высоким уровнем радиации, и через несколько часов — готово. К сожалению, накрыть до сих пор таких ловкачей с поличным пока не удавалось. И вот первый случай... Его мы широко использовали в воспитательной работе с людьми. Добились замены дозиметров индивидуальными приборами-накопителями, прежде всего для людей, работающих в зонах с повышенными уровнями радиации.

В системе органов тыла важное место занимали такие подразделения, как прачечные комбинаты.

Люди, работающие на ликвидации последствий аварии, ежедневно, а то и по нескольку раз в день, проходили санитарную обработку со сменой белья и спецодежды. Росли горы зараженного белья и одежды. Необходима была их срочная стирка и дезактивация. В Киев или другой город не повезешь. Следовало обрабатывать на месте. Этим и занимались сформированные прачечные комбинаты.

Они были оснащены современной моечно-сушильной аппаратурой. Но труд на них оставался тяжелым, а главное, непрестижным. Работники комбинатов с участием химиков-дозиметристов пропускали через свои руки каждую пару белья и обмундирования, отбрасывая в отстойник имеющие высокий уровень радиационной зараженности, остальное загружали в чрево машины, обрабатывали паром и водой, сушили и гладили, а потом вновь проводили дозиметрическую проверку. Некоторое белье и обмундирование дезактивировали несколько раз, чтобы до «нормы» снизить радиационное заражение.

Многие стремились уйти из прачечных комбинатов в «боевые» подразделения, непосредственно участвующие в проведении дезактивации станции и других объектов, быть на передовых позициях. Посыпался поток рапортов и устных заявлений: «Хочу работать на станции», «Прошу направить в любую точку ликвидации последствий аварии», «Хочу работать там, где наиболее трудно»... Чтобы успокоить ребят, приходилось выезжать на комбинаты, выслушивать доводы и просьбы людей, убеждать, что работа по дезактивации обмундирования и белья не менее важная и ответственная, чем дезактивация стационарных объектов. Но часто эти доводы воспринимались без нужного понимания. «Отправляйте в боевые части — и все!» — требовали некоторые военнослужащие. Одну из причин этого, пожалуй, как нельзя более убедительно высказал сержант Василий Еременко, выполнявший дневные задания на комбинате на 120—130 процентов:

— Место здоровых парней — на передовой, где решается основная задача ликвидации последствий аварии, а мы, как прачки, с бельем возимся. Это морально угнетает. — Сержант забросил в дымящий паром котел связку только что проверенного дозиметристом белья и как бы подытожил свой разговор: — Домой возвратимся, что скажем товарищам и детям? Прачками работали...

Рассуждая по-мужски, где-то он был прав. Но ведь надо кому-то трудиться и в подразделениях обеспечения — печь хлеб, варить пищу, стирать белье, лечить больных... Воинский долг обязывает каждого служить там, где требуют интересы дела, где приказывают. Поэтому мы принимали все меры, чтобы приостановить поток таких просьб, проводили с людьми разъяснительную работу.

Участники ликвидации последствий аварии не могли обойтись без товаров первой необходимости. Так как после эвакуации населения в тридцатикилометровой зоне не осталось ни одного магазина, то в первые дни негде было купить простой иголки или лезвия для бритвы. Решение этой задачи было поручено органам военной торговли Краснознаменного Киевского военного округа.

В предельно короткие сроки были собраны со всех гарнизонов округа автолавки и направлены в Чернобыль. Они курсировали с рассвета и дотемна, доставляя в воинские части и на места работ станки и лезвия для бритвы, ручки и конверты, военную фурнитуру, сигареты, соки и воды, кондитерские изделия... Только минеральной воды автолавками ежедневно продавалось несколько тысяч бутылок. Организована была и книжная торговля. Особо большое усилие для организации военной торговли в экстремальных условиях проявили офицеры В. С. Федосов и Н. И. Ляхимец.

О мужественной работе специалистов военной торговли хорошо было сказано в телеграмме начальника оперативной группы Министерства обороны СССР по случаю Дня Победы 9 мая 1986 года: «В день знаменательного праздника советского народа — Дня Победы над немецким фашизмом выражаю благодарность работникам военной торговли за проявленное мужество и самоотверженность, большое старание при организации торгового обслуживания личного состава в сложных экстремальных условиях. Вы показываете чувство высокой ответственности за порученное дело. Уверен, что вы и в дальнейшем будете проявлять мужество и стойкость, старание и мастерство на порученном вам участке».

Работники подразделений и учреждений тыла не готовили к пуску временно остановленные реакторы, не собирали радиационных осколков, не строили «саркофаг», не снимали зараженный слой грунта, не хоронили «рыжий лес», но много сделали для обеспечения чернобыльцев всем необходимым для жизни и быта, сохранения их здоровья. Без их самоотверженного труда не могла бы проводиться ликвидация аварии на Чернобыльской АЭС.

ДЕЗАКТИВАЦИЯ

Дезактивация с первых дней пребывания в Чернобыле стала главной задачей личного состава воинских частей. Из армейских уставов и наставлений мы знали, что дезактивация — это удаление радиоактивных веществ с вооружения, техники, обмундирования, продовольствия, местности и из воды в случае применения противником ядерного оружия. Чернобыль же сразу выявил, что наши познания в

области проведения дезактивационных работ оказались далеко не достаточными. Неполным оказалось и само понятие «дезактивация».

Чернобыльские события потребовали дополнительно включить в него такие параметры, как съём, вывоз и захоронение зараженного грунта, обваловка рек и водоемов от проникновения сточных загрязненных вод, очистка от радиационного загрязнения населенных пунктов, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, дорог, полей, лесов, санитарная обработка населения, недопущение разноса ветром радиационной пыли путем покрытия обочин дорог, площадей и даже целых лесных массивов пленкообразующими растворами... Всем этим пришлось заниматься, не имея ни опыта, ни достаточно обоснованных рекомендаций ученых и военных специалистов, практически вслепую. По ходу приходилось вырабатывать новые методы проведения дезактивации, даже составлять новые специальные растворы.

...Общеизвестно, что в любом деле первые шаги — самые трудные. Нелегкими они оказались и в первый день дезактивации населенных пунктов. А начиналось это так...

Тихое, безветренное майское утро. Солнце только выплыло из-за горизонта, а на окраине красивого, утопающего в зелени садов села Залесье выстроилось воинское подразделение. Солдаты и офицеры сосредоточены и напряжены, словно перед боем. Это и понятно. Им предстояла операция, сходная с боевой. В течение нескольких дней они готовились к ней с исключительной тщательностью под руководством своих командиров и начальника оперативной группы генерала А. М. Кивы, Тренировались, проверяли защитные костюмы, специальную технику, заряжали приборы радиационной разведки, изучали разработанные при помощи ученых меры безопасности... Каждый из нас в то время был уверен, что проведем раз-другой дезактивацию населенных пунктов и местности — эвакуированные люди сразу вернуться к родным очагам. Ради этого военнслужащие были готовы работать дни и ночи.

Предстояла первая в их практике, да, пожалуй, и первая в истории страны, дезактивация населенного пункта в условиях реальной радиационной зараженности, реальная встреча лицом к лицу с радиацией — страшным и коварным врагом. Найти его, определить размеры, вытащить и захоронить — задача номер один. И чем быстрее и надежнее захоронить, тем лучше. «Сумеет ли это сделать? — беспокоились и командиры, и солдаты. — Должны суметь, раз надо».

Волнение у командира подразделения и подчиненных вызывало и то, что на проведение дезактивации первого села прибыли члены Правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, генерал армии И. А. Герасимов со своими заместителями, ученые и специалисты. Их цель — на практике проверить те установки, которые выработаны в последние дни о порядке дезактивации населенных пунктов, чтобы рекомендовать их другим воинским частям и подразделениям. Это мероприятие явилось и инструкторско-методическим, поскольку на него были приглашены руководители оперативных групп, командиры частей, их заместители по политической части и специалисты-химики, коим предстояло проводить дезактивацию сел и городов, промышленных объектов и других сооружений.

Начальник химической службы нашей оперативной группы полковник Геннадий Сергеевич Гоменко еще раз напомнил личному составу запланированный порядок проведения дезактивационных работ и меры безопасности, проверил средства противорадиационной защиты.

Работа началась сразу у десятков домов. Химики-разведчики, словно минеры, прощупывали «клюшками» каждый метр земли, каждое строение, опускали щупы дозиметров в колодцы и погреба, засовывали их в соломенные крыши и заросли кустарников... Вслед за разведчиками расчеты АРСов торопливо раскатывали шланги и направляли упругие струи воды на стены и крыши домов, смывали зараженную пыль и прошлогодние сухие листья. В это же время пожарные машины обрабатывали зеленые насаждения — тополя, липы, вязы, яблони, вишни... Очистив дома, арсисты переходили к надворным постройкам, тщательно обмывая все, вплоть до собачьих конур и поленниц дров.

Деактивация домов и надворных построек показала, что уровень их радиационной зараженности значительно снижался, а вокруг построек, куда с крыш, стен и деревьев стекала вода, показатели зараженности земли ухудшались. Что делать? По совету ученых решили снимать поверхностный слой земли и вывозить в могильники. Эта работа потребовала дополнительных людских резервов, так как выполнять ее приходилось вручную.

Особенно зараженными оказались старые соломенные крыши. Прогнившая, пористая соломенно-глинистая масса, поросшая темным мхом, впитала в себя большое количество радиационной пыли. От ударов водяных струй солома дыбилась, щетинилась, разлеталась в стороны. Такие крыши пришлось обрабатывать по два-три раза, но уровень зараженности почти не снижался. Нашли наконец выход — снимать сантиметров на пятнадцать верхний слой. Получилось. Труд оказался очень тяжелым, малопродуктивным. Каждый квадратный метр отвоевывался невероятными усилиями. Но так или иначе за полдня удалось дезактивировать целую улицу.

Колхозная ферма села Залесье мало чем отличалась от многих других: приземистые длинные дворы под шифером, добротные телятник и птичник, сооружения для хранения и приготовления кормов для животных, ветхие изгороди, огромнейшие свалки навоза... Требовалось не только продезактивировать большие и малые строения, но и очистить огромнейшую территорию от тысяч тонн навоза, остатков силосной массы и прошлогодней соломы, потемневшей от времени и непогоды. На первый взгляд казалось, что с таким объемом не справиться и за месяц. Но правду говорят: глаза страшатся, а руки делают. Дело с очисткой двора спорилось. Прошло всего четыре часа — и все строения были обмыты. С вывозом навоза, конечно, пришлось повозиться не один день.

Непросто оказалось решить задачу очистки колодцев, глубина которых достигала четырех и более метров. Откачка воды из них большого труда не составляла. Водопомпы выбрасывали ее за считанные минуты. А вот с выемкой донного ила возились часами. С большими предосторожностями людей опускали в смрадную глубину, и они ведрами и лопатами выгребали грунт. «Когда меня опустили в колодец со скользким темно-зеленоватым деревянным срубом,— вспоминает рядовой Иван Голубков, — под ногами хлюпала свинцовая жижа. Промозглый холод забирался под защитный костюм. Вверху виднелось блеклое пятно света. Слежавшийся мокрый ил поддавался туго. Приходилось буквально выковыривать его черпаком и малой саперной лопатой. Ведро за ведром уходило вверх, но казалось, что илу не будет конца. Часа два пришлось работать на глубине».

На первых порах с проведением дезактивационных работ не все получалось: сказывалось отсутствие какого-либо опыта. Несмотря на это, люди работали

самоотверженно и с большим старанием. Поставленная задача по дезактивации первого села была выполнена в предельно сжатый срок.

Первый день дезактивации прошел успешно и поучительно для присутствующих руководителей. Радиационная зараженность села снизилась больше чем в два раза. Люди радовались достигнутым успехам. За проявленное мужество при дезактивации первого села генерал армии И. А. Герасимов всему личному составу объявил благодарность.

Дом за домом, улицу за улицей, село за селом воинские части очищали от радиационного загрязнения. Дезактивированные села преображались буквально на глазах; стали чище и уютнее. Но незахороненный реактор давал о себе знать. Уровни радиационного заражения населенных пунктов поднимались вновь. И дезактивация сел и деревень повторялась.

Очень сложной оказалась дезактивация самого крупного населенного пункта тридцатикилометровой зоны — города Припяти. Прежде всего, надо было досконально изучить не только каждую улицу, каждый квартал, но и каждый дом, каждый городской уголок. В этом плане много дала нам встреча с первым секретарем Припятского горкома партии А. С. Гаманюком. Он рассказал нам о достопримечательностях города, его площадях и улицах, промышленных сооружениях и дорожной сети, парковой зоне и лесонасаждениях, о полноводной красавице Припяти, соединяющей белорусское и украинское Полесье.

Близость железнодорожной станции и автострады, наличие реки определили место для строительства Чернобыльской АЭС и города энергетиков, которые с первых дней были объявлены Всесоюзной комсомольской стройкой. В то время сюда прибывали молодежь и специалисты со всех уголков страны. Рос город. 15 августа 1972 года в торжественной обстановке был уложен первый кубометр бетона в основание главного корпуса атомной электростанции.

В полесском атомограде, как часто называли город Припять, все больше появлялось современных архитектурных ансамблей, где гармонично сочетаются пяти-, девяти-, шестнадцатипятиэтажные здания. Детские учреждения строились в центре микрорайонов, примыкающих к зеленым зонам. Своеобразный облик городу Припяти придают выразительные композиции микрорайонов, располагающихся по радиусам вокруг городского центра.

При строительстве города архитекторы бережно относились к богатейшей полесской природе, сохранив немало живописных уголков отдыха.

Наши познания о городе, таким образом, несколько возросли, но все еще оставались недостаточными для организации дезактивационных работ. Встала настоятельная необходимость «прощупать все своими руками», увидеть своими глазами, тщательным образом, как перед боем, на месте оценить обстановку и принять решение, взвесив все за и против, прежде чем посылать людей на выполнение небезопасного задания. Здесь особо применима была народная мудрость — «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

С группой офицеров и радиационных разведчиков под командованием генерал-майора А. М. Кивы мы выехали в Припять. Панорама города предстала перед нами как-то внезапно. Только что машины мчались между плотными стенами леса, и вдруг на восемнадцатом километре от старинного города Чернобыля, города одноэтажного, вырос белокаменный, высотный, с просторными зелеными бульварами современный город. Мы начали обследовать одну улицу за другой, то выезжая на

центральную площадь, то удаляясь от нее к окраинам. Чем дальше находились в городе, тем больше восхищались его плановой и архитектурной красотой: дома с ажурными и цветными балконами, обилие окультуренных лесонасаждений и скверов, умытые весенними дождями лужайки и цветники, отливающие гляncем витрины магазинов. В связи с первомайским праздником дома и улицы были украшены флагами, транспарантами и разноцветными флажками. Но город был мертв. На улицах — ни души. Из продуктовых магазинов и кафе, столовых и ларьков смердело гнилью разлагающихся продуктов. У подъездов домов — сотни легковых автомобилей. На многих балконах билось ветром оставленное хозяевами постиранное белье. Все это до боли теребило душу, заставляло задуматься...

В тот день группы разведчиков прощупали город вдоль и поперек. Уровни радиации определены на каждой улице, у каждого дома. Из всех водоемов инженеры и медики взяли пробы воды на предмет ее пригодности при дезактивации города. Был разработан детальный план проведения дезактивационных работ.

Для этого выделялись наиболее подготовленные части, уже получившие практический опыт в дезактивации сел. Их возглавляли хорошие организаторы подполковники М. И. Белов, С. В. Мороз, Н. В. Булавин. К выполнению задачи тщательно готовили технику и личный состав. В подразделениях прошли партийные и комсомольские собрания о личной примерности коммунистов и комсомольцев в проведении дезактивационных работ, инструктивные занятия с командирами, политработниками и активом об особенностях организации политической работы в экстремальных условиях.

В начале дезактивации города мне пришлось быть в части подполковника М. И. Белова, получившей задачу на очистку, пожалуй, самой красивой улицы — проспекта имени В. И. Ленина, застроенного сравнительно невысокими, пятиэтажными, зданиями. Проспект выделялся среди других улиц широтой и простором. Трехрядье бульваров, обсаженных остроконечными тополями, кудрявыми липами и каштанами, ровно подстриженные кустарники, плантации роз и тюльпанов придавали ему праздничную нарядность.

Десятки АРСов и пожарных машин подъехали к домам, приведены в рабочее состояние.

Дезактивация проспекта проходила в высоком темпе, хотя со стороны казалось, что люди грудятся неторопливо, без особого напряжения, медленно передвигаются по броне АРСов и крышам домов. На самом деле, разумно экономя силы, они старательно, метр за метром, обмывали здания, зеленые насаждения. Опорожненные АРСы и пожарные машины на высокой скорости уходили к городскому бассейну и другим водоемам и вновь возвращались с заполненными емкостями. Работа не прекращалась ни на один час. Через установленное время подразделения убывали в безопасные места на отдых. Их подменяли другие. Двух-, а то и трехсменная работа ускоряла дезактивацию.

Подполковник М. И. Белов с небольшой группой офицеров штаба то находился на своем КП, размещенном на бронетранспортере, то ходил от объекта к объекту, проверяя качество работ и соблюдение мер безопасности.

Усилиями и старанием личного состава раньше намеченного срока была закончена на проспекте дезактивация жилых и административных зданий. Выстроившись в ряд, экипажи АРСов повели свои машины от центра города к горбату мосту, густо обмывая асфальт,

С начальником оперативной группы генерал-майором А. М. Кивой, который не покидал город весь день, руководя дезактивацией, и командованием части мы обошли проспект из конца в конец, делая контрольные замеры радиации. Уровни зараженности зданий и сооружений снизились больше чем в два раза. Это радовало всех тех, кто напряженно работал в течение всего дня.

Фронт работ по дезактивации города нарастал с каждым днем, Были обработаны улицы Курчатова и Дружбы Народов, автовокзал, гостиница, речная пристань, Дом книги, кинотеатр «Прометей», универсальный магазин, общежития молодых строителей Чернобыльской АЭС, школа искусств, кафе «Прометей», сотни других зданий.

Уже была дезактивирована почти половина города, когда темпы работ вдруг резко стали сокращаться. И не потому, что люди порядком устали. Нет. Причина оказалась в другом: истощились запасы воды, АРСы и пожарные машины за несколько дней опустошили городской плавательный бассейн, закрытые водоемы городской водосети. Оставшиеся немногочисленные артезианские скважины не обеспечивали и десятка процентов потребности в воде. Настоятельно встал вопрос: где найти чистую воду, чтобы нарастить темп дезактивационных работ.

На вертолете облетели вокруг города. Всюду вода: станционные водоемы, полноводная река Припять, каналы, речки, ручьи и болота. Но вот парадокс: воды — залейся, а дезактивировать город Припять стало нечем. Чистой воды — увы! — не стало.

Начались поиски. Из десятков мест взяты пробы. Оказалось, что чистая вода — под боком. В одном из заливов реки Припяти вода оказалась практически не заражена. Емкости машин решено заправлять здесь. Теперь можно ускорить и дезактивацию города. Оборот машин значительно ускорился. Темпы работ сразу же возросли.

На пути дезактивации неприступной стеной встали высотные шестнадцатизэтажные здания, венчающие проспекты и улицы и составляющие целые микрорайоны. Как подступиться к ним? Как очистить от зараженности? Шланги пожарных машин и АРСов до последних этажей и крыш не доставали. Пробовали нарастить их, подняться на крыши по внутренним лестничным клеткам и пожарным лестницам. Получилось, но фронт работ оставался очень малым. Дезактивация вновь затормозилась, а опасность нахождения на большой высоте возросла. Это вызвало нервозность у руководителей оперативной группы, да и у исполнителей. Что делать? Где найти выход из создавшегося положения?

Заместитель начальника оперативной группы по технической части полковник Б. А. Данильчатенко предложил применить строительные краны с телескопической стрелой. Но где взять их?

Обратились с этим вопросом к начальнику оперативной группы Министерства обороны СССР генералу армии И. А. Герасимову. И машина закрутилась. Он незамедлительно приехал в Припять с группой военных и гражданских специалистов, на месте разобрался, сколько необходимо таких кранов. И уже на второй день нам поставили с десяток машин, взятых со строек города Киева. Закрепленные в корзинах ремнями смельчаки-верхолазы поднялись к верхним этажам.

Наблюдать за их действиями было тревожно. Телескопическая стрела с небольшой корзиной чем-то походила на огромного жирафа с вогнутой шеей и крохотной головкой, медленно передвигающегося вдоль стены. На большой высоте участник дезактивации перегибался через еле видимый обод «корзинки», направляя

водяной шлейф на стены, а у нас, находящихся внизу, замирало сердце: «Как бы не сорвался!»

«Корзиннику» при работе на большой высоте сил хватало не более как на час. Его заменяли другие, и работа продолжалась. Самоотверженным солдатским трудом удалось справиться и с многоэтажными зданиями.

После окончания дезактивации радиационная обстановка в городе значительно улучшилась, но через несколько дней вновь обострилась. После укрытия разрушенного реактора «саркофагом» Припять пришлось дезактивировать повторно.

Поистине героической страницей в системе всех дезактивационных работ явились уборка и захоронение «рыжего» леса, прилегающего к атомной станции.

После злополучного взрыва ветер бросил на лесной массив смертоносный шлейф. Сравнительно неширокая лесная полоса, пораженная радиацией, порыжела, словно по ней прошелся огненный вал: хвоя и листья «сгорели» и осыпались, трава и кустарник пожухли, не видно ни животных, ни насекомых. С болью в сердце думалось: «Какое счастье, что жестокий «смерч» не накрыл город Припять, пройдя от него всего в нескольких километрах. Упал бы он на город, последствия трудно предугадать».

Радиационная зараженность «рыжего» леса, пересекающего автостраду Чернобыль—Припять, в течение первых дней после аварии оставалась высокой и создавала опасность для людей, проезжающих по дороге на атомную станцию. На первых порах встала задача убрать и захоронить лес хотя бы метров на двести-триста от автострады, а слой земли покрыть пленкообразующим раствором, тем самым обезопасить движение по автострате.

Подступиться к вековым деревьям оказалось непросто. Выход один: выдирать лес с корнем мощной техникой и хоронить в траншее. Операция «Рыжий» лес» готовилась под личным руководством генерала И. А. Герасимова и его помощников. Для ее выполнения привлекли наиболее опытных механиков-водителей инженерных машин разграждения, лучшую технику. Наступление на лес было решено вести от автострады, постепенно расширяя образующуюся поляну.

Одним из первых на своей инженерной машине вступил в «рыжий» лес прапорщик Владимир Данилов — человек, мастерски владеющий вверенной техникой, физически натренированный, получивший опыт дезактивации на других объектах. Съехав с высокой насыпи, Владимир направил острие бульдозера на стройную сосну. Резкий удар и дерево разломилось на несколько частей. Верхняя его часть с грохотом ударила по бронированной крыше машины, отчего зазвенело в ушах. Нижняя часть не сдвинулась с места. Удар по второму дереву — повторилось то же самое. «Так ничего не получится, — подумал прапорщик. — Крупные деревья бульдозером не выворотить. Надо выдирать краном». Переехав к частому мелколесью, он сравнительно легко стал выворачивать сосенки и кустарник, ломая и затрамбовывая их в тут же открытые траншеи. Рядом ИМРы с крановым оборудованием выкорчевывали вековые сосны и другие деревья. Столбом поднималась пыль, заволакивая смотровые окна. Водителям приходилось выскакивать из машин и протирать их. Другого выхода не было. Медленно, но метр за метром лес отступал от дороги. Там, где только что высился сосновый бор, оставалась изрытая бульдозерами и гусеницами песчаная поляна с торчащими сучьями и корневищами, пугающая своей безжизненностью и хаотичностью. Майская жара быстро иссушала «вспаханную» землю. Порывы ветра подхватывали с желто-белесых гребешков созданных барханов пыль и бросали ее из стороны в сторону. Чтобы не допустить разноса радиационного заражения, вертолеты, кружась над

поляной и лесом, заливали их пленкообразующим раствором, прижимая пыль плотно к земле, а АРСы густо обмывали дорожное полотно.

Несколько дней отважного труда, и десятки гектаров пораженного леса оказались захороненными. Уровень радиационного заражения дороги и прилегающей к ней местности понизился в несколько раз. Теперь на атомную станцию и в город Припять стало возможным проезжать не только в бронетранспортерах, но и на других видах транспорта.

В системе дезактивационных работ самой масштабной и тяжелой была обработка зараженной техники и механизмов, количество которых исчислялось тысячами. Сразу после аварии в Чернобыле появились бронетранспортеры и вертолеты, предназначенные для проведения радиационной разведки, доставки на станцию специалистов и ученых, выполнения других экстренно возникающих задач. Потом сплошным потоком пошел грузовой транспорт и специальная техника: бульдозеры, скреперы, инженерно-разградительные машины, АРСы... Столь мощная техника, предоставленная страной, вселяла в чернобыльцев уверенность в успешной ликвидации последствий. Но она принесла и немало хлопот. И не только тем, что требовала своевременного обслуживания и ремонта, заправки и организации хранения, но и каждодневной дезактивации, поскольку при работе на станции и в тридцатикилометровой зоне сильно впитывала в себя радиацию. Нельзя было допустить, чтобы техника разносила по округе радиационную пыль. Первоначально задача по ее дезактивации казалась невыполнимой, так как не было достаточных сил и средств. Часть машин убывали из зоны заражения без специальной обработки. Принятыми мерами контроль за выходом машин из района станции был ужесточен. Их путь преградили пункты специальной обработки техники — ПУСО воинских подразделений — химических, инженерных, гражданской обороны, имеющих специальную подготовку. На ПУСО вся техника проходила строгий дозиметрический контроль. Никто не мог миновать этих пунктов, даже машины министров и членов Правительственной комиссии. На них, можно сказать, существовало военное положение, поддерживалась железная дисциплина.

Работа на ПУСО — ответственная и далеко не безопасная. Подходившие машины, особенно землеройные, покрыты слоем пыли и грязи, нашпигованы радиационными нуклидами. Требовалось своевременно обработать, довести до минимальных норм зараженности, чтобы они не стали разносчиками радиации. Смытая темно-рыжая жижа вызывала тревожное ощущение. Клокоча и пенясь, она заполняла придорожные кюветы, разрушала насыпь, хлюпала под ногами. Песчаная земля быстро впитывала в себя образовавшиеся лужи, оставляя на поверхности слизистый ил. Специалисты забеспокоились: возможно заражение грунтовых вод, находящихся в этих местах на небольшой глубине. В срочном порядке стали копать котлованы и обкладывать их многослойной полиэтиленовой пленкой. Теперь смытая с машин грязь оставалась в них. ПУСО постепенно передвигались вдоль дорожного полотна, оставляя за собой ряд переполненных ям.

Дезактивацию техники нельзя было приостановить ни на один час. Все трудились с невероятным напряжением. «Мне пришлось проводить дезактивацию атомной станции, бетонировать ее территорию, — рассказал сержант Николай Коваль, проработавший на ПУСО больше полумесяца, — но дезактивация техники — труд самый изнурительный. Приходилось десятки раз в день взбираться на крыши машин, ползать на спине под днищем в хлюпающей грязи в сковывающей движения защитной одежде,

добираться до каждого агрегата, детали, Продыху — ни минуты, так как машины шли словно по конвейеру и каждую надо было успеть очистить, да не абы как. Работали на совесть. Да и дозиметристы были до предела строги. Стоило что-то просмотреть, недоделать, и машина с контрольного поста возвращалась назад. И всё начиналось сначала. А с некоторыми мы своими средствами справиться не могли, отправляли в отстойники до лучших времен. От проходившей через ПУСО техники исходил поток радиационного излучения. Но хорониться от этой опасности было некогда. Каждый из нас понимал, какую беду может принести зараженная машина людям, если окажется за пределами тридцатикилометровой зоны, и прилагал все силы, все старание, чтобы как можно лучше ее дезактивировать».

С каждым днем, по крайней мере в первый месяц после аварии, работа на ПУСО становилась все более и более опасной. И не только потому, что невдалеке находились разрушенный реактор и «рыжий» лес, продолжающие сеять радиационное заражение, а прежде всего потому, что машинами вместе с грязью и пылью заносилось немалое количество нуклидов. Каждый метр земли на ПУСО имел повышенную радиационную зараженность. Исходя из этого, со стороны командования, химиков и медицинских работников принимались все возможные меры для усиления дозиметрического контроля и средств защиты, главной целью которых было уберечь людей от излишней облученности.

Работа здесь постоянно совершенствовалась. Были построены удобные эстакады, поставлены вместительные емкости для воды, а затем подведены трубопроводы. Все больше внедрялась механизация для очистки машин, а со временем стали строить стационарные ПУСО. Людской труд значительно облегчился. Производительность обработки машин возросла в несколько раз. Улучшилось и качество дезактивации, так как появилась возможность обеспечить ПУСО новыми дезактивационными материалами, мощными механизмами. Уменьшилась и опасность радиационного облучения людей. А пока военнослужащие трудились на полевой базе дезактивации техники. Тысячи машин прошли через их руки.

Важнейшую роль в восстановлении техники сыграли военно-ремонтные подразделения, руководимые полковником Б. А. Данильчатенко, подполковником В. П. Колядой. Постоянная помощь им оказывалась со стороны специалистов управления вооружения офицеров В. В. Осокина, Ю. И. Сычова, В. Д. Сороки, А. А. Сазонова и других. Ремонтно-восстановительные работы велись круглосуточно, причем кульминационного накала достигали в ночное время. Это вызывалось тем, что к следующему дню поломанные машины должны были быть в исправном состоянии.

Труд ремонтников и в обычных условиях не отличается легкостью, а в Чернобыле было особенно тяжело. Полевая база не позволяла в достаточной степени механизировать его, хотя в подразделениях имелись и автомастерские, и краны, и станки различного назначения. Военно-ремонтные подразделения располагались вблизи границы тридцатикилометровой зоны. Но часто приходилось ремонтировать машины на местах их работ, в опасных зонах, где нельзя было обойтись не только без профессионального мастерства, но и мужества.

Во время проведения радиационной разведки, например, на одном из бронетранспортеров прекратилась подача топлива. Двигатель заглох. Попытка водителя устранить неисправность своими силами не увенчалась успехом. В ремонтную работу включились С. Мякота и И. Островерх. Несмотря на высокий уровень радиации, они в считанные минуты восстановили боевую машину.

При снятии зараженного грунта на станционном дворе вышел из строя бульдозер. На место поломки прибыла бригада ремонтников во главе с В. И. Кривоzubом. Из-за высокого уровня радиации подступиться к машине было нельзя. Пришлось отбуксировать ее на несколько сот метров от станции, продезактивировать и только тогда приступить к ремонту. Более двух часов воины устраняли неисправность. В обычных условиях на такой ремонт потребовалось бы времени раза в три больше.

На своем бронетранспортере рядовой Юрий Стрюченков перевозил по территории атомной станции ученых и специалистов, изучающих поведение четвертого реактора и радиационную обстановку. По станционному двору он проехал сотни раз без каких-либо приключений. И вдруг в один из рейсов заглох двигатель. Не задумываясь, водитель выпрыгнул из машины и при помощи подоспевших ремонтников быстро заменил вышедшую из строя деталь.

С особой ответственностью военнослужащие относились к проведению дезактивации зданий и сооружений самой атомной станции, отчего зависело не только общее снижение радиационной зараженности, но и своевременный пуск временно остановленных реакторов. Дезактивационные работы внутристанционных помещений начинались непросто. Пугали своей высотой реакторные сооружения с обилием коридорных переходов и лестничных клеток, почти километровый машинный зал с крышей «у самого неба», в конце которого громоздились разрушения. «Здесь же миллионы квадратных метров! Разве можно все это продезактивировать? А чем и как будем дезактивировать?» — с беспокойством говорили командиры подразделений, осматривая выделенные им объекты.

Ученым и специалистам, командно-политическому составу пришлось немало потрудиться, чтобы не только дать обстоятельные ответы на поставленные вопросы, но и организовать их выполнение, без чего дезактивация была бы невозможной. Одновременно пришлось разоблачать различного рода слухи и измышления, распространявшиеся болтунами и паникерами о невозможности дезактивации. В подразделениях проводилась широкая разъяснительная работа, организовывались встречи военнослужащих с учеными и энергетиками. Делалось все, чтобы люди знали, где, в каких условиях, какое время придется действовать на станции.

Со стороны Правительственной комиссии, ученых, командования принимались необходимые меры, обеспечивающие максимум безопасности людей. У развалин была сооружена защитная стенка, резко сократившая поток радиации. Окна помещений и коридоров заставлялись свинцовыми щитами. Каждого военнослужащего обеспечили средствами защиты и индивидуальными дозиметрами-накопителями. Строжайше были определены временные параметры нахождения людей на участках дезактивации в зависимости от радиационной обстановки на том или ином объекте. Со старшими групп, назначенными для руководства дезактивационными работами, провели специальное занятие о порядке поведения людей в экстремальных условиях. На всех объектах дезактивации был организован постоянно действующий радиационный контроль, поскольку радиационная обстановка на станции все еще оставалась изменчивой. До деталей продумана санитарная обработка личного состава после возвращения его с объектов дезактивации... Чтобы вселить уверенность в возможности проведения дезактивационных работ в условиях повышенной радиации, первоначально на объекты были направлены небольшие группы добровольцев под руководством наиболее опытных офицеров и станционных специалистов, которые в течение нескольких часов обрабатывали помещения и энергетическое оборудование, после чего

побывали в подразделениях, поделились с военнослужащими своим опытом, рассказали им об обстановке внутри станционных помещений, что также способствовало снятию у людей напряженной настороженности и боязни.

Одну из первых групп военнослужащих было поручено возглавить старшему лейтенанту В. Н. Тимошенко.

В реакторном зале, где предстояло действовать его группе, стояла мертвая тишина. Тяжелые цельнобетонные стены, многослойные бронированные входы, металлический отблеск крыши реактора, тусклое освещение создавали угнетающее настроение. «Переборов волнение, — вспоминает Василий Николаевич, — вызванное близостью атомной стихии, определил каждому военнослужащему участок для проведения дезактивации, сам наполнил ведро мутноватой жидкостью, надел перчатки, вооружился куском ветоши и первым приступил к дезактивации, понимая, что в экстремальных условиях святой армейский принцип «Делай, как я!» лучше всяких агитационных слов и призывов».

Реакторный зал вмиг ожил. Воины старательно обмывали каждый сантиметр помещения и крыши реактора, каждую деталь оборудования. Все работали молча. Даже когда дозиметристы обнаруживали на продезактивированных местах высокие уровни радиации, люди без возмущения и обиды приступали к повторной дезактивации.

В работу были включены десятки подразделений. Сменяя друг друга, они трудились круглосуточно, в две-три смены. После тщательной дезактивации зданий остановленных реакторов станционные помещения стали пригодными для эксплуатации. Самоотверженный труд военнослужащих совместно с гражданскими специалистами окупался сторицей. Атомная станция постепенно оживала.

Большой вклад в дезактивацию станции внесли воинские коллективы, возглавляемые полковником Г. А. Улуповым, подполковниками Н. В. Булавиным, М. И. Беловым, В. В. Муравским, О. И. Голясом и другими.

На дезактивацию атомной станции военнослужащих направляли как на выполнение боевого задания. Перед строем объявлялись приказы командиров, доводились меры безопасности.

Целенаправленному и качественному проведению дезактивационных работ на атомной станции, да и во всей тридцатикилометровой зоне в решающей степени способствовали высокая организованность и дисциплина личного состава, четкое руководство воинскими коллективами, продуманная постановка воспитания людей, сплоченность подразделений и частей, инициатива и товарищеская выручка при выполнении поставленных сложных задач. В Чернобыле в то время начисто были исключены малейшие случаи неуставных взаимоотношений между военнослужащими. Экстремальность обстановки воедино сплачивала коллективы. Принцип «один за всех, все за одного» здесь проявлялся с особой силой. Офицеры и прапорщики, сержанты и солдаты проявляли себя истинными патриотами.

Особую роль в организации дезактивационных работ и сплочении воинских коллективов сыграли начальники и офицеры оперативных групп И, А, Герасимов, Н. В. Гончаров, А. Д. Фомин, И. Я. Биленко, Б. И. Шариков, А. М. Кива, П. Г. Костенко, А. С. Королев, В. Г. Воронцов, В. М. Тюрин, М. Д. Денисенко, А. Д. Лопатин, С. Н. Шевченко, А. М. Салтыков, В. Ф. Дихтяренко, И. А. Трокай, Г. Г. Фисенко, М. Г. Вертушков, И. С. Шматко, В. В. Прядун и другие.

Через оперативные группы прошли многие генералы и офицеры, внесшие свой вклад в ликвидацию последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Но труднее всего было первым. Они хлебнули больше всех и радиации, и трудностей, и ответственности. Им приходилось работать по 18—20 часов в сутки.

Воинский подвиг в проведении дезактивационных работ надолго останется в благодарной человеческой памяти.

ВЫПАВШАЯ ФОТОГРАФИЯ

Стояла ночь. В глубоком безоблачном небе мелькали мириады звезд. Зажатое со всех сторон лесом село, жители которого эвакуировались, было безжизненным.

Сержант Александр Тарасов и старшина милиции Николай Мирошниченко в который уже раз из конца в конец обходили единственную сельскую улицу, неся патрульную службу.

Они шагали по остывшей от дневной жары асфальтированной дороге, освещенной луной. Разговаривали о событиях в районе Чернобыля, о воинской службе и милицейской работе.

В селе сержант Тарасов был месяц назад, и оно с того дня стало для него близким.

Тогда воины подразделения вместе с работниками милиции помогали жителям села в их эвакуации: грузили в машины имущество и скот, помогали старикам. У одного из автобусов Александр увидел, как женщина, неловко ступив на подножку, покачнулась и стала падать. Он вмиг подхватил ее под руки, а потрепанный чемодан раскрылся, и его содержимое рассыпалось по земле. Порыв ветра подхватил выпавшие фотографии и потащил в придорожный кювет, Женщина испуганно ахнула. Александр, не задумываясь, шагнул в желтоватую лужу, собрал фотокарточки, передал их женщине. На одной из фотографий он задержался.

— Дочка? — спросил Александр.

— Дочурка моя, Галинка, — с каким-то оживлением ответила женщина. — Студентка. В Киеве учится. В педагогическом.

...Прошло еще с полчаса. Сержант и старшина собрались уходить в свои подразделения, так как время их патрулирования подходило к концу. И вдруг в доме раздался звук, похожий на падение опрокинутого ведра. Подслеповатые окна на несколько секунд осветились зажженной в доме спичкой.

За дверью послышался шум шагов, затем испуганный женский голос... Скорее всего, хозяйка, нарушив пропускной режим, пришла за вещичками. Такие случаи уже были, правда, в дневное время.

— Не бойтесь, откройте, пожалуйста, дверь, — проговорил старшина.

Заскрежетал металлический засов. Протяжно заскрипев, дверь приоткрылась, Александр нажал кнопку карманного фонарика. Лучистый сноп бросился в проем двери. Женщина пугливо прикрыла лицо ладонями. Но Александр успел ее узнать. Это была она...

Путаясь от смущения, он торопливо начал рассказ о дне эвакуации, о встрече с ее матерью, о выпавшей из раскрывшегося чемодана фотографии. О том, что все это время думал о ней, хотя и никогда не встречал, Александр умолчал.

— А как вы все-таки пробрались сюда, в запретную зону? — стараясь быть официально строгим, спросил старшина.

— Я с участниками художественной самодеятельности. Концерты для воинов-чернобыльцев будем давать. Наши ребята за селом разместились. Им палатки поставили. А я решила ночевать дома.

Александр, перебросившись с Галей несколькими словами и договорившись о встрече утром, ушел в палаточный городок.

Вечером, когда в палаточном солдатском клубе проходил концерт художественной самодеятельности, Александр с затаенным дыханием смотрел на Галю, слушал ее песни.

...ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Подразделение майора Коровина по праву считалось передовым. Самоотверженная работа его личного состава в сложных экстремальных условиях не раз отмечалась в приказах. В подразделении царили организованность, высокая дисциплина и порядок.

И вдруг — ЧП: рядовой Коваленко нанес физическое оскорбление такому же, как он, солдату Вельницкому.

Как могло такое случиться? В чем тут причина? Такими вопросами задавались все сослуживцы.

Коваленко, любимец подразделения, спокойный, не позволял себе даже грубо высказаться, не то чтобы кого-то оскорбить. Трудно было представить, что он мог обидеть товарища.

На стенде «Герои Чернобыля», стоящем у парадной линейки палаточного городка, красовался его портрет, нарисованный художником-профессионалом. Все знали, что Коваленко и Вельницкий земляки: родились и жили в одном городе, на одной улице, в одном доме, учились в одной школе, работали затем на одном заводе. И в Чернобыле оказались в одном подразделении. Казалось, их водой не разлить.

Правда, многие про себя удивлялись, как могут дружить столь разные по характеру люди: Коваленко — смелый, честный, откровенный, стремящийся к самой трудной работе по ликвидации последствий аварии, а его товарищ — скрытный, с хитрецей, на рожон не полезет, всячески избегающий работ в зоне повышенной радиации, на каждом шагу пытающийся показать свое преимущество перед сослуживцами.

На первых порах в Чернобыле за различные проступки солдат не сажали на гауптвахту: ее просто-напросто не было. Главной формой воздействия на нарушителей дисциплины и порядка было обсуждение их проступков на собраниях военнослужащих, а также лишение доверия работать в особой зоне. Последнее считалось большим позором и воспринималось особенно тяжело. Такое наказание ожидало и Петра Коваленко.

...Собрание проходило на опушке леса. Необычно звучала повестка дня: «Персональное дело рядового Коваленко». По всему чувствовалось: никто не верил, что Петр ни с того ни с сего мог так поступить со своим земляком.

А дело было так.

...Группа воинов трудилась на пункте специальной обработки техники. Среди них были и рядовые Коваленко и Вельницкий. Бригады сменялись по графику.

Отработав положенное ему время, рядовой Коваленко снял противогаз, освободился от спецодежды и направился к месту отдыха. Там его поджидал рядовой Вельницкий, выполняющий в этот день на ПУСО обязанности регулировщика.

— Намаялся, земляк? И чего ты выматываешь себя? Чего этой самой самоотверженностью добьешься? Грыжу наживешь, а то и того хуже, — заметил он.

Коваленко удивленно посмотрел на него:

— Ты о чем это? Хочешь, чтобы я работал шаляй-валяй? А долг?

— О себе думать надо, а не о долге! Поскорее убираться отсюда! Домой убираться, пока... — Вельницкий приблизился к Коваленко. Его глаза забежали из стороны в сторону. — Свой отъезд я обеспечил. Вот, посмотри.

Коваленко взял из его рук дозиметр, приставил к правому глазу, направил на солнце. Лицо его в один миг изменилось, побагровело от прилива крови.

— Где ты столько рентген набрал? — закипая от гнева, спросил он.

Вельницкий неестественно хихикнул, подхалимски наклонился к Коваленко и, прищелкнув языком, проговорил:

— Уметь надо, земляк! Хочешь — и у тебя будет столько же рентген. И вместе домой махнем...

— А как ты это сделаешь?

Вельницкий весь засиял, видимо, думая, что склонил земляка на свою сторону.

— Вон, видишь, бульдозер стоит. Он недавно со станции пришел. На нем столько зараженности, что не поддается дезактивации. Положу часиков на пять дозиметр на отвал — и готово, выписывай проездные документы до дому.

Коваленко еле сдерживался от гнева.

— Пошли к командиру! — строго сказал он.

Вельницкий рванулся к Коваленко, пытаясь выхватить у него свой дозиметр, но натолкнулся на вытянутую руку и грохнулся наземь, лицом в щебенку...

БРАВАДА

Андрей Исайкин и Иван Пелипец сдружились с первых дней службы в армии и с тех пор старались всегда быть вместе. Их подразделение участвовало в ликвидации последствий аварии на атомной станции. Ефрейтор Исайкин, как всегда, шел первым туда, где труднее, где наиболее сложная обстановка, был в числе передовиков подразделения. С перевыполнением дневных заданий работал и рядовой Пелипец, но даже здесь, в экстремальных условиях его бравада — «Мне все нипочем!» — давала о себе знать. Хвастаясь перед товарищами своей смелостью, он пренебрегал средствами противорадиационной защиты, не раз допускал нарушения правил поведения в зонах с повышенными уровнями радиации. Это выводило ефрейтора Исайкина из душевного равновесия.

— Что ты делаешь! — обратился он как-то к Пелипцу, снявшему во время дезактивационных работ респиратор и головной убор. — Перестань дурачиться, надень средства защиты. Ты же знаешь, где находишься! Твоя бравада к хорошему не приведет...

— Не так страшен черт, как его малюют! — ухмыльнулся Пелипец. — Посмотри, какая вокруг пышная весенняя природа! А ты — радиация! Опасность! Не столь высока она, чтобы на такой жаре париться в средствах защиты.

Исайкин старался опровергнуть доводы Пелипца, ссылаясь на показания контрольно-измерительных приборов и выводы ученых об опасности радиационных веществ, предупредил, что вынужден будет доложить командиру о его безобразном поведении — не помогло. Друзья поссорились.

За нарушение мер безопасности Пелипца строго наказали в дисциплинарном порядке, критиковали на комсомольском собрании и в стенной газете, но и этого оказалось недостаточно.

Ефрейтор Исайкин не мог не заметить, что хорохорился рядовой Пелипец не везде, а лишь в зонах, где уровень радиации был минимальным. «Ах, вот ты какой! Придется тебя малость проучить!» И он решил использовать еще одно средство воздействия на своего друга.

Как-то выезжали на дезактивацию одного из населенных пунктов. Асфальтированная дорога проходила через лес. Андрей знал об уровне зараженности этого места. Знали об этом и солдаты, находившиеся в кузове машины. Все плотнее затянули лямки респираторов. Только Пелипец как ни в чем не бывало сидел без респиратора, раскрыв в ухмылке белозубый рот.

«Сейчас посмотрим, какой ты герой!» — подумал Исайкин и попросил дозиметриста рядового Мачушко дать Пелипцу прибор радиационной разведки.

— Пусть сам проверит, что вокруг нас.

Пелипец обхватил ладонями металлическую коробку, зажал ее между коленями, решительно щелкнул ручкой включателя. Ожившая стрелка быстро поползла вправо, и когда ее острие остановилось, крутой лоб Пелипца покрылся испариной, задрожал подбородок, а с посеревшего, перепуганного лица ухмылку словно ветром сдуло. Он с силой натянул на взъерошенную голову фуражку, в один миг надел противорадиационную маску,

— Вот так-то лучше! — довольно проговорил Исайкин.

ГОРЕЛЫЙ ЛЕС

Этот удар по своему собственному ухарству Иван Пелипец нанес сам.

...Знойный день уступал место вечерней прохладе.

Ефрейтор Андрей Исайкин со своим другом спешили поскорее выполнить поставленную задачу и засветло вернуться в палаточный городок, раскинувшийся за околицей села. Дело было несложное — проверить линию телефонной связи, соединяющую командование части с одним из подразделений, найти и исправить повреждение.

Разрыв провода нашли километров через пять, на лесной песчаной просеке.

Быстро нарастили провод, обмотали оголенные места изоляционной лентой, перекинули по сучьям деревьев через лесную дорогу.

— Порядок! А теперь домой, то бишь в палаточный городок.

— Через лес, напрямую, — предложил Пелипец. — Напрямую — рядом, километра два, не больше. Не будем же вновь огибать весь лес.

Андрей смерил его взглядом с ног до головы.

— Нельзя, дружище! Пойдем тем же путем, каким шли сюда. Народная мудрость гласит: «Самая близкая дорога та, которую знаешь». Да и нельзя через лес — обстановки не знаем. Не исключено, что там высокий уровень радиации.

— Опять ты со своей радиацией! — перебил Пелипец и, круто повернувшись, торопливо зашагал в лес.

Ефрейтор Исайкин пытался вернуть его, взывал к солдатской совести — не помогло.

...Вернувшись в подразделение, Андрей побывал в палатке, столовой, обошел весь лагерный городок, но Пелипца не нашел. «Неужели заблудился?» — с беспокойством подумал он.

А рядовой Пелипец, углубившись в лес, вскоре наткнулся на болото, стал его обходить. Сгущались сумерки. Заблудившись, Иван долго не мог выбраться из леса

...Вокруг оказался горелый сосняк с опавшими иголками. Сердце на миг остановилось. «Что это? Да это же тот самый «рыжий» лес, погибший от радиации! — мелькнула мысль. — Говорил же Андрей! И респиратор где-то потерял!» Горло вмиг пересохло. Закрыв нос и рот носовым платком, Пелипец что есть мочи побежал по просеке в сторону видневшегося вдали зеленого массиве лиственных деревьев.

И тут невесть откуда на просеку выскочил уазик.

— Иван! — открыв дверцу, позвал Андрей. — Мы тебя давно ищем, а ты вон где. Почему бежишь?

— Ребята, уезжаем отсюда скорее! Это же тот страшный «рыжий» лес...

Андрей подошел к нему, успокоил:

— Нет, дружище, это не тот лес. Это — просто сгоревший. Здесь уровень радиации мизерный.

Пелипец устало улыбнулся.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЛАСКА

Тяжело видеть эвакуированное село. Оно безжизненно.

В нем не радуется ни пьянящий запах трав, ни буйная зелень садов, ни весело журчащая по гальке прозрачная речка. Больше всего тербит сердце, действует угнетающе на настроение отсутствие местных людей, животных. И можете представить себе удивление, когда нежданно-негаданно у самого солдатского пищеблока появился бык. Настоящий бык, со всеми его атрибутами.

Услышав его протяжный рев, солдаты высыпали из палатки, где только что закончился завтрак.

Животное остановилось метрах в двадцати от пункта хозяйственного довольствия.

Пока солдаты переговаривались, повар рядовой Миша Исаакян собрал в ведро остатки наваристой солдатской пищи, вынес из палатки.

— А ну, кто смелый?

— Пусть рядовой Иван Пелипец накормит. Недавно хвастал, что молодых скакунов в колхозе объезжал, А быка накормить — мелочь для него.

Пелипец не смутился.

— Могу и я.

Иван взял ведро, а также на всякий случай суковатую палку и стал приближаться к животному.

Став за дерево, он ткнул палкой в крутой лоб быка:

— А ну, бугаина, ешь!

Бык сердито фыркнул, рванул копытом землю, отчего далеко назад полетели комья, пригнул голову, направив на обидчика острые рога, приготовился к броску. Рядовой Пелипец вмиг оказался на дереве.

Андрей выждал минуты две и направился в сторону животного, все еще сверкающего налитыми кровью глазами.

— Стоять, стоять! — слышался его спокойный голос. — Остынь. Перестань буянить. Вот так, молодец!

Бык успокоился, оторвал от земли голову, с силой вобрал раздутыми ноздрями воздух.

Исайкин взял ведро, поднес к его морде. Бык уткнулся в ведро, жадно стал пожирать пищу. По всему было видно, что он порядком изголодался. Андрей довольно гладил его по крутой короткой шее, покрытой длинной шерстью.

— Вот что значит человеческая ласка! — пробасил скупой на похвалу прапорщик Григорий Петренко.

В ЕДИНСТВЕ СИЛА

Народ и армия — едины. В единстве — их сила. Эта истина подтверждена всей историей Советского государства. Рука об руку военнотруженики и гражданские специалисты участвовали в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Народ всегда окружал свою армию вниманием и заботой. В Чернобыле это проявилось с особой силой. С первых же дней после аварии воинские части и подразделения получали постоянную помощь от партийных, советских и хозяйственных органов, местного населения в обустройстве лагерных городков, организации их быта, в приобретении необходимых материалов для строительства медицинских учреждений, пищеблоков, клубов, парков хранения техники... Для нужд воинских частей выделялись строительные материалы, строились артезианские колодцы, поскольку из других источников воду использовать было нельзя, необходимые помещения...

Людям порой приходилось делиться последним. Проживающих вблизи тридцатикилометровой зоны беспокойства радиационная зараженность. Настроение у многих из них было не из лучших. В этих сложных условиях воинские части и подразделения не могли не прийти на помощь сельскому населению, хотя до предела были заняты дезактивационными работами на станции. Специалисты-химики по просьбе руководителей колхозов и совхозов определяли уровень радиационной зараженности лугов и полей и их пригодность к использованию, административных и жилых помещений, медицинские работники участвовали в лечении больных граждан и проведении противоэпидемиологических мероприятий, ремонтники — в восстановлении сельскохозяйственной техники... Нередко военнотруженикам приходилось садиться за рычаги тракторов, пахать землю, засеивать поля...

А как трогательно проходили, встречи военнослужащих с населением этих сел. Жители не только рассказывали о красоте родных им мест, своих думах и заботах, о горечи случившейся беды, но и интересовались жизнью и работой воинов, предлагали свою помощь продуктами.

Как-то к штабу оперативной группы подошла группа колхозников из соседнего села. Поздоровавшись, сельчане остановились под раскидистым вязом. Обращаясь ко мне, мужчина с окладистой бородой басовито проговорил:

— Мы, товарищ начальник, посоветовались с сельчанами и решили выделить для солдат картофеля. У вас, думается, его нет: май на дворе, а у нас он словно только что с поля. В погребах хорошо сохранился. Выделите машину, мы сами погрузим и привезем.

— Лучше нашего картофеля во всей округе не сыщете. На песчаных землях выращиваем.

Предложение колхозников растрогало нас.

— Большое спасибо вам. наших солдат кормят очень хорошо. Они ни в чем не нуждаются, — ответил я.

Свежего картофеля у нас тогда действительно не было. Питаться пока приходилось в основном консервированными продуктами, крупами и макаронами, но калорийность их была очень высокой. Военнослужащие получали в сутки 250 граммов мясных продуктов, 70 граммов сливочного масла, столько же сахара... Полевым хлебозаводом выпекался отменный хлеб. Страна для чернобыльцев продуктов не жалела. Люди на питание не жаловались. Свежий картофель, конечно же, не был бы лишним, но мы не могли его взять, зная, в каком положении оказались сельские жители. Но как отбиться от такой настойчивости колхозников, чтобы не обидеть их? Пришлось пригласить в столовую, накормить солдатским обедом, показать, чем и как кормят военнослужащих. Только после этого они «смирились». Правда, в некоторые подразделения без договоренности с нами жители сел привозили картофель и капусту, оставляли затаренные ими ящики и мешки у пищеблоков и уезжали. Уговоры командиров и хозяйственников забрать продукты обратно успеха не имели: «Мы должны хоть чем-то отблагодарить воинов за оказываемую нам помощь».

Теплота и внимание местного населения к воинам-чернобыльцам не только повышали их моральный настрой, но и способствовали более успешному выполнению поставленных задач по ликвидации последствий аварии. Со своей стороны военнослужащие старались сделать все возможное, чтобы облегчить участь людей, попавших в беду. Как только был открыт счет по сбору средств эвакуированному населению, они сразу же откликнулись на эту патриотическую акцию. Первоначально не рекомендовалось принимать пожертвования от военнослужащих. Разъяснялось в этой связи, что самая лучшая помощь чернобыльцам с их стороны — участие в ликвидации последствий аварии. Но солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры решительно настаивали на внесении своей лепты в фонд помощи пострадавшим от аварии. Многие из них стали изыскивать возможность самостоятельно отправлять переводы на счет №904. Пришлось этому порыву придать организованный характер. В подразделениях провели митинги и беседы. Военнослужащими только нашей оперативной группы было внесено в фонд помощи около тридцати тысяч рублей.

Руководители местных органов, ученые, деятели науки и искусства, лекторы общества «Знание» принимали деятельное участие в проведении политико-воспитательной и культурно-массовой работы в воинских коллективах. В начале мая

1986 года Киевские областной и городской комитеты партии, Центральный Комитет Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Украины совместно с политическим управлением Краснознаменного Киевского военного округа и политотделом оперативной группы определили целевые мероприятия по этим вопросам, в районных комитетах партии, на территории которых временно разместились воинские части и подразделения, были проведены совещания руководителей предприятий, колхозов и совхозов, пропагандистского актива совместно с командно-политическим составом.

В майские дни 1986 года в воинских частях побывали многие партийные и советские работники из Москвы и Киева, областей и районов. Но особенно запомнились беседы первого секретаря Киевского областного комитета партии Г. И. Ревенко, первого и второго секретарей комитетов партии Чернобыльского района А. Н. Амелькина и В. М. Мерненко. Их рассказы об атомной станции, о причинах и масштабах ее аварии, радиационной обстановке в области и районах, о понесенном материальном ущербе помогали военнослужащим глубже осознать важность поставленных перед ними задач и свое место в их выполнении.

Над воинскими коллективами, находящимися в Чернобыле, взяли шефство Центральный Комитет ВЛКСМ, Центральный Комитет комсомола Украины, комсомольские органы ряда других республик и областей. Их помощь и внимание ощущались каждодневно. От комсомольских комитетов в воинские коллективы были доставлены тысячи книг художественной и политической литературы, большое число телевизоров и радиоприемников, музыкальных инструментов, настольных игр и спортивного инвентаря... В короткие часы отдыха, хотя они были редкими, воины имели возможность послушать музыку, посмотреть телепередачу, поиграть в шахматы, волейбол... По инициативе комсомола республик поступали, хотя и недостаточно регулярно, газеты и книги на национальных языках, широко используемые для воспитания и сплочения многонациональных воинских коллективов.

Заряд оптимизма вносили встречи воинов с комсомольскими работниками — от райкома до ЦК ВЛКСМ. Деловой получилась встреча с первым секретарем ЦК ВЛКСМ Виктором Максимовичем Мишиным и первым секретарем ЦК комсомола Украины Виктором Ивановичем Мироненко. Перед этим они побывали на объектах дезактивации, в палаточных военных городках, столовых, на пунктах обслуживания техники, беседовали с воинами об их жизни и быте, интересовались состоянием и действенностью комсомольской работы. На встрече армейские комсомольские руководители и рядовые члены ВЛКСМ рассказали им, что земля Чернобыля, как и земля Афганистана, стала местом массового героизма комсомольцев, воинов восьмидесятых годов. Каждый из них полон устремленности как можно лучше и полнее выполнить правительственное задание, обуздать радиационную опасность, вернуть к жизни Чернобыльскую АЭС. Приводились яркие примеры.

По две дневные нормы на дезактивации внутреннего помещения энергоблока выполнял Владимир Чеботарев. Неоднократно возглавлял группы воинов на дезактивации объектов, снятии и захоронении зараженного грунта старший лейтенант Анатолий Моргун, бывший работник ЦК комсомола Украины, проявляя смелость и отвагу. По 15—16 часов в сутки поддерживала связь в экстремальных условиях отважная телеграфистка Галина Мартич. Подлинный героизм проявил со своими подчиненными лейтенант Вадим Злобин, участвуя в проведении радиационной разведки и откачке воды из-под разрушенного реактора. Старший инструктор комсомольского отдела политуправления Краснознаменного Киевского военного округа майор Сергей Колесник

работал на объектах дезактивации, показывая личный пример смелости и самоотверженности...

Подлинно своими в воинских коллективах были секретари Центрального Комитета комсомола Украины Валерий Цыбух и Валерий Борзов, которые часто целые дни проводили среди воинов. Они выступали на семинарах комсомольских работников воинских частей и подразделений, на собраниях комсомольского актива, беседовали с молодежью на объектах дезактивационных работ, вручали передовым комсомольским организациям Красные знамена, а членам ВЛКСМ — подарки и Почетные грамоты.

У воинов-чернобыльцев бывали комсомольские работники города Москвы, Московской, Ленинградской, Горьковской, Ивановской, Донецкой, Днепропетровской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Черкасской, Кировоградской, Сумской, Одесской и некоторых других областей. Они рассказывали им о жизни и ходе перестройки в своих областях, городах и селах, интересовались, как воины-земляки выполняют поставленные перед ними задачи.

Как свою личную беду восприняли нагрянувшую трагедию в Чернобыле писатели, журналисты, художники, деятели науки и искусства. Разрушенный реактор еще продолжал «дымить», а они стали приезжать в тридцатикилометровую зону, смело лазили по объектам дезактивации, встречались с людьми, интересовались их работой, жизнью, бытом и настроением. В самые жаркие послеаварийные дни в особой зоне побывали известные литераторы Борис Олейник, Юрий Щербак, Вадим Шкода, Юрий Ермаш, Иван Чумак и многие другие. Их первые, небольшие по объему рассказы о Чернобыле, стихи и очерки, вышедшие по горячим следам и повествующие о мужестве и человеческом достоинстве советских людей, воинов Вооруженных Сил, с интересом и признательностью читали чернобыльцы. Позднее о чернобыльских событиях появятся толстые книги, но первые публикации были для нас самыми дорогими и близкими.

Добрыми и теплыми были встречи литераторов с воинами-чернобыльцами. Помнится, как Вадим Шкода, взглядываясь в загорелые обветренные лица военнослужащих, открывая одну из встреч, подчеркнул, что единство армии и народа всегда было основополагающим в решении самых трудных задач. Ныне это еще раз показали чернобыльские события. Писатели, как и все советские люди, близко к сердцу приняли боль Чернобыля и в одном ряду с воинами своим оружием-словом вели настойчивую борьбу за выполнение правительственного задания.

О своих творческих планах, об увиденном в воинских коллективах рассказали на встрече с воинами Юрий Ермаш и Константин Степанов. Бывали у воинов и другие писатели и поэты, посвятившие их подвигу свои произведения. В Чернобыле проникновенно звучали строки поэта Юрия Кириллова из стихотворения «Выдержим и выстоим»:

...Народ работает —
Сдержан и силен.
Трудною заботою
Каждый поглощен.
Атом необузданный
Надо усмирять,
Клеветой разнузданной
Нас не замарать.
Небылицы разные
Быстро отшумят.

Будет полно сказано,
Кто бросался в ад,
Кто без колебания
Шел к огню-врагу,
Кто просил задания
сложные: «Смогу!»
...Генерал над картою —
Словно в дни войны,
Слышит пульс реактора,
Слышит пульс страны...
А какой весомости
Опыт этих дней!
И проверка совести,
И борьба идей...
Коль в труде неистовы
Руки и умы —
Выдержим и выстоим:
Оптимисты мы.

Полюбилась чернобыльцам и поэма Леонида Горлача «Гнездо», в которой так тонко уловлена чернобыльская беда, постигшая людей. Нашлись в поэме добрые слова о мужестве пожарных и радиационных разведчиков, о вертолетчиках и бойцах дезактивационного фронта, воинах-водителях, командирах и отважных женщинах.

Правдивые и эмоциональные произведения Бориса Олейника «Дорога на Чернобыль», Виктора Задворного «Тверже смерти», Евгения Евтушенко «Внутрь пожара», Василия Моргуна «Люди особой зоны», Юрия Щербака «Суровая проверка», Вадима Шкоды «Разведчики идут первыми», Николая Беловола «Вертолетчики», Константина Степанова «Люди высокого долга», Галины Ковтун «Жили, как лебеди» и другие стали у чернобыльцев исключительно популярными, зовущими на труд и подвиг.

Немало хлопот доставляли нам вездесущие журналисты центральных и военных газет, радио и телевидения. Каждого требовалось разместить, переодеть в «чернобыльскую» одежду, обеспечить средствами защиты и радиационного контроля. Но встречаться и работать с ними было приятно. В штабах оперативной группы и воинских частей они не задерживались, торопились поскорее попасть туда, где шла трудная и небезопасная борьба с атомной стихией. С завидной смелостью журналисты и фоторепортеры облетали на вертолетах разрушенный реактор, часами мотались на бронетранспортерах с экипажами, проводящими радиационную разведку, встречались с военнослужащими на дезактивации станционных помещений, населенных пунктов, техники, хоронящими «рыжий» лес и остатки взрыва... Они изучали обстановку в воинских коллективах, взаимоотношения воинов различных специальностей и национальностей, особенности работы командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций в экстремальных условиях. Журналисты одними из первых находили крупницы передового опыта, примеры мужества и самоотверженности военнослужащих при ликвидации последствий аварии. Их оперативные публикации в периодической печати ожидали в воинских коллективах. Спрашиваете почему? Да потому, что в них без натянутости и фальши говорилось о нелегких буднях чернобыльцев. Особенно трогали солдатские сердца своей искренностью статьи и

очерки Л. Вириной, В. Губарева, М. Одинца, В. Филатова, А. Полякова, С. Дубровина, В. Дмитриева...

А с каким интересом военнослужащие слушали радио и смотрели телепередачи о черновыльских делах, особенно те, в которых имелись армейские адреса!

Героика черновыльских дней запечатлена и на полотнах художников, написанных непосредственно на местах дезактивационных работ военнослужащих и в палаточных городках. На них — лица наиболее отличившихся участников ликвидации последствий аварии: генералов, офицеров, прапорщиков, солдат, служащих Советской Армии. Член Союза художников СССР, старший преподаватель кафедры графики Харьковского художественно-промышленного института офицер запаса О. А. Векленко прибыл в район Чернобыля вскоре после аварии. Вместе с солдатами и сержантами участвовал в проведении дезактивационных работ на атомной станции. Одновременно Олег Анатольевич, став армейским культпросветработником, не забывал и о призвании художника. Его кисти принадлежит более тридцати портретов и рисунков. Художник мастерски схватил характеры воинов-черновыльцев.

Вот мужественно смотрит с полотна Мимикон Андриасян — студент Харьковского государственного университета. Срочную службу он проходил в химической части. Когда произошла беда в Чернобыле, как специалист-химик пошел в военкомат и попросился направить его на ликвидацию последствий аварии. Мимикон работал на самых ответственных участках в зонах радиационной зараженности, проявил при этом смелость и самоотверженность.

Олегом Анатольевичем написаны портреты командира взвода специальной обработки старшего лейтенанта В. Приступы, начальника оперативной группы генерал-майора А. Кивы, старшего техника роты секретаря ротной партийной организации старшины И. Мирошниченко, командира роты старшего лейтенанта Н. Уксусова, заместителя командира роты по политической части лейтенанта П. Гузенко, водителя ефрейтора С. Гойденко, комсомольского работника С. Колесника...

Военная тематика давно и прочно завоевала место в творчестве Олега Анатольевича. Еще в годы солдатской юности он создал целую галерею портретов воинов-авиаторов, достойно продолжающих боевые традиции фронтовиков.

Черновыльские портреты и рисунки художника экспонировались на выставках в воинских частях, в Черновыльском Доме культуры, в Киевском окружном Доме офицеров, в ряде учреждений городов Киева и Харькова. На республиканском конкурсе «Землю и песню свою защитим» художник О. Векленко стал лауреатом.

Частыми гостями у воинов были творческие коллективы артистов. В первые месяцы после аварии выступали концертная бригада Киевской государственной филармонии с участием народной артистки СССР Д. Петриненко, народного артиста УССР А. Паламаренко, артисты многих театров Украины, мюзик-холла, госцирка, укрконцерта, известные мастера сцены народные артисты СССР А. Роговцева, Ю. Богатиков, народные артисты УССР Н. Крюкова, Н. Олянина и другие. С большим интересом посмотрели черновыльцы яркое выступление военных ансамблей песни и пляски.

В составе бригад Москонцерта проникновенно выступил перед черновыльцами народный артист СССР, лауреат Государственной премии и премии Ленинского комсомола Иосиф Кобзон. Солдаты и офицеры любят его песни об армии и воинском долге, героизме и мужестве. Присущие только его манере исполнения, они затрагивают

самые сокровенные струны души, заставляют слушателей снова и снова задуматься о своей гражданственности, о нравственных категориях любви к Родине, чувстве долга и человеческом благородстве,

В большой праздник народной песни вылилась встреча чернобыльцев с солистами хора «Дунавски звуци» из Народной Республики Болгарии. Артисты хора стали первыми зарубежными гостями воинов, участвующих в ликвидации последствий аварии. Они принимались с большой теплотой и сердечностью.

В воинские коллективы, находящиеся в Чернобыле, приезжали ветераны Великой Отечественной войны и труда из Киева, Иванковского, Полесского районов и других мест.

Командованию воинских частей и подразделений приходило множество писем от местных партийных и советских органов, предприятий и учреждений, в которых они обращались к воинам-землякам с призывом сделать все возможное для ликвидации последствий аварии. «Дорогие друзья! — писали партийный, профсоюзный и комсомольский комитеты одного из харьковских предприятий. — Вы выполняете трудную, но благородную задачу — мужественно боретесь со стихией атома, страшной и опасной силой, помогаете людям, попавшим в беду... Уверены, что вы и дальше будете трудиться как подобает рабочему человеку, патриоту и гражданину...»

Подобные письма приходили из многих республик и областей. Они, как правило, зачитывались перед строем подразделений, и это оказывало положительное воздействие на настроение и трудовой подъем людей. Важную роль играли и ответные письма военнослужащих своим землякам, а также сообщения командования оперативной группы и воинских частей о достойном выполнении военнослужащими своих обязанностей и самоотверженной работе в Чернобыле родственникам, на места их бывшей работы и учебы. В одном из таких сообщений в Черниговский горком партии и горисполком говорилось: «С чувством удовлетворения сообщаю, что военнослужащие, призванные из вашего богатого революционными и трудовыми традициями города достойно выполняют правительственное задание по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, проявляя при этом смелость и самоотверженность. А. Кива». В письме перечислялись десятки фамилий.

А с каким интересом воины-чернобыльцы читали стихи и пели песни, получаемые из родных мест! Вот строки одного из таких стихотворений казахского поэта Бахытжана Канапьянова.

...И там наряду со всеми
В трудное это время
трудятся неустанно
парни из Казахстана.
Если сказать попроще,
без лирики и тумана,
дезактивируют рощу
и деревушку с поляной
парни из Казахстана,
парни из Казахстана.
Смывают с земли частицы
распавшегося урана...
Мне не забыть ваши лица,
парни из Казахстана.

...Вот чувство семьи единой —
расчета в нем нет и плана.
Украинский куст рябины
вам близок, как степь с кургана,
парни из Казахстана,
парни из Казахстана.
И там наряду со всеми
в тревожное это время
к цели идут неустанно
парни из Казахстана,
парни из Казахстана.

Ликвидация последствий аварии, проведение дезактивационных работ часто требовали механизмов, оборудования, материалов, которые промышленностью ранее не производились, поскольку ранее в них не было необходимости. На помощь воинским частям в их изготовлении незамедлительно приходили промышленные предприятия.

В период «запаковки» разрушенного реактора вертолетчикам потребовались специальные замки для внешней подвески тяжелых грузов — заполненных песком тормозных парашютов и связок мешков. Таких замков-подвесок в практике не существовало. За их изготовление в срочном порядке взялись предприятия Киева и Чернигова. Бригады на них работали круглосуточно. Уже в первый день их было изготовлено несколько сотен.

Для приготовления дезактивационной смеси, предназначенной для покрытия обочин дорог и пылеобразующих площадей, надо было в самое сжатое время сконструировать и изготовить специальные печи с многокубовыми емкостями. Задание было поручено Киевскому механическому заводу. Об этом руководство предприятия узнало в конце рабочего дня. Срочно были собраны специалисты — инженеры и рабочие. Уговаривать никого не пришлось: раз надо для Чернобыля, будем работать столько, сколько нужно. Двое суток люди не уходили с рабочих мест. И вот агрегаты отправлены в Чернобыль.

И такие примеры исчислялись десятками.

А сколько радости вызывали у воинов приходившие в части посылки от женсоветов различных гарнизонов и от школьников, из учреждений! Кроме предметов первой необходимости в каждой — письма с добрыми пожеланиями здоровья и успехов в многотрудной работе. Посылки вскрывались, как когда-то в войну, коллективно, а письма зачитывались перед подразделениями,

Да, ликвидация последствий аварии на Чернобыльской АЭС поистине стала общенародным делом. Большое горе еще больше укрепило единство армии и народа. Общенародная забота о воинах-чернобыльцах звала их на смелые и решительные действия в борьбе со стихией атома.

Тридцатикилометровая зона вокруг Чернобыльской АЭС. На первый взгляд, она тогда ничем не отличалась от окружающей ее местности. Такие же населенные пункты, застроенные современными кирпичными домами с железными и шиферными крышами, беленькими хатами, утопающими в зелени садов. Такие же поля, выпасы и перелески, пруды, речки, каналы и ручьи. Такой же прозрачный воздух, напоенный весенней свежестью. И если бы не многорядье колючей проволоки, не контрольно-пропускные пункты, не сигналы «Стоп!» и не желтые флажки с указателем «Заражено!» у дорог и лесных просек, пожалуй, никто бы и не подумал, что это — особая зона, земля, подвергшаяся наибольшему радиационному заражению.

Теперь здесь только военные да гражданские специалисты в спецодежде и противорадиационных масках. Авария сделала эти красивейшие места безлюдными. Сердце щемило при виде осиротевших, замерших сел и деревень, опустевших от всего живого полей.

Сразу после прибытия в Чернобыль обстановка была не столь угнетающей, какой стала через несколько недель.

Время шло, и все печальнее приходилось смотреть на окружающее. Зарастающие сорняками огороды, брошенные и тоже покрывающиеся сорняками поля, все больше смолкающий птичий перезвон до боли теребили сердце и душу. От виденного настроение военнослужащих, видимо, как и всех чернобыльцев, падало. Приходилось быть свидетелем трогательного отношения воинов к сельской природе и животным, оказавшимся на краю жизни и смерти.

Как-то в штаб оперативной группы вбежал запыхавшийся, расстроенный солдат и возбужденно выпалил:

— Скорее, там во двор дома пошли! В тот, который рядом с палатками!

Солдат, конечно же, поступил правильно, прибежав к нам. Эвакуируясь, люди взяли с собой лишь самое необходимое, надеясь на скорое возвращение. Нажитое трудом имущество осталось в домах и дворах. Военнослужащих, выезжающих на дезактивацию населенных пунктов, командиры и политработники постоянно предупреждали, чтобы бережно относились к народному добру, не допускали порчи, а тем более его хищения. Солдаты и сержанты совместно с работниками милиции нередко несли патрульную службу в населенных пунктах, следя за тем, чтобы туда не проникли любители легкой наживы... Такие любители нет-нет да появлялись...

Направляюсь по указанному адресу. Открываю ветхую калитку покосившегося забора и не верю своим глазам... Человек десять военнослужащих, ползая на коленях, пропалывают грядки клубники и овощей, по- хозяйски вырывая каждую былинку сорняков. Увидя меня, сержант Мелешко, оказавшийся старшим по воинскому званию в группе, подал команду «Встать!» и несколько растерянно доложил:

— Группа воинов работает на огороде! — Сержант в замешательстве помолчал и, видя, что я не высказываю осуждающих слов, продолжил:

— Извините нас, решили огород прополоть. Без прополки сорняк сгложет весь урожай.

— Если нужно, мы и другие огороды прополем, — вмешался в разговор низкорослый солдат с узким обветренным лицом.

С такой же просьбой обратились и другие солдаты.

Я задумался, не зная, что ответить. Их поступок до слез растрогал меня. За свою многолетнюю службу не раз приходилось видеть, как, рискуя жизнью, воины выносили из горящих домов детей и стариков, вступали в смертельную схватку с вооруженными преступниками, спасали утопающих... Но чтобы такое!.. Стоящие передо мной солдаты, как и все мы, не знали, вернутся ли эвакуированные люди в родные места, но страстно хотели этого и старались облегчить их участь.

Пришлось ребят похвалить за разумную инициативу и одновременно посоветовать работать на земле в перчатках.

Беспроволочная солдатская связь быстро разнесла весть о прополке огорода. Теперь и в других селах приходилось встречаться с подобными фактами человеческого благородства.

Готовясь к дезактивации населенного пункта, с группой воинов при входе во двор одного из стареньких домиков услышали протяжный стон. Да-да, настоящий стон, похожий на стон тяжело больного человека, от которого похолодело тело, спазма сковала грудь. «Не человек ли там?» — резанула мысль. Заспешили в сарай и увидели такую картину. Прямо в навозной жижи лежал костлявый подтелок. Его голова с остекленевшими, потухающими глазами была плотно прижата к земле, как палки, торчали вытянутые ноги. Один из солдат мигом принес ведро воды. Влили живительной влаги в полураскрытую глотку с окровавленным языком. Полумертвое животное зашевелилось, беспомощно попыталось поджать ноги, чтобы встать. Напоив, солдаты приподняли подтелка, вынесли на зеленый лужок. Нарвав нежной весенней травки, стали небольшими порциями совать в его зубастый рот...

Этот печальный случай натолкнул нас на мысль промерить все колхозные и частные дворы перед их дезактивацией, выпустить на волю оставшихся животных. Делали это вместе с работниками милиции. Обнаружили не одну голову. Видимо, кое-кто надеялся быстро возвратиться из эвакуации.

Находили и вполне здоровых животных. Некоторые предусмотрительные хозяева оставили своей живности корм и воду, и они на несколько дней были избавлены от голода.

Помнится, зашли в один из дворов, по которому на привязи ревно носился бородатый козел с поджарым, мок у гончей собаки, брюхом.

Впоследствии животных забрали возвратившиеся за ними хозяева.

Почти в каждом дворе участников дезактивационных работ встречали различных мастей и пород собаки. Солдатские сердца наполнялись чувством боли и жалости, тяжело было от беспомощности в отношении их. Ведь и в лучшем случае мы могли бросить им кусок хлеба, но даже выпустить их на улицу не всегда представлялась возможность. Целые стаи собак постоянно паслись у солдатских пищеблоков, но далеко не всем из них перепала кость. Остатки пищи вывозились близлежащими колхозами и совхозами на корм скоту.

Так уж устроена жизнь, что человека как магнитом тянет к животным. Это и понятно. Любовь к ним формируется с детства, в процессе всей жизни. В безлюдной тридцатикилометровой зоне это ощущалось с особой силой. Даже при встрече с самой невзрачной собачонкой, не говоря о других животных, каждому хотелось погладить ее, по возможности покормить, облегчить собачью участь, созданную чернобыльской ситуацией, хотя из-за радиационной зараженности трогать животных руками не разрешалось.

Однажды с группой корреспондентов приехали в город Припять, на место проведения дезактивационных работ. Только вышли из бронетранспортера — подбежала ласково виляющая хвостиком лохматая собачонка с набегающей на глаза длинной черно-рыжей шерстью.

Присев на корточки, корреспондент стал поглаживать это милое создание природы по головке. Собачонка от удовольствия несколько раз лизнула его кисть. Я отвел корреспондентскую руку в сторону, предупредив, что этого делать нельзя. Бросив несколько недовольных слов, он спросил: «Почему?» И опять стал поглаживать животину. Находившийся рядом дозиметрист сунул под лохматое брюшко собачки клюшку дозиметрического прибора. Стрелка показателей облученности вздрогнула и быстро побежала вправо. Журналист рывком отдернул свою кисть от собачонки, словно по ней ударило током.

Нередки были случаи радиационной переоблученности собак. При дезактивации территории станции к военнослужащим несколько раз подбегала низкорослая овчарка. Ее вид был отпугивающим. На боках и брюхе клочьями свисала шерсть. На теле местами виднелись облысевшие пятна. Собака, видимо, побывала вблизи разрушенного реактора.

В связи с аварией в Чернобыле доля домашней птицы оказалась особенно тяжелой. После эвакуации населения практически все куры, гуси и утки остались на месте. В майские и июньские дни 1986 года в селах масса кур, гусей и уток по утрам высыпали из дворов на улицы и огороды. Потом их становилось все меньше и меньше...

Вслед за эвакуированными людьми стали покидать насиженные места многие виды птиц, всем своим существом привязанные к человеческому жилью. Не стало в селах голубей и горлинок, с каждым днем уменьшалось число воробьев. Видимо, в поисках пищи они перекочевали туда, где обитают люди. Меньше стало и лесных пернатых. Правда, ворон, как нам казалось, даже добавилось. На своих местах вплоть до осени оставались и величественно-красивые аисты, безбоязно шествующие у болот, высматривая добычу.

На территории «рыжего» леса валялись погибшие птицы и грызуны. Пострадали и более крупные животные. Под вечер 15 мая на одной из опушек леса прямо перед машиной на дороге оказался олень, истощенный, потерявший резвость и пугливую настороженность, еле передвигающийся на подкашивающихся ногах. Его шатало из стороны в сторону, Голова клонила к земле. Незрячие глаза не закрывались облезшими веками. На звуковые сигналы животное не реагировало, И только тогда, когда машина приблизилась к нему вплотную, олень сошел с дороги и, натыкаясь на деревья и кустарник, медленно углубился в заросли. Дни его были сочтены.

Не могу не рассказать и еще об одном печальном факте.

К начальнику нашей оперативной группы дней через пятнадцать-двадцать после аварии обратился озабоченный гражданин:

— Товарищи военные, помогите! Не придумая, что делать. Я работник общепита. Из Припяти. Видите, какое получилось дело: на базе после эвакуации населения осталось большое количество скоропортящихся продуктов — мяса, рыбы, яиц... Из-за отсутствия электроэнергии они испортились. Помогите их вывезти...

Через часа два группа военнослужащих была в Припяти, на базе. Открыли неработающие холодильники — и пришлось срочно надевать противогазы: тошнота подступала к горлу.

Операция по вывозу и захоронению испортившихся продуктов была не менее сложной, чем дезактивация объектов в самых экстремальных условиях, особенно в психологическом плане. Пока солдаты загружали самосвал, казалось, проходила целая вечность. Сердце щемило и тогда, когда продукты зарывали в землю.

ПУРГА

Таких капризов природы не помнят старожилы этих мест. В течение нескольких дней хлопьями валил снег, укутав землю пухлым покрывалом метровой толщины. Осложнилась жизнь лагерного городка, в котором разместились военнослужащие. То и дело приходилось обметать палатки, окапывать их по бокам, чтобы талая вода не затекала внутрь. Между палатками, парком автомобильной и специальной техники, клубом и столовой солдаты прокопали широкие траншеи, которые непрерывно очищались.

Обильный снегопад сменился резким похолоданием. Температура понизилась до двадцати градусов. Замерзшие деревья трещали от холода.

Ежедневно с рассветом бульдозеры и скреперы пробивали полосу дороги, и вслед за ними колонны машин с личным составом уходили на места дезактивационных работ. Так было и в этот день. Оставшиеся в лагере люди продолжали свое дело. Все шло по распорядку дня. Прапорщик П. И. Охрименко готовился вместе с поварами развезти обед, но вдруг случилось непредвиденное. Погода резко изменилась. Завыл северный ветер. Завихрилась снежная поземка. Ураганный ветер неистовствовал, рвал палатки.

— Надо поторапливаться, пока не замело дорогу! — беспокоенно сказал прапорщик.

Водитель рядовой Ата Велитжанов подогнал машину к входу в столовую и стал помогать поварам и кухонному наряду загружать тяжелые термосы с горячей пищей. Закончив погрузку, прапорщик приказал Николаю Гостеву и Петру Павленко вместе с ним ехать на объект.

Пять километров до ближайшего села пробивались полтора часа. При въезде в село дорогу перегородил длинный сугроб, с гребня которого слетали снежные вихри.

Тяжелая машина преодолела половину сугроба и остановилась. Водитель сдал назад, потом ЗИЛ вновь подался вперед, но тщетно. Прапорщик и солдаты взялись за лопаты. Минут через пятнадцать тронулись дальше.

На повороте сельской улицы встал новый сугроб, еще более широкий, чем первый.

— Проскочим, товарищ Велитжанов?

— Нет, товарищ прапорщик. Я никогда не водил машину по такому снегу. Да и за баранкой-то всего несколько месяцев! — признался водитель.

Прапорщик на какое-то время задумался.

— Давай-ка, я попробую! Как-никак, мой водительский стаж за пятнадцать лет перевалил.

Поменялись местами. Прапорщик снял перчатки, дыхнул на озябшие руки, включил первую передачу, охватил широкими ладонями рулевое колесо. Машина сразу почувствовала опытную руку: ровнее заработал двигатель.

Прапорщик старался поскорее вывести машину из села, за которым, как полагал, снежная обстановка будет легче. Сделать этого не удалось и ему. В очередном сугробе ЗИЛ безнадежно засел. Вытащить его своими силами было невозможно.

— Вот теперь приехали окончательно, — вывалившись из кабины, сердито буркнул прапорщик. — Пришвартовались накрепко.

Зашли в расположившийся невдалеке пустующий скотный двор, чтобы, укрывшись от метели, отогреться малость в затишье.

— Вот это пурга! — нарушил молчание рядовой Ата Велитжанов.

— Что будем делать? — спросил прапорщик, — И сам предложил:

— Думаю, сидеть и ждать подмоги — только время потеряем. Идти за гусеничным бронетранспортером бесполезно. По такому снегу и он не пройдет. Поступим так, как делали в годы Великой Отечественной войны. Возьмем часть пищи на плечи и пойдем на станцию. Дорога хоть и проселочная, но обсажена. Не заблудимся. Сил на такую пешеходную прогулку, думается мне, у нас хватит, хотя не утихает пурга, глубокий и рыхлый снег на пути, ветер с ног валит.

— Дойдем! — решительно поддержали солдаты. — Ребят же накормить надо! Они и так, наверное, заждались нас!

Прапорщик посмотрел на часы:

— Часа через два можем быть на месте. Поздновато, но что поделаешь...

— Обед можно доставить полностью! И не на горбу! — с подъемом в голос проговорил рядовой Гостев, — Когда заходили во двор, я заметил приставленные к стене настоящие сани. Позаимствуем на время, перегрузим на них термосы и ящики и...

Прапорщик похвалил солдата за разумное предложение.

Быстренько перегрузили продукты, термосы обложили пахучим сеном. Двое впряглись в связанные поясным ремнем оглобли, а двое толкали «возок» сзади. «Экипаж» тронулся в нелегкий путь.

Ураганный ветер хлестал безжалостно, пронизывая до костей каждую клеточку. Казалось, еще чуть-чуть усилится и унесет людей вместе с «возком». Заледенелые крупинки, словно свинцовая дробь, били в лицо...

Прапорщик видел, что солдаты выбиваются из сил, сердцем и душой чувствовал, как им тяжело. Сам он, в прошлом спортсмен, чемпион округа по бегу на большие дистанции, отсутствием выносливости не страдал. Но сегодня устал до предела.

Объект в бурлящей снежной круговерти вырос внезапно. В пути прапорщик думал, глядя на солдат: «Придут, свалятся с ног на пол от усталости». Ан нет! Ребята быстро сбросили с себя смерзшиеся куртки, смахнули с шапок и валенок снег и принялись за раздачу пищи.

Помещение наполнилось солдатскими возгласами и смехом.

* * *

Все дальше и дальше отдаляет нас время от тех страшных событий, которые произошли на Чернобыльской атомной электростанции. Но не изгладятся в памяти народной те роковые дни. Чернобыль — это наше неизбывное горе, нежданно свалившееся на плечи людей. Вместе с тем Чернобыль — это и твердость советского народа, его сплоченность и мужество, проявленные в борьбе со стихией атома.

Трагедия на атомной электростанции стала нелегким испытанием для воинов, как и для всего нашего народа. Но солдаты и офицеры шли на самые опасные места, как всегда, в авангарде. Боль Чернобыля не снимается с повестки дня.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Все дальше и дальше отодвигает нас время от той апрельской ночи 1986 года, когда мирный, как мы его привыкли называть, атом вырвался из повиновения, чтобы жестоко отомстить нам за нашу некомпетентность, наш низкий профессиональный уровень, за нашу преступную халатность. Время отодвигает и отодвигает нас от опасных последствий чернобыльской катастрофы, но даже оно, исцеляющее самые страшные раны, бессильно обезопасить нас: большая беда настигла людей, она же поджидает их впереди.

О чем это? О том, что знает сегодня даже школьник, внимательно прочитавший учебник: период полураспада некоторых нуклидов занимает десятки, сотни, а то и тысячи лет. А это значит, что подвергается опасности жизнь людей не только нынешнего поколения.

И ее, эту опасность, не отведешь никакими денежными и материальными компенсациями, потому что радиус ее действия не только в тридцать километров, но и в тысячу лет. Действия физического, морального, психологического. За то время, что успело встать между нами и чернобыльской катастрофой, одни умерли, другие умирают, даже не всегда зная о том, что умирают, третьи рожают обреченных...

Вот таковы последствия взрыва на четвертом блоке Чернобыльской АЭС. Признаем мы их или не признаем, осознали или не осознали — они есть, существуют в географических, скажем так, и временных пределах.

Есть последствия и экономического порядка. Я не знаю точной цифры, их выражающей, но все мы знаем, что значит для нас она, эта, несомненно, астрономическая цифра, сильно усложнившая нашу сегодняшнюю жизнь. А впрочем, надо полагать, потому и разразился этот кризис, что слишком много было у нас «чернобылей». Так много, что не вынесла даже наша страна, располагающая величайшими запасами природных богатств. Вот и стала опасной для жизни человека не только зона в тридцатикилометровом радиусе с центром на Чернобыльской АЭС. Потому приходится, хочешь не хочешь, проявлять чудеса героизма.

Один очень, по-моему, неглупый человек заметил как-то, что героизм довольно часто представляет собой оборотную сторону чьего-то низкого профессионализма, преступной халатности. Тому, говоря словами баснописца, в истории мы тьму примеров слышим... Вот только один пример, вынудивший нас проявить героизм при ликвидации последствий чернобыльской аварии.

В Украинском научно-исследовательском институте научно-технической информации при Госплане УССР в том же 1986 году, глубокой осенью, правда, мне показывали объемистую папку, в которой собраны разработки рационализаторов. Построив три блока Чернобыльской АЭС, на четвертом они решили проявить свои бьющие через край способности. Исходя из накопленного якобы опыта, что-то

упростили, что-то упразднили и таким образом «сберегли для государства» аж 84 (если мне не изменяет память) тысячи рублей. О действительных результатах той «рационализации» все теперь знают.

Итак, мы пытаемся заглянуть внутрь «саркофага», в котором «хранятся» причины чернобыльской катастрофы. Разумеется, назвать и обосновать их под силу только специалистам. Нам же, неспециалистам, видно только то, что лежит, так сказать, на поверхности. Да и то мы не всегда умеем осмыслить. Потому, образно говоря, обжегшись на молоке, начинаем дуть на воду. Ну, к примеру, ставим под сомнение само право на существование атомных электростанций. Но при этом не утруждаем себя необходимостью познакомиться с опытом иных государств.

Во Франции, например, более восьмидесяти процентов всей вырабатываемой электроэнергии приходится на долю АЭС. Но черная тень радиоактивного заражения поднялась над Днепром, а не над Сеной. Почему?

Причин, опять же, несколько. Но первоначальной мне представляется следующая. Привыкнув управлять двигателем в одну лошадиную силу, мы, сменив его на миллионносильный, психологически (только ли?) остались в телеге. Потому отмахнулись и от международного опыта, и от «пророков в собственном отечестве», таких, например, как А. Д. Сахаров. А ведь Андрей Дмитриевич предлагал, настаивал на том, чтобы все атомные электростанции «загнать» под землю, обеспечив таким образом с самого начала защиту окружающей среды, человека от возможных несчастий. Но что случилось и с этими предложениями, и с их автором, мы знаем: перекрестились только после того, как гром грянул.

Кто виноват? Конструкторы? Строители-рационализаторы? Недоподготовленные профессионально и нравственно эксплуатационники? А может, не стоит искать ответа на этот вопрос? Может, удовлетворимся результатами суда, определившего меру наказания непосредственным виновникам трагедии?

Да нет же, не о юридической ответственности речь. Речь о максимальном извлечении опыта, о предотвращении подобного в будущем. Вот для чего нужно искать и обязательно находить ответы на все возникающие вопросы. Это профессиональный и гражданский долг всех причастных к Чернобылю людей, всех свидетелей беспрецедентной катастрофы.

И еще об одном аспекте тех не принесших нам славы событий непременно, считаю, надо сказать. Прикиньте, когда взорвался четвертый реактор и когда мы все об этом узнали из официальных источников.

Дистанция, для подобной ситуации, получается более чем солидная. Почему она была выдержана? Кому и зачем она была нужна? Почему уже утром 26 апреля нельзя было сказать народу, особенно в примыкающих к Чернобылю областях, примерно следующее: «Товарищи, случилась беда. Она беспрецедентна, потому мы не знаем всех возможных ее последствий. Но на всякий случай соблюдайте такие-то и такие-то меры предосторожности».

Какой бы идеологии это повредило, какому бы государственному строю явилось угрозой, за рамки каких юридических и нравственных законов вышло бы такое предупреждение?

Нет, не предупредили. Не сделали и минимальной попытки обезопасить соотечественников, в том числе детей, стариков, женщин, отношение к которым всегда и у всех народов определяло уровень культуры человека, цивилизованности общества. Тут, что называется, ни убавить, ни прибавить...

А вот свидетельство иного порядка. 29 апреля находившийся в Чернобыле генерал-лейтенант А. Королев рассказывал потом, как он получил приказ присутствовать на первомайском параде в Киеве. Тогда-то он и услышал от В. Щербицкого ужасные по цинизму и по своей сути слова, относящиеся к аварии: «Ничего страшного нет». Удержимся от комментариев. Скажем только, что подобные заявления в подобных ситуациях есть тоже опасная зона. А в зоне, зараженной вырвавшимся из повиновения атомом, работали люди. Люди, верные присяге и своему гражданскому долгу. Работали, может быть, не до конца осознавая опасность, невидимую, не имеющую ни цвета, ни запаха, но от того не утратившую своей силы и беспощадности.

А если бы и сознавали до самого конца эту опасность люди? То все равно работали бы. Подавляющее большинство, во всяком случае. Делали бы дело, которое соотечественники потом оценят и назовут героическим, а самих людей, оказавшихся тогда в Чернобыле, героями. Всех, отмеченных и не отмеченных наградами государства. Они все отмечены благодарностью народа. И собственным чувством исполненного долга.

О них, героях Чернобыля, и попытался рассказать автор только что прочитанной повести. С его видением и оценкой тех трагических событий можно соглашаться или не соглашаться, можно упрекать его за то, что он отобрал не те факты, о которых хотелось бы прочитать нам, и не те, что нам хотелось бы, расставил акценты. Но он, как сумел, показал людей, ставших на пути смертельной опасности, угрожавшей соотечественникам, показал их высокий порыв, их не имеющую аналогов работу.

И не считите за высокопарность: низко поклонимся им всем, названным и не названным в этой повести.

Чернобыль
Они были первыми
Горячее небо
Эвакуация
Особое задание
Батальон особого назначения
Командир «зоны мужества»
На речных берегах
У опасной черты
На переднем крае
Дезактивация
Выпавшая фотография
Чрезвычайное происшествие
Бравада
Горелый лес
Человеческая ласка
В единстве — сила
Об этом забывать нельзя
Пурга
Эпилог

Литературно-художественное издание

Тараканов М. П.
ОСОБАЯ ЗОНА

Документальная повесть

Художник А. Ф. Давиденко
Художественный редактор Н. Р. Петрова
Технический редактор Н. Р. Петрова
Корректор Т. С. Ковалева

Сдано в набор 17.01.91. Подписано в печать 20.05.91.
Формат 84X108/32, Бумага тип. №2. Гарнитура рубленая. Печать высокая.
Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.- отт. 6,93. Уч.-изд. л. 7,1.
Тираж 50 000 экз. Изд. № 004. Цена 1 р. 90 к. Зак. 1—23.

Военное издательство Министерства обороны СССР, Киевский филиал
252151, г. Киев-151, ул. Народного Ополчения, 3.

Киевская книжная фабрика
254054, Киев-54, ул. Воровского, 24